

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ ВОКРУГ СВЕТА

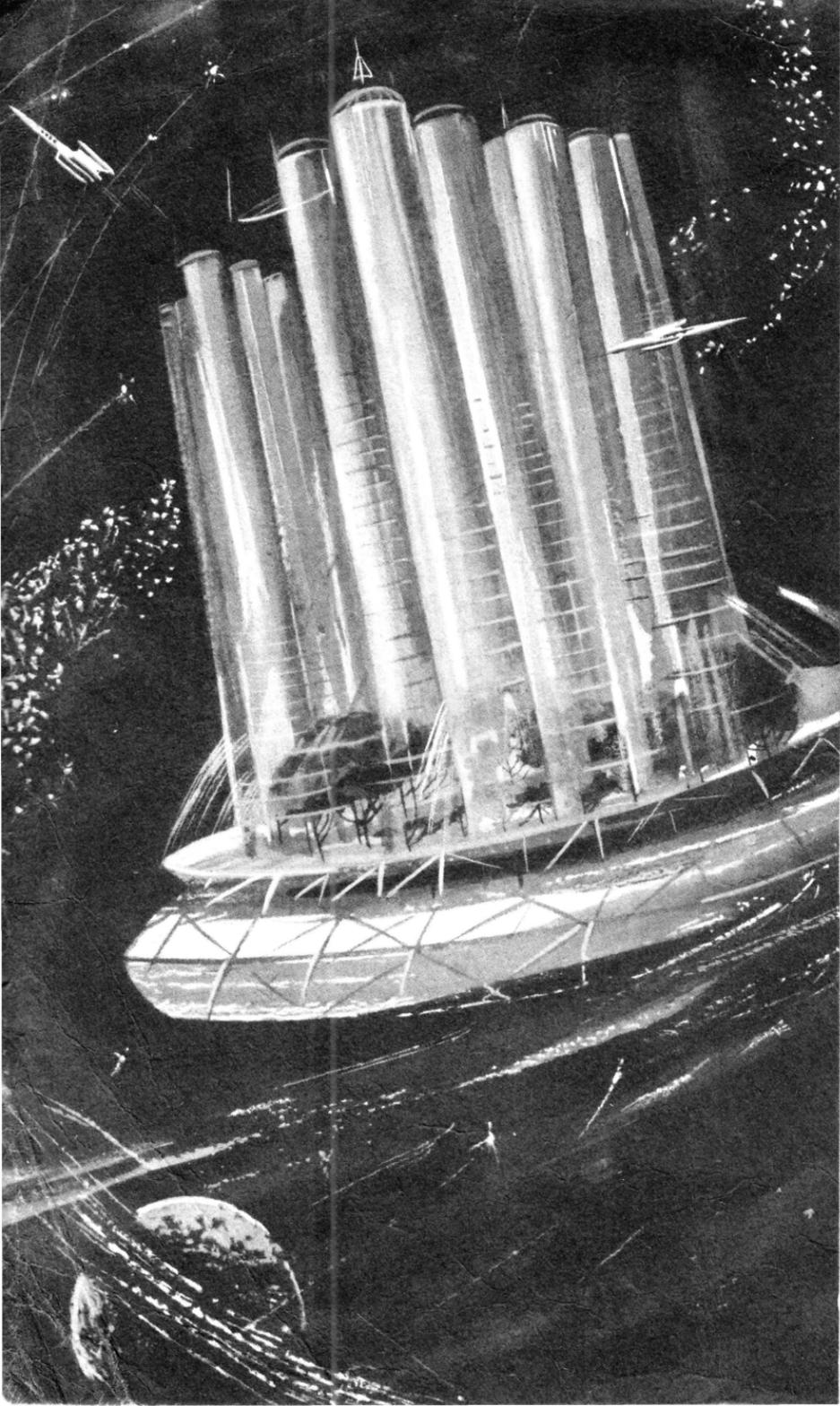
№1(7)
1962

СКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

...Может быть, с помощью таких созданных человеком «неощутимок» людям удастся побывать на самых неприступных планетах, своими глазами увидеть, что скрывается за их ядовитой атмосферой и в таинственных недрах. Об этом вы прочтете в фантастическом рассказе М. Емцева и Е. Парнова.

В просторах вселенной поплывут созданные человеком космические города... Об этом мечтал
Н. Э. Циолковский.

В НОМЕРЕ:

Приключенческая повесть

ЦЕНА СВОБОДЫ

*ЧЕЛОВЕК ОБЖИВАЕТ
КОСМОС*

*Неопубликованные материалы
К. Э. Циолковского*

ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

РЕАЛЬНО ЛИ ЭТО?

БОГАТЫРЬ НА ВОЛГЕ

Слава солдата

Очерк о герое

Великой Отечественной
войны

ПОЧЕМУ ПРОЦВЕТАЛА БАНДА
ДИЛЛИНГЕРА?

СКАЛОЛАЗЫ С ОСТРОВА МЮГ-
ГЕНЕС. БЕЗОБИДНОЕ ЧУДОВИЩЕ.
НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ.
УЛЬТРАЗВУК-ПЫЛЕСОС.

В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ

ЦЕНА

Рисунки В. Чернецова

СВОБОДЫ

ГЛАВА I

Кумало проснулся от грубых мужских голосов, доносившихся с улицы, истерического визга женщин и яростных вскриков и сопения борющихся людей. Он вскочил, не раздумывая, решительно рванул низенькую потайную дверь хижины, вырезанную в стене у пола, и скользнул в черноту мокрых, залитых росой зарослей бананового сада.

Пригнувшись, припадая на правую ногу, он пробежал по холодной траве шагов двести. Около оврага, до краев наполненного серым туманом, остановился, осмотрелся. Вербовщиков не было видно, и Кумало сразу пришел в хорошее настроение. Он скатился в потоке камней и песка на глубокое дно. Здесь было совсем темно. Кумало долго поднимался по сыпучему склону и, когда выбрался, с удовольствием вздохнул полной грудью.

Яркие звезды ласково смотрели на беглеца. Кумало улыбнулся далеким огням и пошел, хромая, через поле.

Иногда Кумало прислушивался. Нет, его бегства не заметили. Настроение Кумало все поднималось. Ловко он ускользнул от вербовщиков!

Над лесом всплыл, занял полнеба непомерно огромный месяц, заливая поля иньяма* тусклым красным светом. Тень от зарослей черной лужей разлилась по земле. Кумало уходил все дальше от селения.

* Иньям, или ямс, — тропический корнеплод.

Куст справа качнулся. Из-за него вышел солдат — аскари.

— Эй, назад!

Кумало замер. Но до леса оставалось несколько шагов, солдат стоял в стороне, и Кумало решился. Он ринулся к зарослям и, пригнув голову, нырнул с разбегу в кусты. Аскари закричал, грохнул запоздалый выстрел.

Кумало бежал сквозь подлесок. От росы он вымок с головы до ног. На нем была лишь набедренная повязка, его больно царапали колючки.

Наконец Кумало успокоился и пошел медленно, стараясь не шуметь. От вербовщиков надо прятаться лучше, они увели на рудники и плантации половину деревни. Вербовщики захватили бы всех, если бы жители не спасались от них.

Все глубже в лес уходил Кумало. От пней и сгнивших поваленных стволов пахло плесенью, застоявшейся сыростью. Ноги глубоко проминали мягкий ковер прелых листьев. Кумало не видел дороги и пробирался на ощупь. Все труднее становилось идти. Он протискивался сквозь густой молодой бамбук, кряхтя, подлезал под толстые лианы и вскоре оказался среди гигантского застывшего вихря зарослей. Деревья, кусты, лианы враждебно надвинулись на Кумало, обступили молчаливо и угрожающе. Было мокро, холодно, темно. Лунный свет не проникал сквозь хаос ветвей и кустов.

Кумало попытался вернуться назад, но всюду наткнулся на стволы и упругие колючие ветви. Обессиленный, он почувствовал себя маленьким и слабым. В отчаянье он решил прорваться во что бы то ни стало.

Но путь, которым Кумало шел сюда, исчез, растворился в темноте. Лес взял его в плен. Отдуваясь, Кумало сел на изогнутый ствол. Ветви упирались ему в грудь, в спину. Пришлось даже наклонить голову, потому что затылок царапал какой-то сук.

Отдохнув, он предпринял новую яростную попытку выбраться. Затем, поняв, что это бесполезно, стал деловито устраниваться на ветвях до утра. Зачем понапрасну тратить силы? Решив так, Кумало сразу успокоился. Теперь он старался не шуметь, чтобы не привлечь хищников. Кумало улыбнулся, представив себе одурченных аскари, которые пришли схватить его во сне, и почувствовал себя в ночном лесу совсем неплохо...

Однажды Кумало уже пришлось заночевать в лесу. Но тогда он был с женой. Они собирали с лиан каучук. Жена, хрупкая и маленькая, ничего не боялась. Он любил ее. На руднике в дни праздников, если его отпускали из компаунда*, он не ходил к продажным женщинам, как делали некоторые молодые рабочие. Это обидело бы ее, ласковую и доверчивую. Его не было рядом, когда она, больная, умирала. Он работал, как раб, там, на медных рудниках. И дети — продолжение его рода — тоже заболели и умерли. Ведь они остались совсем одни. Соседка, жена Каниамы, кормила их. Но у нее было много своих детей, и она боялась взять больных к себе в хижину...

* Компаунд — поселок горняков, огороженный высокими стенами. Выход из компаунда разрешается только по пропускам.

Под утро Кумало встрепенулся. Темнота немного рассеялась. От неудобного положения затекли ноги. Кумало пошевелинулся и невольно взглянул вверх. В густой листве — два круглых зеленых глаза. Леопард!

Неужели конец? Нет! Кумало не хотел умирать. Он испустил дикий крик, стараясь напугать зверя. Хищник подбирался, инстинктивно чувствуя беспомощность человека. Два светящихся глаза то пропадали в густой листве, то вновь появлялись. В отчаянье Кумало зашептал молитву, прося предков заступиться за него перед всевышним.

Леопард остановился. Неподвижные зеленые огни глаз в упор смотрели на человека. Кумало тяжело дышал. Он пытался дотянуться ногами до земли, прочно встать на нее, но всюду встречал лишь проседавшие под его тяжестью ветки.

Хищник сжался перед прыжком. Его плоская голова была совсем рядом. Кумало старался овладеть собой. Ран не избежать. Только бы не допустить зверя до горла, не дать ему вцепиться в грудь своими страшными, как ножи, когтями. Кумало инстинктивно притянул к себе молодое деревце, закрылся им.

И вдруг леопард забеспокоился. Он повернул голову в сторону и, прыгнув на верхнюю ветвь, исчез. Зверь чего-то испугался.

Стало почти светло, и Кумало торопливо выбрался из путаницы ветвей, настороженно осматриваясь. Он сделал несколько шагов по лесу и — остановился. Сквозь кусты на него глядели сумрачные умные глаза человека. Кумало метнулся в заросли. Но его не преследовали, и он успокоился.

Кумало шел к дому, размышляя о незнакомце. Он спас его от леопарда, но зачем он ходит по лесу в такое время? Вербовщики этой ночью были в селении Кумало, но, похоже, не от них скрывался человек. Станные дела творятся вокруг. Лучше быть подальше от того, что неизвестно.

ГЛАВА II

Вечером, когда Кумало, расположившись в хижине поудобнее, уже засыпал, послышались осторожные шаги. Что такое?

Шаги затихли, потом снова раздалась, теперь уже в другой стороне сада. Это не вербовщики. Те действовали бы иначе.

Снова шорох в листьях, осторожные, крадущиеся шаги. Кумало, готовый к бегству, скользнул к двери и рывком дернул засов.

Кумало с трудом переводил дыхание. Зачем они приходили? Что замыслили против него? Чтобы разогнать страх, Кумало зажег очаг. Маленькое желтое пламя заплесало между трех камней. В хижине никого нет. Дверь закрыта. Чего же бояться? Он лег и долго еще успокаивал себя...

Было светло, когда надсмотрщик Манве застучал в дверь. Кумало блаженно спал на шкуре буйвола, растянутой на грубой деревянной кровати.

— Почему спишь? — громко сказал надсмотрщик, стараясь придать своему голосу как можно больше достоинства. — Я и то встал! На плантации уже работают!

Кумало открыл глаза, неторопливо поднялся и вышел в утро, наполненное туманом. Воздух был влажен и бел, как сок каучуконоса. Ночные страхи исчезли. Кумало сладко потянулся.

— Очень усердный ты стал, — Кумало усмехнулся, сверкнув белыми ровными зубами. — Не надорвись.

Слегка сутулясь, Кумало направился по красной пыльной дороге к плантации вождя. Он шел неторопливо, спокойно и не возмущаясь. Какой толк от ненужных проклятий? Зачем горевать и волноваться, если он ничего изменить не может? Ведь ему не выгнать мзунгу — европейцев, установивших в колонии свои порядки, и не изменить несправедливых законов. Он воспринимал неприятности, не впадая в мрачное настроение, и старался не думать об опасности, когда она не угрожала ему.

За такой философской стеной Кумало отсиживался, переживая жизненные бури.

Кумало шагал сейчас на плантацию вождя и мурлыкал песенку, словно шел не работать на презренного человека, а смотреть танцы воинов. Кумало был мрачноват с виду. Но это впечатление сразу рассеивалось, лишь только на лице его появлялась добрая улыбка, говорившая о мягкости характера и доверчивости. Подбородок его выдавался вперед, как у большинства африканцев. Во всем облике Кумало не было ничего примечательного, кроме глубоко запавших глаз, которые смотрели на мир внимательно и смело, и где-то в глубине их часто вспыхивали веселые насмешливые искорки.

На кофейной плантации вождя Мбулу уже работало несколько человек. Мбулу расширял плантацию за счет земель соплеменников, пропавших на рудниках.

Кумало, как и все, месяцами работал на Мбулу. У него не оставалось времени для своего поля, потому что ему приходилось еще обрабатывать свою «плантацию принудительных культур». По закону каждый африканец в «воспитательных целях» должен был выращивать полгектара масличных пальм и отдавать их плоды «Всеобщей африканской компании». Тех, кто отказывался разводить плантации, отправляли в тюрьму.

Кумало собирал плоды кофе и думал о ночных посетителях. Кто приходил? Зачем? Вдруг придут снова? Но, может быть, и не придут. Не стоит зря думать о них.

От жары даже мухи попрытались под листья. Надсмотрщика рядом не было, и Кумало, расположившись на теплой земле, стал есть красные спелые плоды кофе. Основательно он ел только раз в сутки, вечером, довольствуясь в течение дня плодами и орехами.

Кумало увидел надсмотрщика с короткой палкой в руках, который вышагивал своими огромными босыми ступнями, — увидел, но продолжал лежать.

Манве подошел, грозно глядя на непочтительного подчиненного.

— Я рядом, а ты лежишь?

— Отдыхаю. — Кумало спокойно разглядывал надоедливого человека.

Было в Кумало что-то внушающее уважение. Это сдерживало и раздражало надсмотрщика.

— Ни меня, ни вождя не слушают. Скоро за всех возьмемся!

— Не боюсь я вас. У меня нога опухла, — сказал Кумало и встал.

Издали донеслись удары тамтама. Кумало насторожился. Тревожные слова выбивал барабан: «Вербовщики! Вербовщики!»

Бежать! Но рядом стоял надсмотрщик и подозрительно косился на него.

— Работай, нечего слушать!

Пригибаясь к земле, пробежал к лесу сосед Кумало Каниама, задолжавший вождю. Должников отдавали на рудники в первую очередь.

А низкий голос барабана все кричал об опасности. Торговцы людьми по соглашению с вождем района Мбулу черпали рабочую силу главным образом из соседних селений. Свое селение Мбулу берег, как мог: людей Цангу проще заставить работать на плантации, чем жителей дальних деревень.

Убедившись, что убежать не удастся, Кумало вздохнул и стал ждать.

На лесной дороге, зарастающей кустами, появился отряд: десяток солдат-африканцев и три вербовщика. Районный комиссар ван Нелон лениво, словно на прогулке, шагал впереди. Кумало с тревогой смотрел на них.

Районному комиссару ван Нелону на вид было лет тридцать пять. Тяжелые складки у рта, презрительно-безразличный взгляд серых холодных глаз, медлительная важная походка — все говорило, что человек этот здесь властелин.

Ван Нелон появился в колонии лет десять назад. Получив место районного комиссара, ван Нелон горячо принялся за дело. Чтобы показать свои способности, комиссар решил поднять доходность района. Прежде всего он запретил вербовщикам забирать людей. Африканцы должны были больше сажать и сеять, больше платить налогов и добывать ему, ван Нелону, славу хорошего чиновника.

И тут он обнаружил, что в колонии действуют силы более могущественные, чем администрация. «Всеобщая африканская компания» вершила многими делами в колонии, и горе было тому простаку, который пытался встать на ее пути. Ван Нелон узнал об этом, когда вербовщическая компания пожаловалась и на него. Ван Нелон был срочно вызван к губернатору провинции и едва не лишился места.

Сообразив, что от него нужно, ван Нелон круто изменил политику. Теперь он посылал людей на рудники по первому требованию компаний, стараясь лишь получить с нее за каждого «завербованного» как можно больше.

В то время как комиссар шагал к селению во главе отряда, вождь Мбулу сидел на крыльце своего дома, не ведая о надвигающейся грозе. Сделав страдальческое лицо, он старательно накручивал на палочку белую нитку червя-кинсукулу, попавшего в его тело и просунувшего головку сквозь кожу на правой щиколотке. Дело требовало осторожности. Следовало бы поехать к врачу в город, но Мбулу не решался покинуть своих

подчиненных, которые только и мечтали разграбить в его отсутствие склады с мукой, повыдергивать маниоку с его полей и даже заняться колдовством против него.

Мбулу был одним из многих тысяч посредников «Всеобщей африканской компании», последним звеном одного из щупалец разросшегося на весь континент финансового чудовища. Мбулу скупал продукцию «принудительных культур» у соплеменников и продавал ее торговой фактории «Всеобщей». Он обвешивал своих подданных и недоплачивал им. Маленький тиран пользовался в своих селениях неограниченной властью.

У Мбулу не было друзей. Он сослал их на рудники и за каждого из них получил по сто франков. Даже брата своего, Извао, он ненавидел потому, что тот ругал его, вождя, при всех выказывая неуважение. Это от него пошли обидные клички: «гнена» и «червяк-кинсукулу». Затаил ненависть Мбулу против брата, ждал только момента, чтобы расплатиться.

В последнее время Мбулу немного притих. В окрестностях появились партизаны. Мбулу боялся выходить по ночам. Около его дома всегда дежурили полицейские. Но когда появились «войска безопасности» и партизаны ушли, Мбулу опять воспрянул духом.

Увидев приближающийся отряд во главе с ван Нелоном, Мбулу всполошился. Опять комиссар пришел за людьми. Подавив в душе горестное чувство, Мбулу вскочил и, руководствуясь правилом «целуй руку, которую не можешь отрубить», побежал навстречу дорогому гостю, кланяясь и морща лицо в кислой улыбке.

— Джамбо! * Нужно много людей, — сказал ван Нелон скучающим тоном. Он лениво, с безразличием оглядел плотную фигуру своего подданного.

Мбулу указал подбежавшему полицейскому на бревенчатый сарай, заменявший тюрьму, где содержались нарушители порядка.

Арестованных вывели.

— Только пять? — Взгляд ван Нелона неторопливо, без всякого интереса скользнул по фигуре вождя, словно перед ним был столб.

— Бери из других моих селений, бвана **, — робко забасил Мбулу. — Люди Цангу должны работать на принудительных культурах по закону от тридцать первого года. На курсах вождей бвана учитель объяснял...

— Закон здесь я, — нехотя, со скукой проговорил ван Нелон. — Через час здесь должно быть сто человек. — Ленивым жестом он указал на красную пыльную площадку около себя. Нагловатые, навыкате глаза Мбулу преданно смотрели на районного комиссара. Ван Нелон кончил говорить, и Мбулу ринулся выполнять распоряжение. Большой барабан вождя загудел, собирая народ.

Когда полицейские пришли за Кумало, он спокойно отправился с ними на площадь. Если убежать не удалось, надо идти. Нече-

* Джамбо — здравствуй.

** Бвана — господин.

го зря тревожиться. Втайне он сильно надеялся на свою опухшую ногу.

Перед домом вождя уже сгрудился народ. Женщины волновались, кричали, плакали. У многих из них на руке, от плеча до кисти, была проведена белая линия — знак траура.

Мужчины настороженно и враждебно молчали.

Кумало стоял впереди, выставив опухшую ногу. За человека с такой ногой ни одна компания не даст и франка.

— Ну, кто хочет первый на медные рудники? — нагловатые глаза Мбулу пренебрежительно пробежались по толпе мужчин. — Никто? — В голосе вождя прозвучали нотки деланного возмущения. — Ну, тогда... Ты — туда, ты — давай сюда...

Мбулу стал делить мужчин на две группы.

Высокий вербовщик с красным лицом и мешками под глазами зорко следил за действиями вождя. Прошлый раз Мбулу подсунил им двух больных, которые умерли в пути, и пятерых отчаянных парней, сбежавших в дороге. Компания не оплатила убытков.

— Кумало, сюда!

Кумало не торопился. Мбулу указывал ему на группу крепких парней. Когда глаза вербовщиков остановились на Кумало, он неторопливо пошел в противоположную сторону, так раскачиваясь и волоча правую ногу, словно к ней была привязана каменная ступа для растирания маниоки.

— Не сюда! Не сюда! Бегемот! — заорал Мбулу. Он понял тайный замысел подчиненного. — Не сюда! В эту группу!

Высокий вербовщик зло уставился на усиленно хромающего Кумало. Этот Мбулу — настоящий жулик!

— Ты что, Мбулу, опять обманываешь? А ты куда ковыляешь? — закричал он на Кумало.

Кумало, ухмыляясь, направился обратно. Глаза его насмешливо смотрели на осрамившегося Мбулу.

— Вождь Мбулу стал видеть хуже носорога, — проговорил он, хромая больше прежнего. Лицо его сияло. — Большую ногу от здоровой не отличает.

Выкаченные глаза Мбулу пробежались по толпе, остановились на стоявшем отдельно брате. Полицейские не посмели поставить Нзвао, брата вождя, вместе со всеми. По лицу Мбулу скользнула злая усмешка.

— Нзвао! Вставай сюда!

Толпа ахнула. Даже гиена не пожирает гиену. Прекратились крики. Высокий вербовщик удивленно повернул голову к Нзвао. Нзвао, постояв в нерешительности, медленно пошел к указанной ему группе. Проходя мимо Мбулу, он процедил:

— Вернись — сочтемся. Живи, пока я там.

— Ты сначала вернись, — Мбулу злобно рассмеялся.

Были они внешне похожи друг на друга. Только в лице Нзвао было что-то приятное, располагающее к себе. Соплеменники любили его, прощая ему даже, что он брат «кинсукулу». Люди молча расступились, приняли его в свою группу.

Кумало глядел на Мбулу и ужасался. Он вспомнил, как мальчишками они все вместе играли в воинов, и Нзвао всегда заступался за младшего Мбулу...

Вдруг отобранная к отправке группа всколыхнулась. Несколько человек ринулись к лесу, прыгая через кусты.

— Держи! — заорал густым басом Мбулу. — Ловите их!

Мбулу знал: никто не станет преследовать беглецов. Он кричал, чтобы комиссар не упрекнул его потом.

Нзвао стоял в первом ряду и не спускал мрачного взгляда с Мбулу. Было в этом взгляде что-то страшное, и Кумало почувствовал, что день, когда Нзвао вернется, если он вернется, будет последним днем Мбулу.

Комиссар, вербовщики и Мбулу ушли в дом для расчета. Когда они вернулись, лицо вождя сияло. За каждого человека он получил по сто десять франков. Но еще больше его радовало, что, несмотря на угрозы вербовщика, требовавшего деньги за умерших и сбежавших в пути людей, деньги эти он так и не отдал. Сам ван Нелон поддержал Мбулу, сказав вербовщику: «Надо смотреть, что покупаешь».

Отряд завербованных, окруженный солдатами, тронулся по лесной дороге.

Ван Нелон постоял немного и лениво направился в дом вождя. Мбулу шел за ним на расстоянии, в животе у него холодело от страха.

— Вот что, Мбулу, — проговорил ван Нелон со скукой, — ты слишком много получил. Мне нужны две тысячи франков.

Это был грабеж. Мбулу тяжело дышал. Гнев против жестокой несправедливости и ужас перед всеокрушающей властью комиссара боролись в нем, готовые выплеснуться наружу.

— Бвана комиссар только что получил от меня две тысячи и от вербовщиков тоже, — начал Мбулу, заикаясь и стараясь сдерживать дрожь в голосе.

Выгоревшие брови районного комиссара удивленно взлетели вверх. Он не ослышался? Кто-то смеет возражать ему? И Мбулу, могущественный Мбулу, перед которым трепетали соплеменники, отступил, как отступает задравший козу леопард при появлении льва. Оборвав горестную речь, Мбулу принялся отсчитывать деньги. Однако, несмотря на глубокое горе, Мбулу все же сумел недодать комиссару стофранковую бумажку.

Когда ван Нелон удалился ленивой походкой, ограбленный и оскорбленный Мбулу быстро утешился. Утаенная сотня подействовала как целебное средство.

Кумало стоял на краю селения и грустно смотрел вслед уводимым друзьям. Опустело, потускнело селение. Ушли самые веселые и жизнеспособные, ушли работать на неизвестных и не нужных им людей.

ГЛАВА III

Бежали дни и недели, до краев наполненные волнениями и тревожными ожиданиями. Пустел поселок, выскребаемый цепкими лапами вербовщиков. Все меньше оставалось людей, и кольцо вокруг Кумало сжималось.

Умирало селение. Улицы и площади зарастали травой. Трава заползала в пустые хижины. Покинутые жилища мрачно смотрели черными проемами незанавешенных входов. На крышах

давно появились кусты, запустившие корни в гнилые пальмовые покрытия. На поля ямса и маниоки наступали джунгли, заглушая все своим несокрушимым зеленым строем. Кустарник вражеской цепью подбирался к деревне.

Ночью в заброшенных садах орудовали гиппопотамы, приходившие с реки. Кумало слышал их довольное хрюканье. Днем он с безразличием смотрел на обезьян, которые разбойничали в опустевших полях. Мысль о рудниках не покидала его.

Однажды вечером Кумало сидел у огня и вслушивался в тишину. Слабый свет очага освещал хижину.

Кумало лег на травяной коврик и принялся, медленно шепча слова, читать газеты, привезенные с медных рудников. Почему одни люди как сумасшедшие хотят отнять у других все? Разве веселее живется вождю Мбулу оттого, что он заставил всех на себя работать? Его все ненавидят. Или вербовщики...

Далеко за полночь Кумало услышал легкий треск и шорох шагов в саду. Он встал. Шаги стихли, но он чувствовал: кто-то находится рядом. Опять таинственные ночные гости. Что им нужно? Легкие, крадущиеся шаги приблизились к самой хижине. Кумало затаил дыхание. Несколько секунд двое молча стояли друг против друга, разделенные тонкой дверью. Но вот ночной посетитель начал удаляться. Кумало послушал немного. Смелость вернулась к нему. Надо узнать, кто приходит. Он вынул засов и вышел в ночь. Густой туман серым одеялом покрыл землю. Тишина затопила селение. Лишь изредка долетали крики далекой ночной птицы. Кумало сделал несколько шагов и наткнулся в тумане на человека с копьём. Кумало попытался.

Веселый спокойный голос спросил:

— Не узнал?

Кумало не мог прийти в себя от волнения. В темноте не рассмотреть человека.

— Это я, Зонде. — Он говорил дружелюбно.

Кумало сразу сообразил, кто перед ним. Два года назад Зонде увели на рудник. И вот он явился среди ночи. «Не боится», — подумал Кумало, приходя в себя и с любопытством рассматривая посетителя. Зонде стоял перед ним, стройный, широкоплечий, держа в слегка отведенной руке копьё.

— Своего дома не найду, туман. Второй раз прихожу.

— Хе! Хватился! Давно твоей хижины нет.

— Новую построю. — Зонде засмеялся. — Брат жив?

— На рудники взяли, да убежал. Приходили, искали.

— Станет он таскать им корзины с рудой! — Зонде опять засмеялся.

Гость Кумало был веселым человеком. Кумало тоже пришел в хорошее расположение духа.

— Входи в хижину, Зонде. Здесь кто-нибудь увидит.

Зонде осмотрелся.

— А ведь я не один. Товарищей моих примешь? — Зонде тихо свистнул, и из тумана вышли четыре воина, вооруженные копьями.

Кумало не удивился, не сказал ни слова. Сделав знак заходить, он первым скользнул в горьковатое от дыма тепло хижины.

— Хорошая у тебя хижина. — Зонде уселся у костра. — И огонь горит так приятно. — Он смотрел на Кумало ясным взглядом. Остальные четверо тоже сели вокруг очага, не расставаясь с копьями.

Кумало незаметно рассматривал друзей Зонде. Один из них, с деревянным диском, расправившим мочку уха, молча смотрел в сгонь. У другого был шрам на левой щеке. Его дерзкие, разбойные глаза бесцеремонно ошупали Кумало. Человек чувствовал себя в хижине как дома. Хозяин нисколько не мешал ему.

— Есть хотите, братья?

— Дай чего-нибудь. — Зонде широко улыбнулся. — Завоеем свободу, тогда вернем.

Слова о свободе заинтересовали Кумало. Хорошо поговорить с новыми людьми!

— У меня только маниконовый хлеб, брат.

— Давай хлеб, — сказал парень со шрамом. — Больше ничего нет?

Кумало разделил длинный скрученный хлеб на пять частей.

— Ешьте и забудьте о неприятностях.

Зонде взял хлеб правой рукой, а левой прикрыл его в знак благодарности.

— Выгоним мзунгу, хороший обед сварим. — Зонде с серьезным видом принялся есть.

— С рудников убежал? — спросил Кумало, дождавшись, когда Зонде поест.

Зонде улегся у костра, придвинул копьё и стал рассказывать. Он убежал давно. Работал в городе на сборке речных судов. Участвовал в демонстрации и попал в тюрьму. Зонде говорил добродушно, улыбаясь приятной, располагающей улыбкой.

— Из тюрьмы удрал. Партизанский отряд создали. Да недавно напоролись на «войска безопасности». И как они узнали о нас? Мы ведь только что большой переход сделали. Кто-то нас выдал. Все полегли в лесу. Только мы пятеро остались. — Лицо Зонде помрачнело. Он наклонил свою небольшую красивую голову, словно перед ним был враг.

— Если бы не Булола, — он снова улыбнулся и взглянул на парня с разбойными глазами, — и мы бы в лесу остались. Вывел нас.

Булола ухмыльнулся и снисходительно посмотрел на Кумало. Булолу мало интересовало, какое впечатление произвел его подвиг на хозяйина хижины. Кумало почувствовал симпатию к дерзким глазам.

— У меня есть еще кусок, — он подал хлеб Булоле.

— Вербовщики всё ходят? — спросил Зонде.

— Да. Мало народу осталось в Цангу, брат.

— А теперь им много людей нужно будет. Слышал, какие деньги «Всеобщая африканская компания» в колонию вкладывает?

Кумало ничего не слышал. Он даже не знал о существовании этой компании.

— Мне на верфи один ученый наш, африканец, рассказывал, чем больше в колонию капиталов присылают, тем больше рабочих нужно. Теперь вербовщики не отвязнутся от вас.

— Никогда им не поймать меня.

— Поймают.

— А если и поймают, я заранее огорчаться не буду.

— Не будем огорчаться, когда свободу завоюем.

Зонде говорил о врагах, не злобясь, но в его словах была непоколебимая вера в справедливость своих суждений.

При свете костра Кумало внимательно рассматривал открытое, приветливое лицо гостя. Светлый, честный взгляд Зонде сразу располагал к себе. Но за веселостью и добродушием человека с большой душой Кумало чувствовал железную твердость. Этот пришедший из ночи командир партизан, бросивший врагам вызов, был какой-то особенный, сильный. Кумало даже подвинулся поближе к Зонде.

— Пойдем с нами, Кумало, что ты здесь сидишь? — сказал Булола. — Лучше воевать!

— С вами пулю получишь!

— Ты что же, воевать за свою свободу боишься, а сгинуть на руднике тебе не страшно? — Зонде добродушно засмеялся.

— Я верно делаю, что не иду. И вы тоже верно делаете, что воюете, — рассуждал Кумало. — Вы убежали, воевали. Теперь вам нельзя попадаться. А мне зачем самому лезть?

— Пожалеешь, когда вербовщики поведут тебя. — Зонде смотрел на Кумало с веселой усмешкой. Кумало стало неприятно от этого взгляда. — Вся провинция готовится к выступлению, а ты сидишь тут, как корень маниоки в земле...

Помолчали. Партизаны дремали у очага. Один Булола таращил глаза, ковырял палкой в огне.

— Слушай, Кумало, не знаешь, где сейчас Фиви? — смущенно зашептал Зонде.

— Давно уже взяли на хлопковую плантацию. Около Кукивиля она, брат.

Кумало вспомнил высокую красивую и веселую невесту Зонде. Вечерами в сезон ночных танцев Фиви любила шутить над парнями: приклеивала к спине лист с нарисованной рожицей, бросалась кусочками бананов и потом смотрелась с невинным видом или подговаривала подруг и вводила их всех с танцев. Ей все прощалось. Только над Зонде она никогда не шутила. Зонде был тогда еще лучше, чем теперь.

— Так она около Кукивиля?

— Да, брат. Красивая девушка Фиви, — сказал Кумало и не стал продолжать. Красота невесты — дело только ее жениха.

В сухих листьях крыши послышался шорох. Неужели вербовщики? Кумало медленно поднялся прислушиваясь. Легко вскочил на ноги Зонде. Он оживленно, с любопытством глядел на Кумало, словно опасность нравилась ему, как интересное приключение. Кумало подумал, что с такими людьми можно встретить любого врага.

Шорох прекратился. В тишине слышались удаляющиеся шаги. Булола стоял с безразличным видом. Трое партизан сжимали копыя, готовясь принять бой.

Кумало вышел и вскоре вернулся.

— Мышь, верно, — сказал он устало.

— Что-то твоя мышь громко ступает, — сказал Булола, подозрительно глядя на Кумало.

— Если мышь убежала, значит боится нас, — бросил добродушно Зонде.

— А может быть, кто-то шел со свидания и заблудился в тумане, — рассуждал Кумало.

Он закрыл дверь на засов, и партизаны легли спать.

За тонкими, обмазанными глиной стенами начался дождь. Потoki воды глухо шумели на крыше. Ветер выл и плакал в ветвах. Где-то рядом гневно ударил гром. Жилище на миг осветилось изнутри ослепительно белым светом молнии. Шесть человек лежали в сухой теплой хижине у краснеющих углей очага.

Тревожные мысли бродили в голове Кумало. Сейчас, когда он выходил из хижины, кто-то шмыгнул в темноту. Кумало не сказал об этом Зонде. Может быть, просто кто-нибудь шел мимо. А если полицейские схватят партизан?

Всю ночь не сомкнул глаз Кумало, готовый при первой опасности разбудить партизан.

Однако ничего не случилось. Наступило утро, воинам нужно было уходить в лес.

— Приходите вечером, — сказал Кумало Зонде. — Я сварю обед.

— Не бойшься? Тебя за нас...

— Приходите, — Кумало смотрел на Зонде с уважением.

Легко и быстро побежал Зонде впереди маленького отряда.

Сколько в нем силы! Кумало залюбовался командиром партизан. Воины бежали за ним, ступая след в след. Кумало, сутулясь, смотрел, пока они не исчезли в легком тумане, потом вздохнул, пошел в сад. Хорошие они люди, но все же безопаснее сидеть дома.

Едва партизаны скрылись, как на улице показался Мулур, управляющий хозяйством вождя Мбулу и добровольный шпион. Увидев его, Кумало почувствовал себя так, словно, проснувшись в хижине, увидел в ногах пригревшую змею. Значит, ночью был Мулур! И он, Кумало, еще пригласил партизан обедать! Выходит, он их предал?

Стараясь сохранить спокойствие, Кумало принялся разбивать косточки плодов масличной

пальмы для продажи вождю, наблюдая из сада за Мулу-рой. Шпион пересек улицу и прошел около хижины Кумало. Здесь он замедлил шаги, рассматривая отпечатки босых ног на влажной от дождя земле. «Заметил!»

Кумало усиленно стучал камнем, будто и не видел согла-дая. Негодяй и не подозревает, как он близок к цели.

«Презренный человек! Партизаны рискуют жизнью, чтобы не было вербовщиков, а этот скорпион... Предупредить Зонде!»

Чтобы не привлекать внимание Мулуры, Кумало расколол це-лую кучу косточек. Затем он отправился в лес. Может быть, удастся встретить партизан.

Кумало с трудом продирался во влажной духоте молчаливого царства зелени. Зелено было все, даже стволы некоторых де-реьев. Лианы, ветви, стволы переплелись, душили друг друга. Вверху, где виднелся кусок неба, листья, толстые, кожистые, блестели глянцем. Здесь же, внизу, они были нежны, покрыты каплями невысохшей росы.

Кумало долго шел сквозь заросли, потеряв уже всякую на-дежду встретить партизан. Он остановился, раздумывая, что ему делать. В полной тишине раздался шепот. Кумало повер-нулся и увидел, как дрогнули кусты. Там прятались люди.

Кто это? Партизаны? Но партизаны знают Кумало. Может быть, полиция?

Кумало пригнулся и побежал.

Вскоре впереди вспыхнул солнечный свет. Кумало осторожно подошел к опушке.

На широком поле раскинулось странное селение. Улицы за-росли высокой травой. Ни одного человека! В удивительной тишине ярко светило горячее солнце. Селение было мертво.

Кумало, озираясь и робея, шел по пустынной деревне. Ни-кого. Всех увели вербовщики.

Хижины, молчаливые свидетельницы в шапках из пальмовых листьев, смотрели на Кумало мертвыми глазницами черных дверных проемов, не в силах поведать о страшных делах, ви-денных ими.

Кумало остановился около большой хижины вождя, которая возвышалась над селением.

«Партизаны уже пересекли большой лес...» Что такое? Кумало не ослышался? Кто произнес эти слова? Кумало испуганно огля-дывался. Безлюдно и тихо. И снова раздался голос из большой хижины. Кумало слышал только обрывки фраз: «Наш человек из отряда... ждут сигнала... войска безопасности... уже раз-громили...» Что делать? Люди обсуждают какую-то тайну. Они подумают, что Кумало шпионит за ними. Кто это? Партизаны? Полиция? Или беглые с рудников? Кумало прирос к земле. Лоб покрылся холодным потом.

Он стал медленно пятиться к саду. Уйти отсюда...

Рядом легла тень. Кумало втянул голову, ожидая удара. Цепкие пальцы грубо схватили его. Острые наконечники копий уперлись ему в спину, в грудь. Глаза Кумало метались по не-знакомым лицам. Тяжелые, разъяренные взгляды.

Из хижины выбегают люди. Кто они? Кумало окружили. Не выскользнешь. А что он сделал плохого? Кумало стал успокаи-вать, подбадривать себя. В такой яркий веселый день с ним не

произойдет ничего страшного. А если и суждено случиться, что он может сделать один против всех?

Из хижины вышел человек. Люди молча уступили ему дорогу. Человек, невысокий, но, видимо, очень крепкий, приблизился к Кумало. Толстые губы сжаты в плотную прямую линию. Из-под тяжелых набухших век властно и сумрачно смотрят умные глаза. Нос его слишком широк. Кумало узнал этого человека: он спугнул тогда в лесу леопарда.

— Ты кто? — негромко спросил человек, осматривая Кумало усталым взглядом.

— Я из Цангу.

— Зачем пришел сюда? — Человек говорил один. Остальные уважительно молчали.

— Я искал козу.

— Далеко завела тебя коза. — Вокруг засмеялись. Человек не улыбнулся. — Больше ты не будешь подслушивать.

— Вы убьете невинного.

— Невинного? Ты заслужил смерть. Из-за таких, как ты, умирают хорошие люди. — Человек не повышал голоса, и от этого слова его звучали особенно страшно.

Кумало стоял среди враждебных людей, слегка сутулясь, внешне невозмутимый. Он не спешил говорить о партизанах. Зачем торопить свою смерть?

— Это человек ван Нелона, — высказал предположение один из людей.

— Так тебя ван Нелон послал? — сказал человек с широким носом. — Ты бы сразу сказал. — В умных глазах его под набухшими веками Кумало заметил хитрые искорки.

— Я искал козу.

— Значит, не скажешь, зачем пришел? — человек взглянул на двоих вооруженных копьями людей, и те встали позади Кумало.

— Уложить его здесь, шпиона, — сказал тот, который высказал предположение, что Кумало человек ван Нелона.

Человек с широким носом сумрачно посмотрел на воинов, стоящих позади Кумало, слегка кивнул головой, и те стали подталкивать пленника к кустам. Кумало почувствовал, что наступает последняя минута. Надо на что-то решиться.

Из-за хижины появился Булола. Кумало радостно смотрел на партизана. Спасен! Разбойные глаза Булолы казались такими симпатичными сейчас. Но Булола взглянул на Кумало, безразлично отвернулся, словно не заметил его, и нырнул в хижину.

Кумало оторопел. Что случилось? Булола же видел его! Почему он ушел? Спасение было совсем рядом...

На опушке леса часовой яростно махал веткой. Произошло замешательство. Люди, забыв о пленнике, кинулись к часовому. Лишь один воин остался около Кумало. Воин вытягивал шею, взволнованно смотрел в ту сторону.

— Полиция! — донеслось с опушки. — Спасайся!

Кумало метнулся к лесу. Он ворвался в кусты, пробежал несколько шагов и налетел на притаившегося полицейского. Испуганный полицейский закричал, призывая на помощь, и вцепился в Кумало. Кумало рванулся в сторону, протаскил его по земле, потом изо всех сил лягнул, освободился и ринулся сквозь чащу.

Сзади раздавались резкие крики задыхающихся от бега людей, треск сучьев. Кумало бежал, пока не стал падать от усталости. Нужно остановиться, спрятаться. Кумало заметил огромную кайю. Не мешкая, он полез вверх по ветвям, протиснулся в густую листву и притаился.

Вскоре он услышал голоса. Мимо деревьев быстро шли двое. Кумало раздвинул листья и увидел Булолу и человека с широким носом. Кумало хотел окликнуть Булолу. Надо предупредить партизан. Вечером в Цангу их ждет опасность.

— Придется отменить выступление, — долетели до Кумало слова. Говорил человек с широким носом. — Им все известно. Нас кто-то выдал.

— Это парень из Цангу привел ищеек. Его подослал губернатор. Надо было пришибить предателя, — зло сказал Булола, и Кумало раздумал показываться. Что ж, Булола мог подумать, что он, Кумало, шпион. Пришел Кумало — и появились полицейские. «Теперь все будут думать, что я предатель!» Эта мысль обожгла Кумало. Нет, не приводил он полиции. И тут он вспомнил, как Булола спрятался от него в мертвом селении. Здесь что-то не так. Надо сегодня обо всем рассказать Зонде.

ГЛАВА IV

В доме не осталось продуктов, а он обещал партизанам обед. Знает Мулуря о них или нет, но люди должны поесть. Днем Зонде не придет, а вечером Кумало выйдет к нему навстречу. Нужно только быстро приготовить обед. Придется опять идти просить к вождю Мбулу. Не очень приятно.

Кумало взял кожаный мешок и отправился. Вечернее солнце золотило пригихшее селение. В запущенных садах не было видно людей. По полю соседа уже много дней ходила белая коза. Ее хозяев увели вербовщики. Не дождется коза их возвращения.

Во дворе вождя ожидало несколько человек. Кумало сел на землю, стал вслушиваться в гудящие удары барабанного телеграфа. Прерывистые звуки летели над бесконечной лесной равниной, несли вести обитателям глухих деревень.

«...Повстанцы захватили окраину... Сожгли здание католической миссии... Парашютисты прибывают...»

Лица слушателей, усталые и изможденные, оживились.

— В соседнем районе партизаны разгромили фабрику «Всеобщей африканской компании», — сказал сосед Кумало Каниама — маленький, худенький, с вытатуированным на животе там-тамом. — Говорят, видели Нзвао, брата Мбулу.

— Войска не зря в провинцию стягивают, — Кумало осмотрелся, всем ли можно доверять: — Какой-то заговор в провинции.

И тут же в голове вновь всплыла неприятная мысль: «Почему прятался Булола? Сообщить о своих сомнениях Зонде?»

Вышел Мбулу. Все замолчали, настороженно косясь на вождя.

Мбулу встал на крыльце и, словно никого во дворе не было, стал смотреть на двух обезьян, затеявших перебранку высоко

в ветвях хлебного дерева. Наконец он взглянул на соплеменников и незаметно тряхнул коленкой: звякнули на груди медали, полученные от хозяев за усердную службу.

— О бунте слушаете. Все равно бунтовщиков повесят, — пренебрежительно буркнул вождь.

Мбулу величественно повернулся к Чуиме. У Чуиме была замысловатая прическа, похожая на гребень падающей волны, тянувшейся ото лба к затылку. Под волной шла узкая выстриженная полоса.

— Ты чего пришел?

Чуиме улыбнулся, осторожно потрогал прическу и, показывая на пожилого худого человека, только что мирно беседовавшего с ним, сказал:

— Его коза, бвана, в мой огород залезла, — рот парня расплылся в широкой добродушной улыбке.

Вождь важно нахмурился: дело серьезное.

— Жалуешься?

— Нет. Твой полицейский велел прийти. — Чуиме просто душно смотрел на Мбулу.

Мбулу, тяжело ступая, медленно, с достоинством прошел через двор, сел за стол под навесом и надел белый парик из волокон пальмы рафии. Все было, как у судьи в городе.

— Подойдите оба!

Прежде чем приступить к делу, Мбулу долго и аккуратно поправлял медали на груди, потом дунул на них, и разбирательство началось.

— Твоя коза, — обратился он к старику, — залезла в огород к Чуиме?

— Да, бвана, — старик с готовностью поклонился, видимо желая умиловить грозного судью.

— Ела там маниоку?

— Да, бвана. Выдернула и съела, — в голосе подсудимого звучали покорные нотки. — Ты прости меня. Я уже старый.

— Какой ты старый? Десять суток ареста. Есть будешь ходить домой.

— Не посылай меня на плантацию, бвана. Коза съела, а не я.

— Я воспитываю, поэтому и посылаю.

Мбулу смотрел на просителя и, казалось, не замечал его. Он повернулся к полицейскому:

— Веди его на плантацию. Солнце еще не село.

Взгляд судьи обратился к улыбавшемуся Чуиме.

— А ты почему не подал в суд? Он нанес тебе ущерб. И не тебе одному. Коза съела твою маниоку, значит ты съешь ее у другого, когда у тебя не будет. На курсах вождей объясняли. Почему не подал?

Чуиме помялся, поправил свою прическу.

— Тех, кто жалуется, ты тоже посылаешь на плантацию.

— А ты, я вижу, еще и грубый. Хотел дать тебе поменьше наказание, как попавшему под суд только в четвертый раз, но вижу, тебя нужно как следует учить. Получишь все двенадцать дней. Больше по закону дать не могу.

Чуиме молча пошел с полицейским. Улыбка все еще держалась на его лице.

— На моей плантации нужны парни с такими прическами! — весело крикнул Мбулу ему вслед.

Деньги шли в руки. Настроение у вождя было отличное. Он встал из-за стола.

— А ты зачем? — спросил вождь, ощупывая хитрым взглядом Кумало. — Тоже жалуешься?

— Нет, пришел просить... — Сутуловатый Кумало рядом с большой фигурой вождя казался невзрачным. Но Кумало держался с достоинством, был спокоен и смотрел смело.

— Просить? — Мбулу с затасанным интересом оглядывал Кумало. — Когда трудно, все ко мне.

— Десять фунтов муки надо, — сказал Кумало, не выказывая почтения. Он глубоко презирал этого человека.

— Праздник устраиваешь? Пять фунтов хватит.

Кумало заметил во взгляде вождя тщательно скрываемое злорадство.

Этот взгляд вселил в Кумало тревогу. «Радуется, — подумал он, — уже сказал Мулура».

Они пошли к складу — висевшей на столбах большой корзине, обмазанной глиной для защиты от крыс и термитов.

— Эй, Мулура! Дай пять фунтов муки! — крикнул Мбулу и усмехнулся.

Мулура, тащивший на веревке козу, метнул любопытный взгляд на Кумало, потом заговорщически взглянул на Мбулу.

— Хорошо, бвана. Сделаю, бвана.

Кумало почувствовал, что эти двое знают о ночных гостях. Он старался подавить в себе поднимающуюся тревогу.

Мбулу написал расписку и подал ее Кумало.

— Припечатай в уголке палец. Помажь его чернилами.

Кумало неторопливо взял бумагу, медленно прочитал:

«Взял у Мишеля Мбулу десять фунтов маникоковой муки. Благодарю. Через шесть месяцев отдам двадцать. Кумало».

— Плохо ты стал видеть. Надо пять, а ты десять написал. — Кумало враждебно смотрел на попавшегося грабителя.

Наглые глаза вождя без всякого смущения ощупывали лицо Кумало.

— Где читать научился?

— У друзей на медных рудниках.

— Все умные стали. Такие друзья до хорошего не доведут.

Он переписал расписку и ушел.

Кумало передал кожаный мешок Мулуре. Управляющий полез по приставной лестнице, бормоча:

— Совсем старших не уважают. «Плохо стал видеть!» — Мулура скривил рот, изображая Кумало. — Раньше таким, как ты — читать начал или черной магией заниматься, — руки отрубали. А теперь все бунтуют. Что же, вождь обмануть тебя хотел? Ты должен был промолчать! Кому ты так говорил? Ты только краб с десятью ногами, а он тысяченожка.

Излагая свои рабские взгляды, Мулура орал все громче, поглядывая в сторону удаляющегося Мбулу. Великий человек тоже должен слышать слова верноподданного.

— Смотри с лестницы-то не упади, — презрительно процедил Кумало. — Муку рассыплешь.

Мулура спустился, продолжая славить своего повелителя. Он взвесил муку и подал ее просителю.

— Заговорился. Вместо пяти четыре фунта насыпал. — Кумало с неприязнью смотрел на управляющего. — Добавь фунт!

На лице Мулуры появилось удивление. Он посмотрел на две гири, потом поднял к небу глаза и принялся складывать два и два, шевеля губами. Он досыпал муки и, подавая ее Кумало, сказал со злобой:

— Еще неизвестно, что ты за человек, если не уважаешь власти...

Кумало ушел, раздумывая над словами соглядатая. «Значит, не все знают, не все!»

Придя в хижину, он принялся торопливо готовить обед. Охранники, если они заявятся, придут не раньше, чем стемнеет. А он выйдет навстречу Зонде.

Кумало бегом помчался к яме с водой, где несколько дней мокли корни горькой маниоки, и вдруг увидел старшего охранника. Тот медленно шел мимо хижины Кумало, внимательно осматривая ее. Кумало замедлил шаги. «Готовятся!» Он старался не поддаваться смятению. «Чего заранее-то тревожиться? — утешал он себя. — Не знают они, кто приходил. Может, это гости были?» Однако утешение не помогало. Внутренний голос подсказывал: «Им что-то известно. И если узнают про партизан, тебя тоже повесят». Кумало растолок корни в ступе, получилось густое тесто. Он работал быстро, но думал совсем о другом: «Плохо жить не по закону. За тобой охотятся, как за зверем. Хотя и по закону тоже не сладко, но тебя хоть не пристрелят».

Кумало бегал, гремел горшками, но тревожные мысли не покидали его. Повесят! Ему стало страшно. Всем угрожает смерть, а он ждет здесь вечера, размазывает по горшкам обед.

Он схватил горшки с огня, быстро завернул их в банановые листья, сунул в мешок и, согнувшись, ринулся из хижины. Пробежал несколько шагов, поднял голову и попятился. Перед ним стояли два охранника вождя.

— Нас встречаешь? — высокий детина с медными браслетами на запястьях смеялся. — Малафа* есть?

На другой стороне улицы еще несколько полицейских выглядывали из-за бананов.

По телу Кумало пробежала противная дрожь. Попался! Руки, прижимавшие мешок с горшками к телу, тряслись в мелком плясе. Кумало напруг их, чтобы враги не видели его слабости. «Зонде подумает: это я предал их. Убьют партизан и меня тоже».

Маленький полицейский с жестким, холодным лицом остался снаружи. Высокий вошел в хижину вместе с Кумало.

— Ты садись рядом. Малафа-то есть?

— Нет, — сухо ответил Кумало.

Долго молчали. Селение погрузилось в сон. Кумало думал об отряде, мысль металась, как пойманная в силос птица. Сейчас придет Зонде, и капкан захлопнется. Кумало сжал зубы.

* М а л а ф а — вино из сока пальмы.

Если закричать сейчас, полицейский пустит в ход дубину. А Зонде, может быть, еще очень далеко, не услышит.

Никогда еще не попадал Кумало в такое тяжелое положение. Вот он сидит и спокойно ждет, когда собаки вождя отдадут партизан в руки палачей.

Кумало тяжело дышал, словно бежал в гору. Он метнул косой взгляд на охранника. Тот не спускал с него глаз. Рука полицейского лежала на рукоятке дубины. «Проклятый трус! — ругал себя Кумало. — Погибают товарищи, а ты греешься у костра рядом с ищейкой!»

Нужно действовать. Кумало уселся поудобнее и робко заговорил о набегах слона-отшельника, появившегося недавно около селения. Голос Кумало дрожал от волнения. Он говорил почти шепотом, потом постепенно заговорил громче. Зонде и его ребята услышат разговор.

— Молчи! — оборвал его полицейский. — Вина нет, а трещит как попугай!

Полицейский понял хитрость Кумало.

Но вот в саду раздался шорох листьев.

Начинается! Кумало подобрался. Он не будет предателем. Из глубоких глазниц на стражника смотрели горящие от волнения глаза. Полицейский, закусив нижнюю губу, осторожно поднимался на ноги.

Кумало решил. Он вскочил.

— Бвана! В саду слон, бананы поест!

— Молчи! — зашипел полицейский, хватая Кумало за горло левой рукой. — Молчи!

— Пальмы поломают, а мне налог платить! — громче кричал Кумало, стараясь прорваться к двери.

Охранник оттолкнул Кумало к стене и ударил дубинкой по плечу.

Кумало словно ждал этого. Он взвыл так, что было слышно на конце селения.

Резкий удар обрушился на голову Кумало. В ушах загрохотало, словно падало подрубленное дерево. Кумало свалился. Теплая слабость залила тело.

...Кумало очнулся в тишине. Из-под двери незнакомой комнаты бледным пятном проникал свет утра. Кумало покрутил головой, потрогал ее руками, словно желая убедиться, что она на месте. Сел на земляной пол и осмотрелся. Сомнений не было: он в тюрьме. Стал припоминать, что произошло. Неужели схватили партизан? И он, Кумало... — Кумало застонал при этой мысли. Нет! Он закричал громко. Партизаны ушли.

Днем в деревянной камере стало жарко. Болела голова, то поташнивало, то знобило.

Мбулу пришел в камеру к вечеру.

— Ну, рассказывай про коммунистический заговор, — забасил вождь. — Говори, и тебе будет лучше.

Кумало сидел на полу. Мбулу стоял перед ним в полумраке, ширококостый, толстый.

— Если бы ты не был коммунистом, — басил Мбулу, — ты бы пошел на рудник, а не притворялся тогда хромым.

— Ты тоже не хочешь на рудник, значит и ты коммунист? —

Кумало оскалил в насмешливой улыбке белые зубы. — Какие коммунисты?

— Коммунисты? Все знают — которые грабят плантации.

— А я разве граблю? — в глазах Кумало блеснули насмешливые, веселые огоньки. Мбулу не знал о партизанах!

— А те, кто с тобой, те грабят, — сердился Мбулу.

Мбулу ушел, ничего не добившись. Он приходил несколько раз, но Кумало твердо стоял на своем.

Медленно шло время. Кумало парился в душной клейкой жаре камеры, прильнув к двери, слушал громыханье далеких тамтамов, рассказывающих о разливе восстания в соседних провинциях, радовался.

Проходили дни. Казалось, все забыли о Кумало.

ГЛАВА V

Деревня наполнилась тревожными криками. Кумало прильнул к щели в двери.

— Ло-ло-ло-ло! — кричала женщина, хлопая ладошкой по открытому рту.

Сигнал опасности!

Кумало видел мужчин, мчавшихся к лесу. Некоторые уже бежали обратно, видно натолкнувшись на аскар. Теперь ему, Кумало, не уйти от вербовщиков.

На площади собрали всех жителей.

Два охранника вывели Кумало из тюрьмы. Люди стояли озлобленные и настороженные, разъяренные и подавленные.

Из дома появился Мбулу с тремя вербовщиками. Вождь окинул поредевшие ряды соплеменников. Сегодня уйдут и эти последние его работники. И он сам должен отослать их. Таков приказ. Плантация и поля запустеют. Он, Мбулу, останется один в целом районе, если не считать нескольких стариков и детей. А будешь возражать, и самого пошлют на рудник!

Мбулу встряхнулся. Еще не все потеряно. Его деньги запрятаны далеко. И власти не оставят, найдут место верному человеку. Надо идти с теми, у кого сила.

Мбулу бросил быстрый взгляд на вербовщиков.

— Вот все какие молодцы у меня, — пробасил он, стараясь глядеть весело. — На работе каждый слона заменит. Люди! — он повернулся к соплеменникам. — Администрация колонии делает для нас все... ну... чтобы вам хорошо было. Надо идти на рудник!

— Сам иди, предатель!

— Кинсукулу проклятый!

Вздулась, покатила по толпе волна злобных, яростных криков. Негодующая черная масса людей подо двинулась.

Маленький угрюмый вербовщик незаметно положил руку на пистолет, висевший впереди на поясе. Его зеленоватые глазки всматривались в лица африканцев, словно желая угадать момент, когда начнется столкновение. Он даже оглянулся назад. Путь к лесу был свободен.

— Все пойдут, кто здесь, — громыхал Мбулу. — Им дают возможность заработать, налог заплатить, а они...

— Не пойдём!!!

Ветер злобы и жгучей ненависти дохнул в лица вербовщиков. В яростных криках тонули слова.

— Вождь о нас заботится! — вопил управляющий Мулура, стараясь пробиться сквозь бурю голосов. — Мы уважаем старших! Все пойдём на рудники, если старший приказывает...

Мулура не окончил верноподданнической речи. Кто-то ударил его зллади кулаком по голове. Он едва устоял на ногах и шархнулся в сторону.

— Замолчите! — ревел Мбулу. — Это приказ районного комиссара! Выделить сто человек, а вас тут и двадцати мужчин нет. И еще кричат. За бунт вешают в городе! — Вождь стал всматриваться в стоящих перед ним людей, словно прицеливаясь. — Эй, Мулура! Иди записывайся! Он сам хочет на рудник. Смотрите, какой здоровяк!

Мулура, все еще не веря неожиданному обороту дела, подошел к столу. Он остановился в нерешительности, склонив голову набок, косясь на лист бумаги.

— Ставь, ставь палец! Чего озираешься?

Мулура вздрогнул, торопливо смазал палец чернилами и припечатал его к списку. Потом отошел в сторону, растерянно бормоча: «Старших не уважают...»

Несколько человек, понукаемые вождем, подошли к столу и после колебаний тоже поставили на зловещем списке отпечатки своих пальцев.

Взгляд вождя упал на Кумало.

— Подходи! Не смотрите, что он хромой был. Нога уже здоровая.

Высокий вербовщик кивнул головой.

— Подходи, подписывай!

Голоса стихли. Все уважали честного и смелого Кумало.

— Какой скорый! — сказал Кумало, не двигаясь и шурясь в усмешке. — По закону колонии запрещается брать рабочих силой на рудники частных компаний.

Глаза вождя выпучились от удивления еще больше.

— Я тебе покажу — не подчиняться! — прорвало его. — Не учился нигде... на курсах, да еще не подчиняется!

— Не пойду. — Кумало стоял спокойный и насмешливый, хотя знал, что насмешка не поможет ему. Сила не на его стороне.

Все молчали, наблюдая поединок.

— Не пойдешь, так поведут, — Мбулу пренебрежительно выпятил толстую нижнюю губу.

Два солдата африканца по знаку высокого вербовщика нехотя вышли из тени и взяли Кумало под руки. Кумало не сопротивлялся, но продолжал бросать колючие слова:

— Ты, предатель, один хочешь веселиться на общем празднике! Где твой брат, где все племя? — В его глубоких глазах загоралась злоба.

— Пошли! — крикнул вербовщик. Он спешил: атмосфера накалялась.

Солдаты окружили завербованных, и отряд двинулся к лесу.

Позади среди стариков и детей стоял Мбулу и смотрел на дорогу.

— Теперь комуто будет бунтовать, — сказал он, — все ушли. Полдня, не останавливаясь, шли люди. Вербовщики торопились уйти подальше.

Лес был глухой. Люди шагали по зеленому тоннелю. Даже в полдень свет едва проникал сюда. Высокий вербовщик нервно смотрел по сторонам. Солдаты держали винтовки наготове.

Кумало шагал среди соплеменников усталый и подавленный. «Прощай, Цангу! — думал Кумало. — Не послушал я тогда партизан...»

Дорога повернула вправо и уперлась в завал из срубленных колючих ветвей. Дальше не пройдешь. Вербовщики остановились перешептываясь.

Сзади раздалась возгласы. Кумало повернулся и увидел Зонде, бегущего по дороге впереди небольшого отряда. Лес ожил. Из чащи с криками выскакивали вооруженные люди. Вербовщики с пистолетами в руках ринулись на колючий завал, вмиг преодолели его и скрылись. Солдаты охраны сбились в кучу у зеленой баррикады. Их было десять. Бравый сержант африканец с большой медной серьгой в ухе колебался. Ему не хотелось вести бой против африканцев, но долг приказывал ему стрелять.

В напряженной тишине две группы людей молча прощупывали друг друга глазами.

Зонде, стройный, прямой, направился к солдатам, в знак мирных намерений показывая раскрытые ладони.

— Не стреляйте, братья! Независимость близка. В соседней провинции уже восстание.

Этот веселый сильный человек не боялся солдат. Стволы винтовок угрожающе смотрели в его сторону, словно обороняясь против его слов.

— Переходите к нам, братья. Уже много солдат с нами. Скоро независимость.

Позади Зонде плотной стеной стояли его люди.

Сержант резко повернулся к подчиненным. Он подал отрывистую команду на языке другого племени. Пятясь, они стали перелезать через зеленые заграждения. Потом дали залп по верхинам деревьев и побежали.

А по эту сторону завала праздновали победу.

Рядом с Зонде Кумало увидел высокую красивую девушку. Фиви! Значит, Зонде нашел свою невесту. Заметив Кумало, Фиви подбежала, сияющая, счастливая.

— Эй, Кумало, джамбо! Куда ты вел всех? — Фиви хохотала.

— Это меня вели.

— А я думала, куда это хромой вербовщик ведет все селение? — задорно трещала Фиви.

Толпа жителей Цангу, перемешавшись с партизанами, текла по дороге к селению. Кумало протолкался к Зонде.

— Здравствуй, — сказал Кумало, стараясь держаться независимо. Он опасался, что Булола уже оговорил его.

— Здравствуй, Кумало. А ведь тебя все-таки поймали! — Зонде смеялся.

— Меня не поймали. Я вас искал.. Булола, когда ты послал его на тайный совет в мертвую деревню, сказал, что я преда-

тель. — Кумало захлебывался, голос его дрожал. — Я не предатель.

— Какой тайный совет? — тихо спросил Зонде. — Я говорю, вербовщики поймали тебя.

Стараясь сдерживать дрожь в голосе, Кумало рассказал о посещении погибшей деревни.

Лицо Зонде сделалось жестким. Он сосредоточенно смотрел перед собой.

— Была полиция, говоришь?

— Я не предавал.

— Ты помолчи, понял? — в напряженно прищуренных глазах был холод.

Кумало облегченно вздохнул и кивнул: он понял.

Группа людей обступила Мулuru.

— Как же прислуживаю? — говорил заискивающе Мулuru. — Меня самого Мбулу послал на рудник. Если бы не вы...

Мрачно и зло смотрел на него Извао, неожиданно оказавшийся среди партизан брат Мбулу. Рубаха на нем была изорвана. Фиви слушала разговор, и ее тонкие ноздри трепетали.

— Я всегда помогал всем, — оправдывался Мулuru.

Кумало, волнуясь, рассказал, как из-за Мулuru едва не погиб отряд Зонде.

— Чего смотреть на него! — крикнул кто-то сердито. — Стукнуть его!

Партизаны сердито зашумели.

Неожиданно толпу раздвинул Булола. Он подошел к Мулuru вплотную.

— Этот шпион? — спросил он небрежно.

— Он, он!

Никто не успел сообразить, что произошло. В воздухе мелькнула дубинка. Мулuru молча упал на дорогу.

Раздались одобрительные голоса. Зонде молча смотрел на Булолу. По лицу его Кумало не мог прочесть, что думает командир.

— Пошли! — весело закричал Булола. — Всех прислужников и шпионов... — он потряс в воздухе дубинкой.

Лес кончился, впереди среди поля показалось селение.

Когда первая группа партизан вошла в деревню, из большого дома появился Мбулу. Тяжелое лицо вождя дрогнуло. Извао ринулся на вождя. Наконечник копья тускло поблескивал на солнце.

Увидев Извао, Мбулу прыгнул с крыльца и метнулся к плантации. Крик отчаяния пролетел над селением Цангу. Мбулу бежал от смерти. Извао с перекошенным ненавистью лицом, сосредоточенный и беспощадный, быстро настигал его, заноса руку для удара. Резким движением он послал копьё. Мбулу повалился в пыль; никто не пожалел его.

Начались танцы. В грозном рокоте тамтамов, в мягких звуках маримбы носились по кругу воины и женщины. Нетанцующие, хохоча и стараясь перекрыть друг друга, напевали мелодию танца. Отчаянно веселые голоса слились, перепутались с грохотом барабанов.

Кумало веселился вместе со всеми. Стоявшая в кругу позади него Фиви отбивала такт на его голых плечах.

— Эй, завербованный, быстрее!

Она была такая веселая и счастливая, что Кумало и не думал на нее сердиться. Даже приятно, что красивая девушка шутит с ним. Когда круг поворачивал в другую сторону, Фиви нарочно наступала босыми ногами на пятки маленькому вонну.

До самого утра продолжались танцы.

Один Извао сидел у костра, молча глядя в огонь, раздраемый жалостью и ненавистью.

Заснули на рассвете.

В полдень над хижинами пронеслись два самолета. Наклонив крылья, они сделали несколько кругов, словно высматривая добычу, и, выпав на высокие конусы крыш лавину рокочущих звуков, улетели к маниоковому полю вождя. Высокие деревья загоразживали самолеты от партизан.

Вокруг Зонде, выбежавшего из хижины, толпились партизаны и жители Цангу.

— Побегу посмотрю, что они там делают! — крикнул Булола, глядя на Зонде своими дерзкими, разбойными глазами.

Но Зонде словно не слышал его:

— Кумало, беги!

Булола метнул на командира испытующий взгляд. Веселость его сразу исчезла.

Кумало, хромая, помчался к рошице. Едва он успел добежать до первых деревьев, как из машин стали падать маленькие фигурки. Раскрылись белые зубчатые круги парашютов.

— Парашютисты! — закричал Кумало, бросаясь обратно. — Парашютисты!!!

Страшная весть погнала людей по пыльной дороге.

Кумало рядом с Зонде и Фиви мчался к лесу. Бежали мужчины с топорами и копьями. Женщины с детьми на руках тянули на поводу коз. Даже старики ковыляли к зарослям. Мимо Кумало мчался надсмотрщик Манве, забыв о своей важности. Большие ступни его ног вздымали красную пыль на дороге.

Парашютисты приземлились. Их было около пятидесяти. Погасив шелковые купола парашютов, солдаты помчались к деревне, стреляя из автоматов. Расстояние было большое, и выстрелы не причиняли пока вреда.

Люди, побросав последнее имущество, побежали, обгоняя друг друга.

— Где Булола? — спросил на бегу Зонде.

Кумало обернулся и увидел: Булола бежал навстречу солдатам с поднятыми руками.

— Ушел, предатель! — крикнул он Зонде.

Вдруг Булола подпрыгнул и тяжело рухнул на землю. Каратели не признали в нем своего.

Кумало, втянув голову в плечи, мчался к лесу, не разбирая дороги. Парашютисты приближались. Это были молодые парни в зеленых беретах, лихо сдвинутых набок, в рубашках с короткими рукавами. Лица их были красны и возбужденны. Развернувшись в цепь, солдаты охватывали бегущих ломаным полукольцом.

Зонде и Фиви обернулись и выстрелили из винтовок. Но что это было по сравнению с ливнем пуль, посылаемых автоматчиками?

— Болото большое? — бросил Зонде, не останавливаясь.

— Конца нет! — Кумало дышал тяжело. — Не пройти.

Нервы его были напряжены. Ненужные проклятья рвались из пересохшего горла.

— Бежать еще можешь? — мягко спросил Зонде у Фиви.

Фиви молча кивнула и улыбнулась. Злой треск выстрелов догонял людей.

Лес становился все реже и светлее. Вдруг Зонде и Фиви провалились в болото. Кумало тоже упал с разбегу в черную топь. Но выбора не было, и Кумало вместе с партизанами все дальше уходил в гнилое болото. Он шел медленно, с трудом перемешивая теплое черное тесто. Под голыми ступнями шевелились козявки. Зонде тянул за руку уставшую подругу, подбадривая ее. Другие беглецы, рассыпавшись, двигались по сторонам.

Из-за кустов появился солдат в зеленом берете и дал длинную очередь по курчавым головам, возвышавшимся над топью. Африканцы рвались под защиту пней и поваленных деревьев.

Парашютисты догнали оставших стариков и женщин с детьми. Под огнем полегли все, кто не смог убежать.

Кумало не видел этого. Злобный свист пуль гнал его к лесу, наполняя грудь тяжелым постыдным страхом.

Отступавшие добрались до леса, побежали сквозь заросли. Пули преследователей шелестели, шипели в листьях, звонко ударялись о стволы.

Более часа продолжалась погоня. Под ногами появилась вода: впереди болото. Кумало знал несколько тропок через него. Но сейчас, с ходу, их не найти.

Вскрикнул рядом с Кумало партизан, медленно стал валиться назад. Рука, державшая винтовку, бессильно повисла. Кумало схватил оружие, судорожно прицелился, выстрелил в парашютиста, промахнулся. Поднял винтовку Зонде — и солдат осел на землю, с удивлением глядя на верхушки деревьев.

Появлялись новые парашютисты и стреляли по африканцам.

Отрывистое взвизгивание пуль подгоняло людей, пригибало головы к темной воде. На глубоких местах африканцы хватались за ветви редких деревьев, за лианы; петлями спускавшиеся над болотом. Длинными очередями косили их пьяные каратели.

— Туда! — Зонде указал на засохшее дерево.

Зонде, Фиви и Кумало старались уйти от опасности. Но трясины затягивала, не давала двигаться быстро.

Четыре автоматчика увязались за ними.

Напрягая силы, Кумало добрался до поваленного дерева.

Парашютисты приближались. С глухим стуком вгрызались в гнилой ствол пули. Летели в воздух щепки. Надо уходить. Кумало не в силах заставить себя выйти на открытое место.

Все ближе солдаты. В непрерывный гром сливаются выстрелы. Остановить врагов! Остановить! Кумало стреляет. Промех. Он дико озирается. Что делать?

Рядом громыхнул выстрел. Зонде срезал врага.

Солдаты отрезвели, по самую шею влезли в пузырящуюся тину. На несколько секунд огонь прекратился.

Африканцы перебежали к следующему укрытию.

Обе группы все углублялись в болото. Их осталось шестеро — трое на трое.

Парашютисты теперь действовали осторожно, не подходили близко.

Партизаны перебежали от пня к пню и вскоре, обойдя глубокое место, добрались до крохотного островка, поросшего низкими кустами. Кусочек твердой земли прилепился к большой высохшей сейбе с огромными корнями, выпиравшими наружу. Здесь за толстым стволом, поросшим мхом и мелкими желтыми цветами, африканцы были недосягаемы для пуль.

За островком простиралась все та же черная гладь болота с редкими белыми точками лилий. Зонде попытался найти путь через топь и вернулся на островок. Отсюда был только один путь — назад.

Африканцы залегли в кустах.

— Вплотную, вплотную подпускайте, — шептал Зонде, загораюсь. — Мы их сейчас...

Он указал Фиви на одного из солдат.

— Твой.

Кумало видел «своего» солдата сквозь прорезь прицельной рамки. Враг был совсем рядом. Вот пьяный автоматчик миновал пень, торчавший метрах в пяти от острова. Парашютист кинулся к островку через глубокое место и сразу провалился по шею. Зонде и Фиви выстрелили одновременно. Один из автоматчиков закричал, посылая проклятья, рванулся вперед, словно кто-то толкнул его в спину, и рухнул.

Фиви промахнулась. Кумало видел, как ее пуля сорвала берет с солдата, и солдат, взметая черные волны, бросился за пень.

Теперь только пятеро продолжали битву, и пятый был уже обречен.

Кумало не стрелял. В страшной тишине тяжело дышал «его» солдат, откинув назад голову. Болото уже добралось до рта. Солдат тянул вверх шею, косил глазами.

— Жан, Жан! — глухо крикнул он.

Кумало с содроганием смотрел на тонущего противника.

— Жан, Жан! — все кричал солдат. — Жан, вспомни, как я нес тебя раненого через лес! — Он захлебнулся, выплюнул воду.

Жан молчал. Пуля проклятой негритянки прошла на волос от его головы. Не будет он больше подставлять себя под выстрел.

— Жан, кинь мне ремень от автомата. Я не бросил тебя тогда в лесу!

Но Жан не собирался вылезать из-за пня и рисковать. Жан знает: враги не стреляют в Клода потому, что ждут, когда

он, Жан, высунется из-за укрытия, ждут, чтобы свалить его пулей. Но его не проведешь! Клода все равно не спасти.

— Жан, я тону! Жан!

Нет, Жан не такой дурак. Клод сам виноват. Но как он кричит! Боже, хоть бы утонул скорее!

Тошнота подкатила к горлу Кумало. Как страшно умирает человек!

Зонде терпеливо ждал, когда солдат отправится на дно. Солдат только что убивал женщин и детей. Зонде с презрением смотрел на противника. Он, Зонде, не стал бы кричать, если бы пришлось умирать на глазах врагов, не стал бы радовать их. Умри гордо, если смерть пришла. Крик не спасет тебя.

— Жан! — все кричал Клод. — Жа-а-ан!

Зонде заметил Фиви, когда она уже подползла к краю кустов с веткой в руке и протянула ее утопающему.

— Назад, Фиви, назад! — со свистом зашептал Зонде. Но девушка, не дотянувшись до солдата, вошла в болото.

Зонде резко вскинул винтовку, прицелился туда, откуда из-за пня мог выглянуть парашютист.

Услышав всплеск, Жан, не показываясь, на миг выставил оружие. В партизан ударила короткая очередь. Автомат исчез за укрытием.

Фиви, схватившись за грудь, медленно упала. В два прыжка Зонде оказался около нее, рывком вытянул за руки.

Кумало дважды выстрелил по пню, чтобы подавить противника.

Никто не заметил в суматохе, как утонул парашютист. Только наступившая тишина напоминала о нем.

В живых осталось четверо.

Фиви лежала между огромными корнями сейбы.

Из простреленной груди текла кровь. Зонде сидел рядом с Фиви, прижимал к ране листья, подкладывал под голову ветви, говорил ласковые слова.

Фиви смотрела грустно. Она слабела с каждой минутой.

— Надо к доктору, — сказал Зонде.

— Зонде! — голос Фиви был слаб. Она смотрела на него устало и нежно. — Я была глупая. Другая женщина будет копать твое поле и рожать тебе детей.

Зонде погладил Фиви по руке, потом нахмурился, как-то весь подобрался. Это был опять тот же Зонде, твердый и смелый. Он посмотрел в сторону врага. Там был путь к спасению Фиви.

Зонде и Кумало долго исследовали местность. Гладкая черная равнина. Изредка пни и кустики. До автоматчика шагов шесть по глубокому болоту. Не пройти.

В бесконечном синем небе мирно плавало горячее солнце. Из леса тянуло горячим влажным ветром.

— Я прыгну ему на голову, — прошептал Зонде. — Ты прижмешь кусты к земле.

Зонде осторожно пригибал невысокие кустики, Кумало наваливался на них телом. Они работали долго.

Хрустнула сухая ветвь. И почти одновременно из-за пня громыхнула очередь. Пули срезали несколько ветвей. Африканцы откатились, прижались к земле.

Теперь парашютист будет настороже.

Фиви слабла. Она молча смотрела в небо. При появлении Зонде страдальческое выражение исчезло с ее лица.

— Пить...

— Обожди, дорогая. Ночью уйдем в тумане. — Зонде ободряюще улыбнулся.

Но Фиви не могла терпеть, и Зонде принялся рыть руками ямку. Вода в яме была черная. Зонде долго вычерпывал ее, пока она не просветлела, потом напоил Фиви...

Кумало пополз к краю островка. Тихо. Ни голосов, ни выстрелов. Все живые ушли. Мертвые не кричат.

Над потемневшим лесом разгорелось бледное оранжевое зарево. Осторожно, словно подсматривая за битвой на земле, из-за горизонта выглянул огромный тускло-красный месяц. В густой синеве неба зажглись, замигали звезды.

Наступила ночь.

Кумало и Зонде всматривались в даль. Все выше поднималась луна, заглядывая сквозь кусты в суровые лица осажденных, спорящих со смертью людей. Не уйти с островка. Тумана не будет.

Жан сидел по грудь в черном тесте болота, напряженно прислушиваясь к каждому движению африканцев. Он боялся шевельнуться, чтобы не попасть под выстрел. Хотелось лечь хоть на минуту.

Раз он хотел уйти по болоту, но не хватило решимости. Один выстрел с острова — и все. Пока живы африканцы, ему не спастись.

Пришел новый день.

Медленно утекали тягучие часы. В горячей душной тишине металась Фиви. Зонде сидел около нее, сжав зубы.

— Зонде, Зонде, — звала его слабым голосом Фиви. — Посиди рядом, Зонде. В дупле — змея, черная мамба. Она ужалит. Прогони ее, Зонде.

Кумало с горечью слушал. Бедная Фиви, ты хотела спасти белую мамбу, и ее товарищ укусил тебя.

— Сегодня парашютист заснет, — сказал Кумало. — Вторые сутки не спит.

— Будет поздно. — На похуевшем лице Зонде перекатывались

желваки. — Его убрать нужно сейчас. — Зонде легко встал. Черты его обострились. Он взял винтовку.

— Слушай! — бросил он решительно. — Если я не вернусь, ты отнесешь Фиви к доктору. Ты отнесешь. Иди к берегу и жди, когда высунется автоматчик. Он появится. Тогда стреляй.

Зонде в последний раз с тоской посмотрел на Фиви и отошел. Его взгляд скользнул вверх. Серые ветви сейбы высохшими руками тянулись к небу, на огромной высоте нависали над пнем, за которым засел парашютист.

Кумало испугался.

— Он же тебя...

Зонде молча направился к дереву.

Кумало быстро открыл затвор винтовки. Два патрона. В одном из них — смерть солдата.

Кумало пополз к кустам. Тень автоматчика не двигалась. Враг ничего не подозревает, но стоит ему услышать малейший шорох — и Зонде погиб. Кумало с волнением смотрел на высокую сейбу. Темным наростом виднелось на ее стволе тело Зонде. Зонде медленно, незаметно поднимался все выше. Ни одного резкого движения.

И вдруг Кумало замер. Вдоль тени дерева, вытянувшейся в вечернем свете по болоту, ползла тень Зонде. Тень видна хорошо. В любой момент солдат мог заметить ее...

Зонде поднимался уверенно. Глубоко-глубоко под ним — маленький пенек, из-за него видно плечо парашютиста. Пригнулась, закачалась ветвь. Зонде остановился, внимательно поглядел вниз. Враг не замечал нависшей над ним опасности. Зонде снова полез.

Теперь скоро. Уже виден грязный берет. Солдат зашевелился, повернулся спиной к Зонде и стал вглядываться. Он что-то заметил. Нужно подняться еще немного. Зонде делает несколько осторожных движений. Сук ходит под ним вверх и вниз. Ну, можно стрелять. Зонде медленно тянет к себе винтовку, висющую на локте.

Солдат с беспокойством и удивлением рассматривает двигающуюся по болоту тень. Он понял! Рывком повернулся. Лихорадочно бьет по висящей в небе цели.

Перед лицом Зонде летят отбитые свинцом щепки. Бок и грудь полоснула режущая боль.словно кто-то железным горячим крючком рванул тело. Зонде роняет винтовку, прижимается к толстой корявой коре. Конец! А Фиви, Фиви?.. Красное пламя полыхает в глазах. Нет, это заходит солнце. Пули плаксивыми москитами несутся мимо. Неужели враг восторгается? Там, внизу, Фиви...

Зонде, тяжело дыша, напрягаясь, поднимается, встает на прогибающийся, пружинящий сук и, сильно оттолкнувшись, прыгает на парашютиста.

Расстояние огромное. Падающим соколом прочерчивает Зонде воздух. Пень и парашютист стремительно мчатся навстречу, увеличиваясь. Достать врага! Совсем немного! В последнем усилении Зонде заносит кулак для удара. Земля надвигается, черная, необъятная. Все! Прощай, Фиви!..

Автомат испуганного парашютиста захлебнулся в грохоте. Жан остервенело расстреливал несущийся на него человеческий

снаряд. Зонде прилетел вниз уже мертвый. Но даже в смерти он был грозен.

Кумало выстрелил по невидимому врагу. Только истратил патрон.

Наступила тишина. Зонде умер. Кумало остался один на один с врагом, озлобленным и беспощадным. Только узкая полоса болота разделяла их, и на них на двоих была лишь одна смерть.

Нужно взглянуть на Фиви.

Глаза Фиви, устремленные в темнеющее вечернее небо, улыбались. Губы шептали нежные слова. Кумало отодвинулся. Эти слова не для него. Тот, кому они предназначены, никогда уже не услышит их. Зачем тревожить Фиви и приводить ее в сознание? Пусть гуляет по стране счастья.

Наступила вторая ночь. Призрачный свет луны залил болото, потянулся к острову сверкающей отполированной белой дорожкой. Лягушки, сидя друг против друга на круглых листьях, сладострастно пели, квакали на разные голоса о своей лягушечьей привольной жизни. Зловеще и гулко ухала ночная птица. С кустов капала роса. И опять не было тумана. Надо ждать. Спать нельзя. Кто первый уснет, тот погибнет.

Кумало вытянулся поудобнее и глядел на пень, черной маленькой крепостью поднимавшийся перед ним. Кумало будет осторожен. Он умеет ждать. Тень пошевелилась... Противник устраивался в болоте. Он тоже ждет, когда сможет сделать свой последний выстрел.

Жажда мучила Кумало. Враг не уйдет за несколько минут. Кумало пополз к яме, вырытой Зонде. Опустив лицо к воде, он пил большими глотками. Какая вкусная вода! Он пил, пил, пил. Хорошо! Он шумно выдохнул. Слишком шумно. И сейчас же как возмездие за неосторожность загремели автоматные очереди. Одна, другая, третья. Автоматчик бил точно в сторону Кумало, резал свинцом тонкую занавесь кустов. Пуля ожгла лопатку, другая ударила в щиколотку. Не кричать! Ни звука! Молчи, терпи! Иначе — смерть! Пули сбивали головки цветков, вонзались рядом в землю.

В треске торопливых очередей, пластаясь, пополз Кумало к кустам. Один лишь патрон остался у него. Этот выстрел должен попасть в цель.

Автоматчик, весь в иле, стоя у пня, остервенело бил по островку. Потом неожиданно, словно почувствовав опасность, бросился за пень.

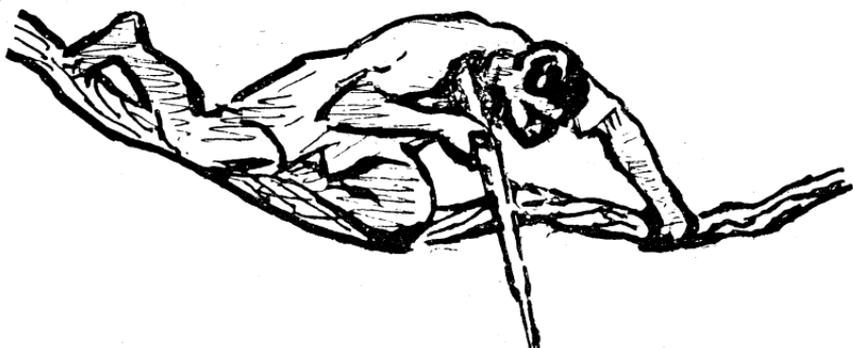
Кумало не успел выстрелить и затаился. Жан не знает, убит он, Кумало, или жив. Пусть Жан поверит, что противник погиб. Пусть, и тогда последняя пуля Кумало дойдет до цели.

Кумало осмотрел ноги. Пуля содрала кожу и слегка задела кость. На плече неглубокая царапина. Не страшно!

Небо просветлело. Над розовым облаком подпрыгнул, рывком всплыл огненный шар. Наступил новый день, третий день осады.

Солнце накаляло землю. В нестерпимой жаре тяжело дышало испарениями болота. На черной блестящей глади лопались большие пузыри.

Кумало лежал неподвижно, обливаясь потом. По телу раз-

ливалась приятная теплота. Он обмяк, словно расплылся по земле. Мысли тоже плавились. Где-то глухо шумело. Что это? Ничего. Работает сердце. А каково там Жану? Никакой тени. Солнце жжет врага Африки. Хорошо... Солнце светит и над Цангу. Цангу умерло. Он, Кумало, не считая раненой Фиви, последний человек, оставшийся в живых из целого селения... Гиппопотамы пришли с реки и пируют в его саду. Джунгли уже вступили в деревню. Кумало увидел себя на улице, заросшей кустами. Кусты лезут в хижины, на крыши. Вместо пальм — обломанные слонами голые стволы. Вокруг высокий лес, затопивший Цангу, лес и слоны, ломающие пальмы. Кумало сердится на огромных клыкастых мародеров. Он кричит, но крика, к его удивлению, нет. Кумало стоит один в глухом лесу, и слоны не слышат его...

Кумало напрягся и открыл глаза. Парашютист что-то делал за пнем. Слышен был звук падающих капель. Ха! Он залепляет себя грязью. Солнце сожгло его.

Кумало взглянул на Фиви. Она спала. Бедная Фиви, сколько мучений выпало на ее долю! Но скоро он, Кумало, вынесет ее отсюда, он обещал Зонде.

В борьбу все сильнее вмешивалась новая сила — сон. Сон затоплял тело. Кумало то и дело засыпал, но каждый раз воля к жизни поднимала тяжелые веки. Заснуть крепко — значит умереть. Во сне человек не боится и дышит громко. По звуку дыхания можно стрелять. В ушах какое-то гудение. Ах, это говорит далекий тамтам! Он сообщает, что в провинции восстание. Повстанцы захватили форт. Ван Нелон убежал. Солдаты перешли на сторону восставших. Тамтам умолк. Неужели все это правда? Или ему только послышалось? Нет, он не спал. Теперь нельзя умирать.

Снова спустилась ночь. Стаи зеленых светляков двигались вдаль, словно таинственный отряд воинов шел с фонарями по трясине. Сладковатый запах цветов заливал землю.

Поднималась луна. Кумало изнемогал. Ему стало все безразлично. Сон навалился на него непомерной тяжестью. Кумало больше не боялся смерти. И только обещание, данное Зонде, кричало в нем: держись, не спи, спаси Фиви!

Медленно уходили томительные часы. Он едва мог шевелить мягкими, как хлопок, руками. В голове неясные обрывки мыслей, серые, как ночной туман. Уставшее сердце с трудом толка-

ло тяжелую кровь. Голова камнем легла на бугорок. Подбородок врезался в землю. Глаза изредка открывались, смотрели вдоль ствола винтовки.

Тень парашютиста появилась уже с другой стороны пня. Враг не спал. Тень шевелилась, медленно, осторожно, почти незаметно. Кумало хотел, жаждал увидеть парашютиста. Тогда один только выстрел — и можно спать, спать, спать! Сон катился в него, как неударимый поток в накатанное ложе. Кумало испытывал блаженство. Он лежал на поверхности большой черной реки, и она несла его по течению, плавно покачивая на волнах. Он видел черное дно. Большие черные рыбы проходили совсем рядом, не боялись. Кумало удивился, что он дышит, не вынимая голову из воды. Приятно покачиваться на волнах и плыть куда-то. Но что за грохот впереди? Это водопад. Грохот то усиливался, то затихал. Плыть к берегу! Кумало хотел поднять руку, но руки не было. Кумало изо всех сил дернул ногами и поднял голову. Перед ним, залитый зеленоватым лунным светом, чернел пень. Жан храпел. Густые переливчатые ноты то усиливались, то затихали. Спит! Вот он, долгожданный момент! Солдат бормотал что-то во сне, сопел, свистел носом. А может быть, он притворяется? Кумало не знал, на что решиться. Ведь если солдат спит, нужно действовать, иначе враг наберется сил. А если это ловушка? Страшные минуты переживал Кумало. Враг тоже в тяжелом положении. Он не знает, жив ли Кумало. Ну что же, пусть он убедится, что Кумало погиб. Рисковать нельзя.

Он закрыл глаза, напряженно слушал. Храп иногда стихал. Тогда доносилось ровное глубокое дыхание. Но Кумало не верил. Враг слишком хитер.

Долго слушал Кумало. Но не может он столько времени притворяться! Несколько шагов по болоту. Другого такого случая может и не быть.

Кумало открыл глаза и застыл от удивления. Жан стоял рядом с пнем в ярком свете луны, пригнувшись, словно зверь, готовый к прыжку. Не переставая похрапывать, он попятился от островка.

Лицо Кумало свела судорога ненависти. Сдерживая дрожь в руках, Кумало стал медленно наводить винтовку.

Жан ступил в глубокий мягкий ил, нервно оторвал двух пиявок, присосавшихся к руке. Тина предательски всхлипнула. Только одна минута нужна, чтобы уйти. Вот оно, поваленное дерево. Одна минута.

Парашютист боялся двигаться. Страх захлестывал его, непомерной тяжестью вдавливал в дно его ноги. Не может он, Жан, умереть. Он жив, смотрит, дышит.

Из черноты кустов выскочил раздвоенный огненный язычок, лизнул лунный свет. Жан не слышал выстрела. Он медленно, поддерживаемый болотом, погрузился в топь.

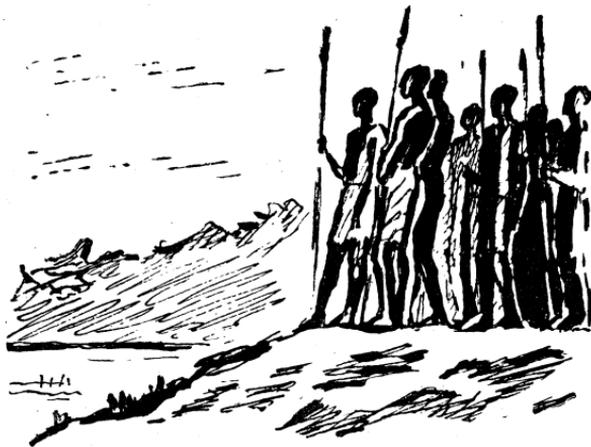
Кумало не почувствовал радости и сам удивился этому. Серая гора навалилась, придавила налитую свинцом голову к земле. Сознание покидало его. Он ткнулся лицом в бугорок и заснул. Все умерло в нем. Только тяжелое, набухшее усталостью сердце продолжало работать, толкать загустевшую кровь...

Кумало проснулся. Словно стая фламинго, над золотым горизонтом плавали легкие розовые облака. На далеком лесистом берегу двигались африканцы с винтовками и копьями, с мечами и круглыми щитами. Среди них были и солдаты. Нет, это не войска. Кумало узнал партизана с деревянным диском в мочке уха, приходившего в его хижину. Впереди всех, поставив ногу в ботинке на кочку, стоял человек с широким носом. Тот, кто допрашивал его в мертвом селении. На груди его висел автомат, Это друзья! Люди громко перекликались. Их было много. Они пришли на помощь.

Кумало подошел к Фиви.

— Он ушел за доктором, — ответил Кумало на ее молчаливый вопрос и отвел глаза в сторону. — Партизаны пришли за тобой.

Пламенел край неба. Начинался новый день.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

Константин Эдуардович Циолковский был и в фантастике реалистом. В своих научно-фантастических повестях и рассказах он разрабатывал и углублял те же вопросы, которым посвящал сугубо научные произведения. Циолковский был убежден, что человечество освоит космос, околосолнечное пространство.

Широко известны труды К. Э. Циолковского. Ученый проектирует многоступенчатый космический корабль, выдвигает идею создания искусственных спутников, космических заводов, оранжерей, он составляет рецепты топлива для ракет, думает о проведении различных работ в условиях невесомости...

Не ускользают от его внимания и более частные вопросы — детали, «мелочи». Тут и планировка жилищ, и влажность воз-

ПУБЛИКАЦИИ

Искателя

ЖИЗНЬ В ЭФИРЕ

Рисунки А. Гусева

духа в жилых помещениях, и их дезинфекция, и конструирование одежды (для дома и для космических прогулок), и способы регулирования температуры, и приспособления для передвижения при невесомости — всего не перечислишь.

Советский человек, член великой партии коммунистов, которой К. Э. Циолковский завещал все свои труды, первый проложил дорогу в космос — значительно раньше, чем мечтал об этом гениальный ученый. Мы с гордостью видим сегодня, как успешно претворяются в жизнь многие из научных идей К. Э. Циолковского.

Вот почему нам так дорога каждая вновь найденная рукопись ученого, каждая новая строка его завещания.

В этой связи нельзя не упомянуть добрым словом работу Б. Н. Воробьева — исследователя творчества Циолковского, его биографа.

Публикуемые отрывки взяты из недавно найденной Б. Н. Воробьевым рукописей Циолковского «Жизнь в межзвездной среде». Эта рукопись готовится к выпуску в свет издательством Академии наук СССР.

...Вещество небесных камней, как и планет, состоит из разных превосходных металлов, газов, необходимых и достаточных для устройства

жизни. Они нам дадут и совершенно новые или редкие на Земле материалы... Мы можем из них построить прозрачные и крепкие оболочки для

сохранения газов, жизни растений и человека. Солнце в эфире так же живительно, как и на Земле. Теплоты не менее. Почему же не жить там, не расселяться, если эфирные пространства там в миллиарды раз обширнее, чем на Земле?

...Движение громадных небесных тел в солнечной системе известно из астрономии. Таково же будет и движение маленьких тел, перенесенных туда человеком. Если, например, вместо нашей Луны будет одно или несколько тел, состоящих из живого или мертвого вещества, то их движение при той же начальной скорости и направленности (какие имеет Луна) ничем почти не будет отличаться от движения Луны.

...Мы в беспредельной пустоте с сияющим жарко Солнцем и немерцающими звездами. При нас только относительно неподвижный почвенник. Довольно хотя бы чуть-чуть оттолкнуться от него, чтобы получить некоторую скорость, которая унесет нас навеки по прямой линии от почвенника. Значит, передвижение тел в нашей среде на любые миллионы верст ровно ничего не стоит. Как управлять этим движением? Это другой вопрос. Но пока, если мы допустим, что движение наше ограничивается стенками почвенника, мы не встре-

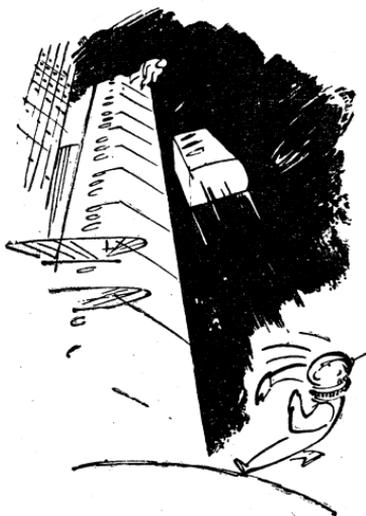
тим никаких затруднений в управлении. Отталкиваясь от разных частей почвенника или хватаясь за них, мы двигаемся в любом направлении, останавливаемся и вновь движемся, куда хотим, и с желаемой скоростью.

Два неподвижных тела любой массы не приближаются друг к другу: падения нет. При соприкосновении они не производят друг на друга давления: веса нет. Камень не натягивает нить; направление ее неопределенно; отвес, уровень, ватерпас ничего не показывают: нет ни вертикальных, ни горизонтальных, ни наклонных линий; нет гор и пропастей, нет верха и низа. Человеку кажется здесь, что верх там, где его голова, а низ у ног. Но так как направление его тела зависит от того, как его установить — установить же можно как угодно, — то верх и низ могут быть везде. Проще, их нет, потому что нет между ними различия (кроме привычного, субъективного). Только мы и в этом случае должны уметь измерять время, пространство и силу.

Время можно измерять карманными часами или подобным прибором, маятник которого приводится в колебание упругостью стали, силой магнита или какой-либо другой силой, только не силой тяжести, которой тут вообще нет.

Время можно измерять также по вращению какой-либо массы, которую мы тут же привели во вращение. Проверять часы можно астрономически, по движению окружающих небесных тел, например по вращению Земли или какой-нибудь планеты, по движению Солнца, спутников Юпитера и т. д. Протяжение измеряется, как и на Земле, с помощью мер, измерительных приборов, угломерных инструментов и т. д. Измерение протяжения стальной лентой или цепью особенно удобно, так как цепь от тяжести не изгибается и легко выпрямляется при всякой громадной ее длине.

Силу тут нельзя мерить тяжестью, но можно ее опреде-

лять по сравнению с силами, не зависящими от тяжести, например пружинными весами или каким-нибудь подобным силомером (динамометром).

Впрочем, во всех случаях измерения при множестве человеческих дел неизбежные и здесь, если нуждаются в силе тяжести, то ее чрезвычайно легко тут получить вращением камеры, где производится наблюдение или действие. Чем быстрее будет это вращение, тем сильнее будет искусственная тяжесть.

...Отсутствие тяжести и давления имеет огромное значение для строительных работ, всяких громадных сооружений и машин. Например, здания могут быть во сколько угодно этажей, башни — какой угодно высоты. Крепости или массивности материала для этого вовсе не нужно. Технические сооружения, несмотря ни на какую громадность, могут иметь очень малую массивность. Одним словом, борьбы с тяжестью нет.

...Как подействует на тело и чувство отсутствие тяжести? Кровь будет сильнее приливать к голове. Многих болезней, зависящих на Земле от излишнего стояния, в этой среде мы бы избежали. Но едва ли невесомость заставит нас испытать что-нибудь особенное.

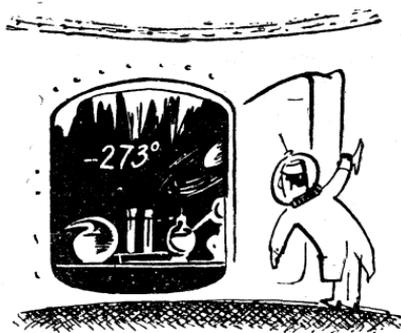
...Жилища обитателя эфирного пространства без всяких

затруднений могут иметь желаемую температуру. Ее можно сохранять постоянной и можно регулировать как угодно, останавливая на желаемой высоте.

...Подходящая температура для разных сортов полезных растений даст наилучшие урожаи. Легко получение желаемой температуры для кулинарных и технических целей.

...Громадная возможная разность температур позволяет утилизировать солнечную энергию почти целиком. Можно жить очень далеко от Солнца, в пределах Марса или Юпитера, и иметь при этом достаточную для человека температуру. Можно путешествовать без боязни по всей солнечной системе, удаляться к Нептуну и приближаться к Меркурию и еще гораздо ближе к Солнцу. Даже у Нептуна света еще довольно для жизни питающих человека растений. Недостает только тепла. Но и его... можно получить в достаточной степени.

...Итак, мы можем в эфире наблюдать тела при всякой температуре, как на Земле, даже в более широких пределах. Но чего стоит, каких громадных усилий, искусства и учености получение на Земле температуры, близкой к абсолютному нулю! Как мала эта земная среда и как неудобна для опытов исследования тел! Здесь же это очень легко. Лю-

бые массы на любое время без всяких затруднений мы можем подвергнуть более низкой температуре, чем какая получена в земных лабораториях при испарении гелия в пустоте. Понятно, раз является легкая возможность для всякого получать желаемые температуры, то изучение свойств тел в зависимости от их температуры бесконечно уточнится и расширится.

...Первая техника и все необходимое: машины, жилища, оранжереи, растения — все должно быть с Земли. Уже потом мы будем производить все сами: не только то, что получили с Земли, но и большее. Однако и полученное с Земли должно быть приспособлено к эфирной пустоте.

...Электрический ток можно получить в эфире теми же разнообразными способами, как и на Земле. Непосредственно — с помощью солнечной теплоты, при по-

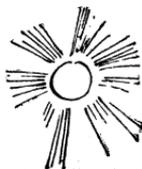
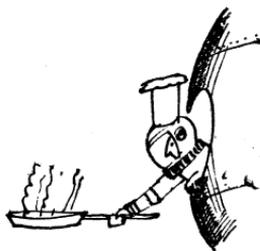
средстве термоэлектрической батареи. Последнее будет неэкономно, хотя со временем, может быть, найдут такие вещества для термоэлектрической батареи, которые почти всю теплоту солнца будут превращать в электричество.

...Множество заводских работ благодаря отсутствию сильной тяжести, трения и падения чрезвычайно облегчится. Не только приспособления будут проще, но и самим рабочим гораздо легче, так как они могут работать во всяком положении тела, достигать без лестниц любых точек обрабатываемого предмета, перелететь с места на место без всяких усилий и не чувствовать тяжести своего тела, прилива крови к ногам или к нагнувшейся голове и т. д. Громадна борьба с тяжестью при всех грандиозных работах; надо поддерживать предметы от падения, от излишнего давления на подставки, самые подставки надо укреплять, двигать каждую минуту, одолевая вес или трение. То нужны цепи, то блоки, то тросы, то подъемные краны, лебедки — и все это ради борьбы с тяжестью. Накаленные рельсы или прокатываемое железо гнутся от своего собственного веса — сколько и от этого хлопот! Жидкие и расплавленные тела выливаются из сосудов через малей-

шие отверстия благодаря силе тяжести. Этого нет в эфире.

...Так как температура для людей нужна очень умеренная: градусов в 30 Цельсия, чтобы только обходиться без одежд и обуви, то жилища можно устраивать почти прозрачные с прекрасным во все стороны видом звездного неба, Солнца, лун, планет и многочисленных и разнообразных человеческих сооружений. Регулировка температуры внешняя или внутренняя и предоставленная вкусу каждого. При дезинфекции люди удаляются. Тогда передвижением блестящих щитов или другими способами получается уничтожающая все живое температура.

Помещение для людей должно быть ячейкой, вмещающей определенного размера общество, которого обществен-

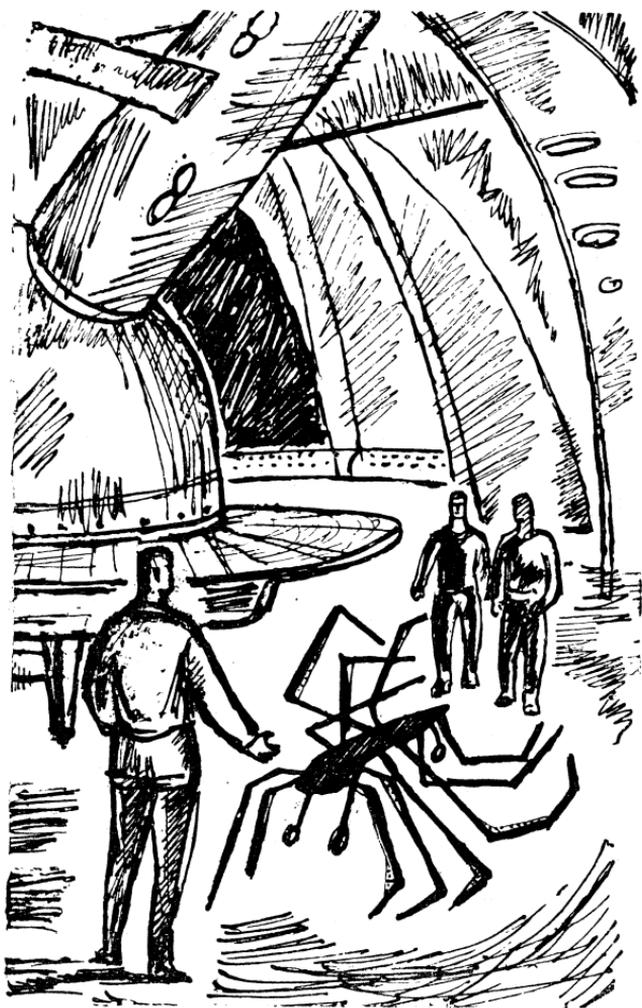
ные и индивидуальные потребности должны быть хорошо удовлетворены.

Община 1-го разряда, или основного класса, содержит до тысячи человек народу обоого пола и всех возрастов. И помещение должно быть приспособлено для такого населения. Цилиндр с большим диаметром нехорош, потому что дает мало света на человека. Узкий тоже некрасив и неприятен ограниченностью пространства. Мы выберем средние размеры, имея в виду, что человек не растение и не так уж нуждается в свете; излишнее количество его может быть вредно для глаз и кожи и утомительно, особенно принимая во внимание его девственную силу в эфире. Предоставим лучше как можно больше света растениям. Я думаю, для цилиндра довольно диаметра в 10 метров. Это соответствует комнате в 5 сажений высотой. Такой потолок или свод не покажется низким. На человека полагаем 100 кубических метров; на тысячу человек понадобится 100 000 кубических метров. Длина такого цилиндра будет 1 333 метра. Цилиндр может быть изогнут кольцом (диаметр = 420 метрам) или оставаться прямым, оканчиваясь полушаровыми поверхностями.

**М. ЕМЦЕВ,
Е. ПАРНОВ**

НА ЗЕЛЕНОМ ПЕРЕВАЛЕ

Рисунки В. Умнова

— **В**он она, — сказал Нибон, ткнув пальцем в голубой экран. Андрей и сам уже видел планетку, известную под именем Зеленый перевал. Собственно, она была не совсем по пути, но навестить Корина считал своей обязанностью каждый, оказавшийся в ближней зоне.

— Получен сигнал от Корина, посадку будем производить по лучу.

— Тем лучше.

Андрей вылез из-за пульта и, поручив управление ракетой автоматом, лег в люльку. Нибон лежал рядом: под прозрачным

лиловым колпаком были видны его войлочная шевелюра и черные глаза. Всегда смуглое лицо теперь побледнело. После аварии на Черном Титане Нибон плохо переносил посадку.

Им здорово пришлось там попотеть. Андрей закрыл глаза... Она казалась осязаемой — эта тяжелая планета без солнца, без единого луча света. Планета вечной ночи. Андрей поежился, вспоминая пережитое... Программа исследований космоса требует мужества. Но когда ты не один, вдвое легче при любых обстоятельствах. Вот почему они летели к Корину.

— Мне кажется, я вижу хозяйство Джорджа, — улыбнулся Андрей.

...Через несколько минут оба космонавта стояли на посадочной площадке Зеленого перевала.

Яркий свет слепил их.

— Это тебе не Черный Титан, — Андрей надел темные очки.

— Почти как дома, на Земле, — отозвался Нибон. — Зеленень-то какая!

— Пожалуй, только небо уж очень фиолетовое. Ну да что там, главное — дышать можно. Без скафандра, а как полагается... Вот она, ширь-то, хо-хо-о-о!..

«Хо-о...» — прокатилось по безлюдной зеленой равнине, окружавшей космодром.

— А где же Джордж? — спохватился Нибон. — Он нас не встретит?

— У него все киберы делают: встречают, отправляют, снабжают, заряжают... Мы сейчас поедим к нему, чай пить будем. Настоящий земной чай. Вот и машина.

К ним подкатил небольшой открытый аэромобиль.

— Хорошо, правда? — улыбнулся Андрей.

Дорога бежала среди густой травы. Проплывали мимо деревья. Андрей обрывал листву, жадно нюхал, слизывал капли росы.

В воздухе стоял легкий аромат неизвестных цветов.

— Какая у Джорджа специальность? — спросил Нибон.

— Биофизик. Радиоволны и жизнь — вот его занятие. Возможно, мы застанем его за изобретением радиолуча, который обгонит расширяющуюся вселенную и проткнет плешь самому господу богу. Работа для Джорджа значит не меньше, чем этот воздух.

Космонавты въехали в небольшую зеленую долину.

Посреди нее стоял белый чистенький домик, его единственной соседкой была тяжелая башня, утыканная антеннами самых причудливых форм и размеров.

В доме никого не оказалось.

— Может, он в башне?

— Вряд ли. Он бы увидел нас. Давай спросим секретаря.

Андрей повернул рукоятку черного ящика, стоявшего в кабинете Джорджа. Оттуда послышался мотив детской песенки, и хриплый бас произнес:

— Отбываю на неделю в биозону. Возвращусь семнадцатого.

— А сегодня что у нас? — спросил Нибон.

— Сейчас... Вот календарь, — Андрей взял таблицу и буркнул: — Не совсем ясно, тут одних четвергов пять штук — как говорят, семь пятниц на неделе.

— Планетка-то вертится быстро!

— Да, только успевай оглядываться. Джордж устроил себе календарь в переводе на земной: один понедельник — штрих, другой понедельник — два штриха, а суббота с индексом зет. Ага!.. Он будет послезавтра.

— Ладно, пошли отдыхать.

На крыше дома было уютно. Глубокие кресла с навесами хранили прохладу. Чуть покачивались листья пальм, доносился легкий шелест травы.

— Хорошо, — тихо сказал Андрей и добавил громче: — Как у мамы дома на Волге.

Где-то вдали послышался красивый и печальный звук, словно лопнула струна.

— Что это? — спросил Нибон.

— Может быть, птицы, хотя я их не видел в прошлый раз, — сказал Андрей.

Далекий звон медленно гас, вместе с ним уходил день. Ночь здесь наступала быстро, небо сразу потемнело, стали появляться звезды.

— Трудно, наверное, здесь Джорджу одному, — сказал Нибон, разглядывая башню с антеннами метрах в пятидесяти от дома. — Я бы не смог.

Воздух стал холодным и влажным. Нибон провожал взглядом узенькую полоску света над горизонтом.

— Давно погибла Мария? — неожиданно спросил он.

Андрей ответил не сразу: думал о своем.

Им удалось вырваться из цепких лап Черного Титана. Они втроем на этой чудесной благоустроенной планетке, двое — здесь, один — где-то неподалеку, рядом. Ключок уже освоенного человеком космоса!.. После первых полетов в космос в 1961 году изучение вселенной пошло как нарастающая лавина. А вслед за тем началась и переделка космической природы.

— Мария погибла лет пять назад, — сказал он. — Тогда здесь еще не было ни одного зеленого кустика, не было и этой роскошной атмосферы. Она и Джордж работали в скафандрах, разводили плантации камнепожирателей — эти очень капризные растения переводили кислород из окислов элементов в атмосферу. Джордж и Мария дни и ночи ухаживали за ними. Приходилось работать одновременно в разных концах планеты, чтобы создать атмосферу в короткий срок. В то время сюда залетали небольшие метеориты. Такой осколок попал в шлем Марии, когда Джордж был далеко. Она пролежала без сознания слишком долго... С тех пор Джордж почти не покидает Зеленого перевала. Он был несколько раз на Земле, но каждый раз возвращался — ведет здесь исследования, начатые еще с Марией. Он решил довершить всю программу, намеченную ими на двоих. Он говорит, что это его долг как посланца человечества. И так ему легче.

— Знаешь, надо его как-то расшевелить.

— Неплохо бы, — рассмеялся Андрей, — устроить какую-нибудь шутку. Разыграть его, что ли. Немного земной человеческой атмосферы.

Утро ворвалось в спальню так стремительно, словно кто-то сдернул с Андрея покрывало.

Нибон уже сидел в столовой, пил чай и рассматривал альбом исследователей космоса.

— Тут больше знаменитостей, — сказал он, — чем встретишь за полгода в самой Космической Академии. И все с автографами. А вот эти два снимка сегодня же попрошу Джорджа перефотографировать для меня.

— Ты хочешь сказать, что сделаешь это завтра?

— Что за странная манера предполагать, что я хочу сказать, если я уже сказал то, что хотел?

Андрей, прихлебывая, допил стакан чаю. Нибончик умен, слов нет, но есть в нем этакое древнеегипетское, потаенное лукавство...

— Ты его видел?

— Да.

— Когда?

— Только что.

— Почему же он не здесь, он что, прячется?

Нибон молча пожал плечами.

— Я увидел его из окна и окликнул. Он помахал рукой и сказал, что сейчас будет здесь.

— Где же он?

— В башне.

— Нет, ты ошибся, я здесь! — раздался громкий голос, и в проеме окна появилась улыбающаяся загорелая физиономия Джорджа. — Привет, друзья!

На окно легла тонкая рука, за ней — другая, прыжок — и Джордж стоял в комнате. Он был высок, с широкой грудью и тонкими легкими ногами. Одетый в цветастую куртку и короткие брюки, он напоминал скорее беззаботного курортника, чем ученого-исследователя.

— Двери тебе стали не по вкусу, — улыбнулся Андрей. — Знакомься — Нибон. Мы с ним сидели на Черном Титане.

Джордж сделал приветственный жест, не заметив протянутой руки Нибона, сел — ноги крестом, руки на коленях.

— Итак, друзья, как вы чувствуете себя на этой планете? Как дома?

— Спасибо. Если б сюда еще те несколько миллиардов, которые населяют нашу старушку Землю, — заметил Нибон.

— Им бы пришлось спать стоя, — парировал Джордж.

Нибон прав. Здесь не хватает одного — людей. Люди, милые люди! С их смехом и слезами, любовью к прекрасному, с их упорством и даже с их ссорами. Как далеки они сейчас!

Джордж о чем-то подумал.

— Да, — сказал он. — Вселенная для людей. Они должны быть везде: на планетах, астероидах и даже на искусственных сооружениях. Об этом мечтал еще Циолковский...

Помолчали. Вдруг Джордж встал и выпрыгнул в окно. Андрей видел, как его сутуловатая спина поплыла к башне.

Нибон, глядя вслед Джорджу, сказал:

— Пять лет одиночества — большой срок, как ты думаешь?

— Ну, он не совсем одинок, у него постоянно бывают гости вроде нас с тобой.

— Смотри! — Нибон указывал на что-то в глубине двора.

— Что случилось?

— Ничего. Мне показалось...

Нибон провел рукой по лицу, словно отмахиваясь от навязчивой мухи.

В комнате раздался спокойный голос Джорджа:

— Друзья мои, я нахожусь в башне. Заходите проведать меня сейчас или в любое время.

Внутри башни сверкали синие глазки сигнальных ламп, трудолюбиво жужжали генераторы, скрытые ослепительно белыми стенами. Андрей про себя отметил образцовый порядок и чистоту в помещении.

Джордж находился на верхнем этаже.

— Поднимайтесь сюда, ко мне! — крикнул он сверху. — Лифт работает.

Верхний этаж представлял собой площадку кругового обзора с решетчатым полом. Окно стеклянным кольцом охватывало башню, ниже причудливыми зигзагами рассыпались сотни кнопок пульта управления.

Кроме Джорджа, на площадке находилась странная подвижная конструкция, напоминающая осьминога. От веретенообразного тельца, поставленного на колесики, отвешивалось множество тонких и толстых щупалец. Механический осьминог катился вдоль пульта, на ходу нажимая на кнопки.

— Мой робот, — улыбнулся Джордж. — Джимми, познакомься с гостями.

Осьминог подкатил к Нибону и протянул ему лес своих рук.

— Придется пожать все, иначе обидится, — пошутил Джордж.

Андрей тоже перещупал холодные крючки и молоточки Джимми.

— Неприятно, что слепой.

— У него были глаза. Красные. Но перегорели, а мне недосуг вставить новые. У него локаторы. Он ориентируется и в полной темноте.

Нибон достал пачку и предложил Джорджу:

— Закуривай.

С быстротой молнии рука Джимми перехватила сигареты.

— Благодарю, бросил курить, — улыбаясь, сказал Джордж.

Нибон понимающе кивнул головой.

— Знаешь, — сказал Джордж, взглянув на Андрея, — вскопе после твоего первого посещения на Зеленый перевал доставили кибернетическую машину из Управления логических резервов. Вот она.

Он махнул рукой, указывая вниз, где сквозь решетку поблескивали металлические перегородки стендов.

— Наверное, старье какое-нибудь? — рассеянно заметил Андрей.

— Нет, почему же? Она отлично работает... Знаете, сколько биологических проблем осталось в наследство от Марии? Дело не только в том, чтобы планета была похожей на Землю. Нужно создать самые оптимальные условия для жизни человеческого организма.

Зеленый перевал задуман как база для заправки и осмотра кораблей и для отдыха экипажей. Космический санаторий...

Джордж надолго задумался. Потом неожиданно сказал:

— Ну, идите кончайте завтракать.

«Он, кажется, нас выпроваживает», — с удивлением подумал Андрей.

— Ты пойдешь с нами?

— Нет. И вообще, ребята, не обращайтесь на меня внимания, отдыхайте.

— Слушай, Корин, — сказал Нибон, подходя к Джорджу, — если мы тебе мешаем, скажи об этом прямо.

Он поднял руку и хотел опустить ее на плечо Джорджа. Тот быстро уклонился и отошел к окну.

— Откровенно говоря, друзья, я не смогу уделять вам много времени.

— В чем дело, Джордж?

— Опыт... Очень важный и сложный... Я не могу о нем рассказать.

* * *

— Пожалуй, пять лет одиночества действительно много, даже на Зеленом перевале, — уныло сказал Андрей. — Что ты там видишь?

Нибон стоял у окна.

— Несколько минут назад Корин со своим автопауком уехал по направлению к ракетодрому. Они оставили дверь в башню открытой, а я пошел захлопнул ее...

— Зачем ты это сделал?

— Так...

— Нибон, ты что-то знаешь? Хотя... ты всегда такой. Даже если тебе ничего не известно, производишь впечатление человека осведомленного.

— Иди-ка сюда, — позвал Нибон, и Андрей увидел, как из аэромобиля легко выпорхнул Джордж, а за ним, цепляясь шупальцами за дверцы, выполз Джимми. Робот был нагружен ящиками.

Джордж остановился перед закрытой дверью башни. Робот сложил ящики и потянулся тонким длинным шупальцем к замку. Дверь распахнулась, и Джимми с урчанием вкатился в темный прямоугольный вырез. Джордж вошел следом.

— Ну и что?

— Ничего, — ответил Нибон и пожал плечами, — пойдём погуляем.

— С удовольствием.

Они шли по полю, которое напоминало аккуратно подстриженный газон городского парка. Андрей бодро топтал упругую, как резина, зеленую травку.

— Первый признак психического расстройства — боязнь человеческого общества, стремление уйти от любого общения, — задумчиво говорил Нибон, шагавший впереди.

— Мне что-то не верится... — ответил Андрей.

— А если это не...

Нибон не договорил. Они вдруг увидели Корина.

Откуда он здесь? Как они могли не заметить его на этом плоском поле?

Джордж стоял, слегка покачиваясь и вращая головой. Глаза его остановились на космонавтах. Он резко обернулся и стал быстро удаляться.

— Джордж!

Корин молча ускорил шаг.

— Джордж, стой!

Корин вихрем мчался к башне.

— Погоди-ка, Андрей, — спокойно сказал Нибон. — Посмотри, как он бежит.

— Как?

— Он не мнет траву. От него не остается следов. Он бежит по воздуху!

— Ты с ума сошел!

— Слишком много сумасшедших для такой маленькой планеты...

Корин скользил по траве. Ни одна травинка не колыхнулась под его ногами.

Андрей протер глаза.

— Я не любитель внеплановых чудес.

— И я тоже. Нужно поговорить с Джорджем совершенно откровенно.

— Слушай, Ниб. Мне кажется, что ты знаешь про Джорджа больше, чем я. Вернее, подозреваешь его в чем-то, что мне неизвестно.

— Ничего особенного я не знаю. Меня мучат разнообразные предположения, но я боюсь давать им волю.

— Какие?

— Видишь ли, вначале я попросту решил, что он свихнулся. Прыгает в окна, боится людей, боится действий — почему он не сам открыл дверь башни? Ну и так далее. Но сейчас я ничего не понимаю... Смотри! Он исчез в своей башне.

— Как странно! — воскликнул Андрей. — Мне показалось, что он вошел, не открывая двери!

— То же самое мне показалось еще сегодня утром, — задумчиво сказал Нибон.

Когда они подошли к башне, дверь оказалась закрытой. Нибон ударил несколько раз.

— Джордж!

Молчание.

— Джордж! Корин!

Никого.

Они вернулись в дом обозленные и разочарованные. Андрей пытался проанализировать положение. Ему казалось, что этот Джордж чем-то неуловимым отличался от того прежнего Джорджа, которого он знал.

— Чем? — допытывался Нибон.

— Не понимаю, пока не понимаю, — говорил Андрей, — но это не тот Джордж, которого я помню.

Какое-то движение в комнате заставило их замолчать. В дверях стоял Джордж. Он прошелся мягкими, бесшумными шагами и сел напротив Нибона. Какая знакомая, привычная поза! Ноги крестом, руки на коленях... Андрей с жадностью всматривался в его лицо.

— Джо, нам нужно объясниться, — внезапно сказал Андрей.

Джордж молча рассматривал их, потом страдальчески свел брови:

— Да, я знаю, я должен многое вам объяснить, но вряд ли мне удастся объяснить все до конца. Поэтому прежде всего прошу вас не задавать лишних вопросов. Скажу все, что смогу, не больше.

— Но послушай! — Андрей вскочил со своего места. Молниеносное движение — и Джордж выскользнул из комнаты.

— Он способен исчезнуть из помещения, где заперты окна и двери, — сказал Нибон.

— Это наваждение какое-то! — возбужденно проговорил Андрей. — Ну, я понимаю — странности на чужих планетах, но свой, земной человек...

— Пожалуй, он уже не земной, а небесный. В нем как-то мало материального... — кисло усмехнулся Нибон.

— Ты еще что-то заметил?

— Мне просто кажется, что человек из мяса и костей не может двигаться так быстро.

— Ты думаешь...

— Ничего, пока ровно ничего. Мне только кажется, что ты напрасно его спугнул.

Андрей покачал головой.

— Все дело в башне, — сказал он. — Ты знаешь, что я следаю? Я пойду туда, возьму Джорджа за горло, как говорили в старину, и заставлю его рассказать все как есть.

— Если за его горло вообще будет взята рукой, — в раздумье ответил Нибон, — в чем я сомневаюсь. И еще: тон Джорджа не внушает доверия. Неизвестно, какая неожиданность подстерегает нас при следующей встрече. Нужно быть осмотрительными.

— Нет, пойдём сейчас. Откладывать нельзя. Я думаю, что на этой планете произошла катастрофа. В этом нужно разобраться. Здесь что-то не то.

Когда они вышли из домика, башня Корина показалась им тихой и мирной. Андрей ощутил тревогу. Медленно приблизились они к двери. Она оказалась открытой. Нибон смело вдвинулся в яркую полосу света и прошел в здание. Андрей — за ним. В коридоре горели яркие лампы, лифт был пуст.

По-прежнему из-за стальных перегородок доносились неутолимые голоса генератора: вся техника в башне напряженно работала. Андрей посмотрел вверх. Сквозь решетчатый переплет ничего не было видно.

— Поднимись туда, — сказал он Нибону, — а я пошарю здесь, внизу.

Нибон вошел в лифт и, нажав кнопку, поднялся на верхний этаж. Пусто. Джимми дремал в углу, свесив свои многочисленные шупальца и усики.

— Андрей, здесь никого нет, кроме робота! — крикнул сверху Нибон.

— Сейчас иду.

Но когда он поднялся, Нибона там не было.

— Нибон!

Молчание. Джимми тоже куда-то исчез. Бессмысленными многоочиями смотрели на Андрея кнопки пульта управления...

Через полчаса безрезультатных поисков взбешенный Андрей выбежал из башни. Нужно было что-то предпринимать... Космонавт направился к ракете. Здесь он подготовил себя к борьбе со всеми фокусами планеты: надел скафандр, вооружился радиолучом. Этот прибор мог расстроить работу любой принимающей и передающей аппаратуры. Несомненно, такая аппаратура была вложена в Джимми.

Когда Андрей вернулся, во дворе никого не было. Космонавт решил обследовать сначала домик. Тяжело ступая коваными башмаками, он обошел все комнаты. Здесь ничто не изменилось. Пачка сигарет Нибона лежала на столе, куртка его по-прежнему висела на кресле. Андрей присел у окна, приготовив радиолуч.

Ждать ему пришлось долго. Никто не показывался, и Андрей решил сам войти в башню. Он встал, вышел из дома; в этот же момент из башни выехал Джимми и с тихим урчанием пополз к Андрею. В дверях появился Джордж.

— Послушай, Джо, — торопливо сказал Андрей, косясь на подъезжавшего робота, — я не понимаю, что тут происходит. Я многого не понимаю. Но ты бы мог, черт подери, по старой дружбе объяснить мне, в чем дело... Что с тобой, Джордж? Где Нибон? Что здесь произошло? Да убери ты этого паука наконец!

Джимми покорно остановился.

— Пожалуй, я тебе объясню, но потом... потом, — сказал ровным голосом Джордж.

Андрей посмотрел ему в глаза. И многие нелепые догадки превратились в уверенность. Взгляд Джорджа был страшнее, чем взгляд безумца. В нем не было ничего человеческого — какая-то бездонная пропасть...

Это заставило Андрея сделать бессознательное движение: пальцы легли на рукоятку прибора — радиолуча.

И в тот же миг притихший Джимми раскинул веером щупальца. Но Андрей нажал кнопку — и Джимми застыл в оцепенении, парализованный радиолучом.

Джордж, стоявший у двери, сделал какое-то суетливое движение. Оно было паразитическим, чудовищно странным. Часть его тела вошла в стену, как отрезанная, а другая часть выступала из стены наподобие барельефа. Времени было достаточно, и Андрей мог разглядеть все детали совершенно явственно. Он оцепенел. Удивление Андрея, казалось, забавляло хозяина Зеленого перевала.

Джордж молча улыбался. Космонавт видел морщинки на его лице, блеск слюны на белых зубах, глубину прозрачных светлых глаз, но не мог поверить, что перед ним обыкновенный человек из плоти, из крови, кожи и мышц.

Забыв обо всем, Андрей с криком ринулся к Джорджу. Он хотел схватить его... но почувствовал, что руки погружаются все глубже и глубже, пока ладони не соединились вместе где-то в теле Джорджа. Джордж был тут, перед Андреем, но схватить его было невозможно!

Голова Андрея упала на грудь Джорджа — ее словно засало туда. В этот миг Андрею показалось, что он попал в молочный шар. Радужные веера рассыпались перед его глазами, странная тяжесть сдавила виски. Он отпрянул назад. Все восстановилось. Он снова видел двор, башню с антеннами, застывшего Джимми на траве, яркое фиолетовое небо и по-прежнему улыбающегося Джорджа.

— Успокойся, — сказал Джордж.

И здесь Андрей впервые заметил, что звук его голоса шел не изо рта, а со стороны. Голос Джорджа звучал откуда-то из башни, словно там был спрятан суфлер.

Андрей вдруг успокоился. Когда много чудес, они перестают быть чудесами и не волнуют. В конце концов, решил он, эта противоестественная галиматья должна найти свое объяснение. Самое главное сейчас — Нибон.

— Итак, — сказал Джордж, — ты смог убедиться, что я не совсем обычный...

— Где Нибон?

— С ним ничего не случилось.

Джордж скрылся в башне. Андрей вернулся в домик, сбросил тяжелый скафандр.

Андрей пытался рассуждать, но мешало волнение.

Значит, Джордж — это не Джордж, а какой-то призрак. Но он командовал Джимми. Схватить его невозможно. Но и сам он не может ни схватить, ни тронуть. Он не материален в житейском смысле. В этом его сила и в этом же слабость. Раньше у Джорджа был Джимми, робот-слуга, лаборант, помощник. Сейчас Джимми надолго парализован. Значит, у призрака нет материальных рук.

Перед окном дома снова возник Джордж. Он вышел прямо из стены башни и повис в нескольких метрах над почвой. Потом махнул рукой Андрею.

Сейчас Джордж напоминал канатоходца над ареною цирка. Внезапно он стал раздуваться, потерял облик человека и превратился в огромный сверкающий шар. На поверхности шара шло непрерывное движение, скользили белые, черные и цветные точки и пятнышки.

Затем шар сплюснулся, растянулся и лопнул посередине. Возникли два новых шара. Их образование сопровождалось громким хлопком, с антенн на башне посыпались большие голубые искры. Оба шара дрожали и расплывались, меняя свои очертания. Снова хлопок — и в воздухе повисли два новых Джорджа. Казалось, они очень обрадовались своему рождению. Призраки жали друг другу руки, хлопали по плечам и улыбались. Затем стали дуться и превратились в цветастые переливчатые шары. Через несколько секунд из этих шаров получилось четыре новых Джорджа.

Призраки размножались!

Их становилось все больше. Они заслонили от Андрея башню, и только по вспышкам на антеннах космонавт догадывался, что идет интенсивный процесс размножения.

Если перед ним призраки с обликом Джорджа, то где же... сам Джордж? Где то материальное тело, которое двигалось, дышало и работало на планете Зеленый перевал?..

Возможно, что опыты Джорджа привели к какой-то катастрофе, в которой сам Джордж погиб и возникли эти поганки? А может быть... Но может быть все что угодно...

Один из Джорджей отделился от группы призраков, подлетел к окну домика и, просунув голову в комнату, спросил:

— Каково впечатленье, а?

И все призраки во дворе одним голосом повторили:

— Каково впечатленье, а?

— Тяжелое, — напряженно ответил Андрей.

— То ли еще будет! — подмигнул Джордж и скрылся.

Даже для бывалого космонавта, встречавшего всякое на других планетах, происходящее было слишком нереально.

— Дурацкая комедия, — бормотал Андрей. Ему хотелось протереть глаза и уйти из сна. Но Нибон... Где Нибон? Да и Джордж... Что с ними случилось?

Нужно идти в башню. Механических братьев Джимми, если они существуют, можно парализовать в одно мгновение. А больше ему никто не страшен.

В дверях он наткнулся сразу на двух Джорджей и с разбегу проскочил сквозь них. Прием оказался удачным: Андрей не почувствовал никакой задержки, кроме яркой вспышки в глазах.

Он выбежал во двор и остановился. Все пространство между домом и башней было заполнено Джорджами. Одни небольшими группами проплывали над головами других, сидящих и стоящих внизу, на траве. И хотя это были все те же Джорджи, в одинаковых куртках и брюках, Андрей почувствовал, что они в чем-то изменились.

Он обратил внимание на их суетливые, даже как будто нервные движения. Призраки были возбуждены. Некоторые из них, растопырив руки, быстро-быстро, словно волчки, вращали головами. Появился микро-Джордж — миниатюрная, безукоризненно верная модель. И тут же Андрей различил в толпе несколько крупных экземпляров.

Призраки стали расслаиваться. Среди них теперь были гиганты и карлики. Андрей видел, как большой Джордж столкнулся с Джорджем обычных размеров и тот прилип к великану, стал ссыхаться... Наконец Джордж большой, невероятно раздувшийся, раскачиваясь на огромных ногах, подошел к следующему.

«Они засасывают друг друга. Час от часу не легче!» — подумал Андрей.

Чем больше становился призрак, тем легче он поглощал других. Цепная реакция взаимного поглощения охватила всех Джорджей. Сильный порыв ветра сбил Андрея с ног. Сражение шло уже между призраками-великанами.

Они соединялись со взрывом. Огня не было, но воздушная волна несколько раз швыряла Андрея. Потом он увидел, что у башни стоит один громадный Джордж. Все сравнительно небольшие предметы, расположенные вблизи, исчезали в нем. К призраку неслись камни и бумага, по воздуху плыли травинки и листья, облако серой пыли окружало его гигантские ботинки; все, что было не закреплено, не прибито, не привязано, двигалось к великану.

«Как бы он меня не того...».

Мощный толчок поднял Андрея над почвой. Его перевернуло

и понесло вверх по невидимой спирали. Андрей задыхался от пыли и жары.

И вдруг он почувствовал, что подъем прекратился.

Андрей стал описывать концентрические круги, заскользил вниз по очень пологой спирали и упал.

Андрей протер слезящиеся глаза и увидел, что лежит засыпанный пылью перед башней. Джорджа-призрака не было. Двор опустел.

— Андрюша! Друг! Не ушибся? — из двери башни к Андрею, протягивая руки, летел со всех ног Нибон — живой, здоровый и невредимый, с чуть смущенной улыбкой на толстых губах. За ним появился Джордж и встал на пороге в застенчивой и растерянной позе.

— Вот глупо получилось! — тараторил Нибон. — Этот опыт... его давно надо было прервать, а мы...

— Опыт! Мы?! — из ноздрей Андрея, как у сказочного конька, вылетали клубы пыли. — Ты хочешь сказать, что и ты тоже?..

— Но пойми...

— Ну, знаешь! — возмутился Андрей.

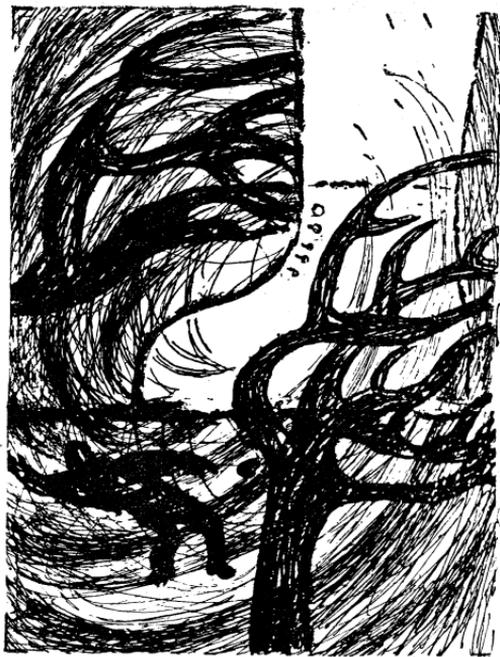
— Если бы ты видел, какая это замечательная установка!

— Сейчас я сам разберусь!

Андрей пошел к башне. В дверях он насмешливо взглянул на призрака, загородившего путь, и рывком ринулся сквозь него.

Ему показалось, что он свернул себе шею. Призрак, твердый и тяжелый, как мешок с дробью, лежал на спине, дрыгал ногами, и стонал, и смеялся...

— Джордж, дружище! — Андрей понял, что перед ним настоящий Корин.

* * *

И вот они втроем на плоской крыше коринового домика. — Надеюсь, ты больше не перевоплотишься? — насмешливо спросил Андрей.

— Нет, мой дорогой, нет. Знаете, почему-то каждый, кто сюда прилетает, считает своим долгом придумать какую-нибудь шутку... А я вот решил сам вас разыграть. Но — о работе...

Джордж взглянул на темное небо. Планетка Зеленый перевал повернулась лицом к ночи.

— Вначале была мысль, и довольно простая, — сказал Джордж. — Я ее выражал одним словом — стереотелевидение.

Для обычного телевизора нужен экран из определенного материала. На таком экране электронный луч рисует изображение. Ну, а почему бы не сделать экраном пространство? Если бы изображение удалось передать в пространство, то мы получили бы объемное наглядное представление о передаваемом объекте. Однако с обычным пространством ничего не получалось. Сколько я ни бился!.. Тогда я пришел к выводу, что, пожалуй, экран все равно нужен. Но экран особый.

Вы, конечно, слышали об искривлении пространства под влиянием больших масс? Так вот, вскоре мне для опытов доставили с Земли генератор искривленного пространства*. Мощное гравитационное поле, получаемое в вакуумном ускорителе, обладает совершенно новыми, замечательными свойствами. Чем выше мощность гравитации, тем сильнее искривляется пространство. При определенном значении мощности искривление достигает максимальной величины, и пространство в какой-то своей части словно свертывается, замыкается в себе. Образуется шарообразное гравитационное поле, отличающееся по своему строению от окружающего его обычного поля.

Такое, как я его называю, гаусс-пространство совершенно непрозрачно. Световые лучи находятся в нем, словно в тюрьме. Они не способны вырваться наружу и двигаются по круговым орбитам. Зато свет, попавший на поверхность такого шара, хорошо отражается и видим для любого постороннего наблюдателя. Раз возникнув, гаусс-пространство уже не исчезает, пока не прекращается энергетическое питание. Оно может двигаться в обычном пространстве практически с любой скоростью, вплоть до световой. Его можно расширять или сжимать вроде камеры раздутого мяча.

Ну, сами понимаете, я возликовал. Вот здесь, перед моей башней, висел большой белый шар — потенциальный экран будущего объемного телевидения. Каждое утро, проходя мимо, я приветствовал его.

Потом очень долго бился над тем, как придать гаусс-пространству форму передаваемого объекта. Мне удалось этого достичь, разработав специальную камеру для телепередачи. Вы видели яйцевидный колпак в моей лаборатории? Это та камера.

Человек или вещь заключались в камеру. Электронные лучи, направленные со всех сторон на человека, прощупывали каждый изгиб, каждую складку на одежде. Информация о размерах и форме объекта передавалась в виде импульсов гаусс-генератору, и он искривлял пространство согласно этой информации.

Таким образом, в один прекрасный день я получил свой отпечаток, если хотите, слепок, в пространстве. Перед башней висел уже не шар, а Джордж, словно высеченный из мрамора.

— А как же с цветом? Ведь призрак имел естественную, при-

* Существование гравитационных волн вытекает из теории относительности Эйнштейна. О возможности использования в будущем гравитационных волн для связи см. журнал «Знание — сила» № 12, 1961 г.

родную окраску! — перебил Нибон. — Я отлично помню его щеки и глаза.

— Правильно, но это произошло позже. Вначале Джордж-призрак был молочно-белый. Манипулируя с помощью гаусс-генератора, я заставлял свое изображение морщиться и гримасничать, как мне хотелось. Ничтожные изменения в мощности излучения заставляли изображение корчиться самым диким образом. Призрак оказался легкоуправляемым. Потом я поручил управлять движениями Джорджа-призрака кибернетической машине, полученной из Управления резервов. Машина сильная!.. Я установил ее в башне и приспособил для своих экспериментов. И уже недели через три Большой Кибер полностью овладел работой гаусс-генератора и руководил движениями призрака почти так же хорошо, как я сам.

Все шло хорошо, а вот окраска меня беспокоила. Белый цвет изображения стал раздражать, но я долго не мог ничего придумать, пока не занялся изучением структуры гаусс-пространства. И что же? Мне удалось установить, что плотность гравитации на поверхности шара может изменяться с изменением режима энергетического питания. При некоторых значениях этой плотности электромагнитные волны способны проникать внутрь гаусс-пространства. Это значило, что часть световых лучей способна проникнуть, поглотиться гаусс-пространством, а следовательно, другая часть лучей, отраженная, дала бы окраску, цвет. Но вот беда, поглощение и отражение световых лучей происходили при низкой мощности гравитационного поля, когда гаусс-пространство не смыкалось в сферу. Тогда, знаете, что я сделал? Наложил пространство на пространство. Два гаусс-пространства, отличающихся мощностью, попадали в одно и то же место. Сверху мощного гравитационного поля я положил более слабое, которое, как пленкой, покрыло сильное гаусс-пространство. В этой пленке происходило поглощение и отражение световых волн. В зависимости от плотности этой пленки изменялась степень поглощения световых лучей в каждой точке на поверхности гаусс-пространства. Большой Кибер регулировал величину плотности и тем самым изменял цвет на любом участке стереоскопического телеизображения. Я стал получать объемные цветные изображения различных предметов. Это была полная победа, и я уже хотел сообщить о ней на Землю тем, кто постоянно помогал мне и консультациями и оборудованием. Но тут произошло событие, заставившее меня надолго забыть обо всем на свете.

Цветные изображения стула, шляпы, прибора, газовой горелки вполне удовлетворяли меня. Они висели в воздухе перед башней, и я детально осмотрел их и не нашел никакого изъяна. Все было как следует. Предметы как предметы.

— Только пользоваться ими нельзя, — заметил Нибон.

— Да, пользоваться нельзя, но использовать можно.

После многочисленных опытов я решил перейти к собственному цветному изображению.

Моя кабина стала еще более сложной. Ее окружало сплошное электронное измеряющее поле, которое фиксировало пространственное положение тела, его форму, объем, цвет моего лица, одежды и рук. Эта информация передавалась Большому Киберу,

а от него в виде определенных команд поступала в большой и малый гаусс-генераторы. Большой продуцировал основное гравитационное поле, а малый давал ту пленку, которая облекала красками телезображение.

И вот в один прекрасный денек я влез в свое передающее устройство, включил аппаратуру и стал ждать. Передо мной находился экран обычного телевизора, на котором были видны двор, башня и молочный шар гаусс-пространства. Я наблюдал, как деформировался белый глобус, приобретая форму и цвет моей одежды. Я уже различил собственные руки и ноги, голову, и вдруг... что-то произошло. Я перестал видеть экран телевизора, Большой Кибер, гаусс-генераторы; меня словно выбросили из башни, хотя я не чувствовал никакого толчка, кроме боли в глазах.

Я очутился в моем дворике на месте гаусс-пространства. Я видел свой дом, башню, траву в нескольких метрах под ногами и небо над головой. И в то же время я находился в своем передающем устройстве, хотя его-то я совершенно не видел. Когда я поднимал руки, они упирались в скользкие пластмассовые стенки. Я сделал шаг и ударился лбом о преграду. Вообще наставил я себе синяков, пока нащупал рубильник! Отключил питание — и сразу увидел кабину, в которой находился все время.

Так я открыл эффект обратной связи. Вы понимаете, что оказалось? Что световые волны взаимодействуют с поверхностью раздела между двумя гаусс-пространствами. И это взаимодействие было зафиксировано в передающем генераторе, а оттуда сигнал об этом взаимодействии с помощью Большого Кибера попал в мои глаза в виде световой волны.

То, что видели мои бесплотные глаза вне башни, я увидел, находясь в своей кабине! Тогда я понял, что сделал еще одно открытие. Я решил проверить все сызнова. Опыты подтвердились. Обратная связь существует.

Теперь, находясь в кабине, я, не двигаясь с места, как фантастический призрак, облетел всю планету, наблюдая и созерцая ее. Это доставляло мне огромное наслаждение. Лучше любого обычного телевидения.

Мне даже удалось подняться над атмосферой Зеленого перевала. Но подняться выше, в космос, я не смог, не хватило мощности у большого гаусс-генератора. Да и для сегодняшнего эксперимента пришлось накапливать мощность несколько месяцев.

Джордж задумался, покачал головой и продолжал:

— Да... Так вот. Исследуя обратную связь, я все время работал в телецентре. Это было необходимо, чтобы своими глазами видеть все, что находилось вне башни.

Позже я решил покинуть телекабину. Сделать это было очень просто. Вместо себя на линии обратной связи я установил устройство, принимающее световые сигналы, и соединил его с Большим Кибером, который расшифровывал и полученную зрительную информацию. Так был создан Джордж-неошутимка. Я присвоил ему имя Джо-1.

Казалось, на что он мне нужен? Но я ставил определенную цель. Сама по себе обратная связь и стереоизображение — это, конечно, хорошо... Но я думал... Всем нам, исследователям кос-

моса, нужен такой удобный помощник. Не кибер типа Джимми, а Джо-1. Представляете, как заманчиво иметь такого неуязвимого друга в наших опасных путешествиях на другие планеты! Он войдет в ядовитую атмосферу, проникнет в пламя и огонь, не побоятся холода космоса.

Мало того, я думал, что псевдо-Джорджа можно будет использовать для сбора информации без присутствия человека. Оставьте Большой Кибер на неизвестной планете, а сами летите себе дальше по своим космическим делам. Возвращаетесь. А за это время псевдо-Джорджик облазил всю планету, исследовал все что мог. Если ему дать в помощь Джимми, который может поднимать тяжести, двигать камни, отбирать пробы, проводить анализы, то псевдо-Джордж станет незаменимым исследователем и таких мрачных планет, как ваш Черный Титан. Геологи и строители, которые позже придут на эти планеты, скажут автоматам-исследователям пребольшое спасибо.

— Ну, а если на планете нельзя по каким-то причинам разместить Большой Кибер? — спросил Андрей.

— Нет ничего проще. Большой Кибер может быть размещен где угодно: на искусственном спутнике, на соседней планете, наконец, на соседней планетной системе, находящейся довольно далеко от места исследования. Это не имеет существенного значения. Я даже думаю, что псевдо-Джорджи будут мчаться впереди ракет-астролетов. Космонавты «своими глазами» издалека увидят приближающуюся опасность. Кстати, они смогут побывать на планетах, так сказать, на ходу, не совершая посадки.

У псевдо-Джорджа есть одна особенность. Благодаря своей сущности (он ведь представляет собой комочек искривленного пространства) он очень чутко относится к увеличению гравитации. Если Джордж попадает в сильное гравитационное поле, он деформируется, сплющивается и исчезает. Вот вам прекрасный гравилокатор для космонавтов — приближение сильного гравитационного поля будет сопровождаться появлением мутной пелены в поле видимости призрака...

— Ну, с таким гравилокатором не успеешь быстро развернуться, — заметил Нибон.

— Почему? Псевдо-Джордж может лететь впереди ракеты на сколь угодно далеком расстоянии. Если только будет достаточно мощный генератор. Я уже не говорю о новых будущих формах связи между планетами, заселенными людьми. Для того чтобы побывать на Марсе, Венере, на всех планетах солнечной системы, человек может даже не выходить из своей квартиры на Можайском проспекте.

— Удивительно... — пробормотал Андрей.

— Конечно, псевдо-Джордж не для индивидуального использования. Но вот задача: а что, если псевдо-Джорджу придется исследовать одновременно несколько отдаленных уголков планеты, а то и несколько планет, разделенных большими расстояниями? Конечно, его можно перебрасывать с места на место, но это не всегда удобно.

Одним словом, для того чтобы Большой Кибер на Земле смог собрать обширную научную информацию, нужен не один псевдо-Джордж, а много, чтобы их можно было держать в разных мес-

тах планеты и на разных планетах и периодически переключаться с одного на другое.

— Потрясающе! — воскликнул Андрей. — Телевизионное ателье «Прогулка по планетам». Кнопки с надписями «Уран», «Сатурн». Нажал кнопку — совершил космическое путешествие!

— Вроде этого, — улыбнулся Корин. — Вот для этих целей я задумал размножить Джорджей. Как раз перед вашим прилетом... А когда вы прибыли, решил продолжать испытание, ну, и заодно немного вас подурочить. Нибон первый догадался, и я посвятил его в свои опыты...

— Нибон?! — укоризненно сказал Андрей.

Космонавт смущенно развел руками:

— Виноват, но нам была интересна твоя реакция.

— Ладно, — примирительно сказал Андрей. — Правда, я чуть мозги себе не вывихнул, пытаюсь разобраться в этой галиматье!

— Ничего, Андрей, это принесло тебе пользу, а мне — факты. Должен сказать, что опыт не удался или, вернее, почти не удался... Придется еще много работать. Оказалось, что мои гаусс-генераторы при большом числе делений дают неправильное, неравномерное распределение гравитационного поля. Получилось так, что в одном Джордже плотность гравитации больше, чем в другом. А этого было достаточно, чтобы они стали поглощать друг друга, словно капли ртути. Когда мы увидели, что тебя, Андрей, стало затягивать гаусс-пространство, мы постепенно сняли питание и осторожно опустили тебя на траву. Ты извини меня. Нибон сразу требовал прекращения опыта, но я никак не мог остановиться.

— А мне и самому было очень интересно, — сказал Андрей. — Только жаль, что я без вас во всем не разобрался.

— Ну, ведь это было не так уж и просто, — улыбнулся Джордж и добавил, обращаясь к обоим: — Теперь я, ребята, полечу с вами на Землю: дорабатывать эту штуку надо там. Кибер мы оставим присматривать за планеткой. Так что дежурство будет продолжаться. Правда, его нужно подготовить...

— Идет! — согласился Андрей. — Трех дней нам хватит?

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!

Учитывая, что интерес к проблемам космографии возрастает поистине в астрономических масштабах, редакция «Искателя» решила взять интервью у некоторых членов многопланетной солнечной семьи. Как удалось это осуществить — редакционная тайна. Скажем только, что были применены самые новейшие средства: телескопические, радиотелескопические и даже телепатические. И вот перед вами — первое интервью, взятое у Луны нашим корреспондентом Глебом Голубевым.

Рисунки В. Стацинского

3 — Дравствуйте, дорогая Луна! Мне поручили побеседовать с вами, и я рад выполнить задание редакции. Всего несколько вопросов, не возражаете?

— Хоть тысячу. Вы не представляете, как скучно в полном молчании миллионы лет кружиться вокруг Земли и даже словечком с ней не перебраться. Правда, до меня долетают ваши радиоволны, но ответить — увы! — я пока не могу. А как хотелось бы передать на Землю мою глубокую благодарность за чудесные подарки: за вымпел-сувенир, принесенный мне советской ракетой 13 сентября 1959 года, и особенно за превосходную фотокарточку. Я отлично на ней выгляжу, не правда ли?

— Великолепно! Нет, пожалуй, на Земле человека, который бы не любовался вашей фотографией. Скажите, а вам не жалко, что последняя ваша тайна раскрыта?

— Вот как! Вы считаете, что это последняя моя тайна? Плохо же вы меня знаете.

— Но...

— Да, да, я знаю, что некоторые ваши ученые говорят, будто моя поверхность им теперь известна лучше, чем поверхность собственной планеты — Земли. Конечно, со стороны виднее. Но ведь речь идет только о моей наружности, а внешность бывает обманчива, не так ли? А откуда я взялась, вы знаете? Не считаете же вы меня какой-то вечной старухой! И я была молода, и у меня были детство, юность, молодость...

— Простите за нескромный вопрос: когда вы родились?

— А я просто не знаю. Об этом среди ваших ученых до сих пор идут горячие споры. Одни считают меня дочерью Земли, некогда оторвавшейся от нее и ставшей ее естественным спутником. Другие, наоборот, видят во мне пленницу Земли, залетевшую по неосторожности в сферу ее притяжения. Третьи — теория академика О. Ю. Шмидта — считают, что я образовалась из газопылевого облака.

— А какая же из этих гипотез все-таки справедлива?

— Не знаю. Кто же помнит обстоятельства своего рождения? Это придется выяснить вам, дорогие земляне. Да и с внешним моим обликом тоже далеко не все ясно. Откуда взялись эти оспинки, придающие такое неповторимое своеобразие моему лицу? Что же это все-таки — настоящие вулканические кратеры или гигантские ямы от ударов метеоритов? Откуда появились на моей поверхности кратеры и цирки, в каждом из которых свободно могли бы разместиться некоторые из европейских государств? Чтобы объяснить их происхождение, создавались самые различные гипотезы: и вулканическая, и метеоритная, и гейзерная, и приливная, и ледяная. Теперь, кажется, остались в живых только две из этих гипотез: метеоритная и вулканическая. Но тем ожесточеннее, я вижу, стали споры между их сторонниками. А на посвященном мне международном симпозиуме, который происходил в декабре 1960 года в Ленинграде, была выдвинута еще одна гипотеза — кумулятивная. Она относит появление кратеров к тем временам, когда моя поверхность якобы была еще в стадии затвердения.

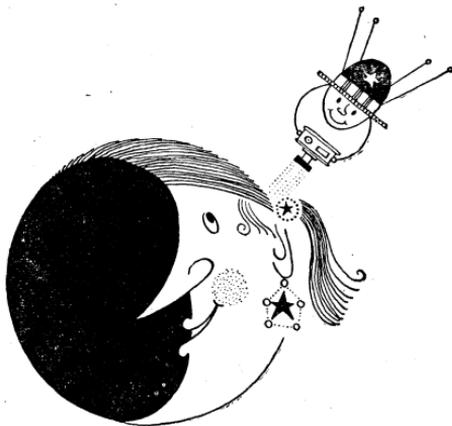
— Какая же из них правильна?

— Попробуйте разобраться сами. Могу без ложной скром-

ности сказать, что это принесет вам немалую пользу. Изучение моей биографии поможет вашим ученым получше разобраться и в земных делах.

— Это каким же образом?

— Разве вы не слышали, что некоторые геологи называют меня наглядным пособием? Как ни отличаются мои природные условия от тех, какие существуют на Земле, прикрытой прозрачной броней атмосферы, материя-то, из которой состоят небесные тела, одна! Все мы создаемся и развиваемся по одним и тем же законам природы. Потому-то, изучая меня, вы лучше узнаете и свою собственную планету — как бы смотрите на нее со стороны. Вот, например, за последние годы ваши геологи стали все чаще задумываться над причудливым узором цепей в Арктике. Почему они напоминают своим рисунком «паутину», центр которой находится в Канаде? Я могла бы подсказать ответ на этот вопрос.

— Подскажите, мы вам будем очень благодарны.

— Вы присмотритесь внимательнее к венцу белых лучей, расходящихся во все стороны вокруг моего кратера Тихо де Браге. Не напоминают ли они вам ту же картину, что и «паутина» горных хребтов в Арктике?

— А что это означает?

— Ваши ученые уже начали догадываться. Это следы исполинских разломов коры планеты. Они показывают, где происходило выпирание из недр планеты на ее поверхность древнейших ультраосновных пород. А это подсказывает геологам, где именно следует искать те или иные полезные ископаемые, не так ли?

— Да, это весьма ценные указания. Но не расскажете ли вы, дорогая Луна, какие природные богатства поджидают нас в ваших подземных кладовых? Я слышал, что ученые предполагают, будто на некоторых участках вашей поверхности есть огромные выходы чистой серы?

— За последние годы на меня, кажется, перестают смотреть как на голый и мертвый шар, окрашенный в какой-то монотонный серый цвет. Это меня очень радует. Такой мрачной я никогда не была, и ваши цветные фотографии моей поверхности, какжется, наконец, открыли вам глаза на мое истинное лицо. На этих цветных фотографиях я выгляжу, право же, совсем молодо и даже празднично... Разве можно не залюбоваться пестротой красно-фиолетовых, зеленоватых и розовых пятен? А ведь пестрота их, конечно, не случайна. По разнице в цвете ученый может судить о различии горных пород, образующих мою кору.

Скажу вам даже больше: в различные времена года окраска некоторых участков моей поверхности заметно меняется, и это должно подсказать ученым, что и на моих суровых просторах вполне возможна жизнь.

— Как? Но ведь у вас царят ужасающие перепады температур от 150 градусов мороза ночью до палящей 115-градусной жары днем! У вас совершенно отсутствует атмосфера...

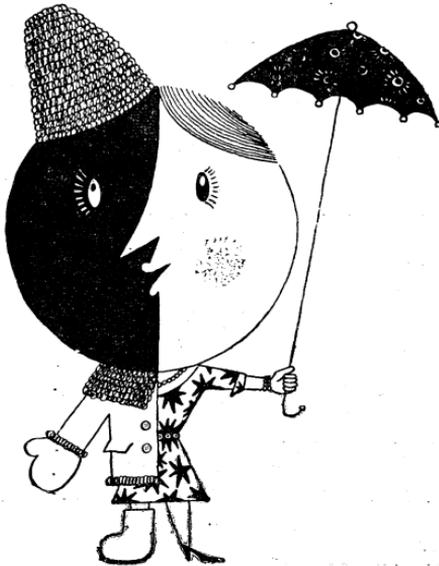
— И все-таки жизнь побеждает! Разве вам на Земле не известны бактерии, способные жить в кипящих сероводородных источниках или во льдах Арктики? Разве вы не слышали о том, что даже в некоторых метеоритах, занесенных на Землю из космических просторов, ученые недавно обнаружили следы жизни — органические вещества?.. Советские ученые поступили весьма предусмотрительно, приняв меры к тому, чтобы ракета, доставившая мне первый выпел с Земли, не занесла на мою поверхность какие-нибудь земные микроорганизмы. Это могло бы весьма запутать дальнейшие исследования.

— Может быть, мы найдем там и мыслящую материю?

— Вам очень хочется встретиться с селенитами? А почему вы думаете, что меня населяют разумные существа?

— Но ведь кто-то построил Прямую Стену...

— Боюсь, что в этом вас придется разочаровать. Вы же сами говорили, как суровы мои природные условия. Для жизни разумных существ они совсем не подходят. Недаром вашим ученым приходится крепко ломать голову над тем, как обезопасить первых гостей, которые ступят на мою поверхность, от губительных скачков температуры, от космических лучей и метеоров, днем и ночью обрушивающихся на меня из просторов вселенной.

Но не унывайте. Я приготовила для вас немало загадок и сюрпризов, хотя и не порадую гостей встречей с разумными братьями землян. Вот вы помянули Прямую Стену. На фотографиях она действительно выглядит весьма эффектно — отвесная стена, пересекающая Море Облаков почти на протяжении ста десяти километров. Она образует такую прямую линию, словно и на самом деле выстроена какими-то разумными существами по чертежам, с помощью линейки. Ну, а если ее создала природа — разве это не менее интересно?

А знаменитая Альпийская Долина, весьма подозрительно, по мнению ваших ученых, похожая на гигантскую бороз-

ду, оставленную ледником? Или по моей поверхности когда-то, как и на Земле, текли реки и сползали с гор ледники? Но почему в таком случае эта загадочная долина на Луне одна-одинешенька?

— Но подождите, дорогая Луна, нельзя же все время только загадывать загадки...

— Почему же? Вы хотели узнать мои тайны? Вот я и выкладываю их. А разгадывать уж попробуйте сами. Во всяком случае, вы, надеюсь, убедились, что о полной изученности даже моей поверхности говорить несколько преждевременно. А точное знание строения моей поверхности стало для вас теперь задачей неотложно-практической.

— Почему?

— Вы, вероятно, в самое ближайшее время навестите меня. А куда придется садиться вашим ракетам: на скалы, в многометровую толщу пыли или на такой же толстый слой метеоритных осколков? Тут ведь до сих пор между вашими учеными идут горячие споры. Скажем, последние исследования В. Троицкого позволяют считать, что мой поверхностный слой состоит из очень легкой пористой массы. Радиоволны отражаются от моей поверхности с такой же легкостью, как от зеркально-гладкого шара. А световые лучи показывают, что поверхность моя вовсе не идеально ровная, а весьма шероховатая.

— Какова же она на самом деле?

— Загадка была довольно хитрой, но ваши ученые разобрались в этом кажущемся противоречии. Они пришли к правильному заключению, что неровности моей поверхности в таком случае по своим размерам должны быть больше длины световых волн, но меньше, чем длина радиоволн, то есть не более дециметра в поперечнике.

— Но ведь это весьма расплывчато...

— Да, пока не слишком точно. Под такие размеры может подойти и песчинка и довольно увесистый камешек. Все это необходимо точно выяснить и учесть заранее, не так ли?

— А не могли бы вы помочь нам в этом?

— К сожалению, нет. Как неотъемлемая часть природы, я обязана свято хранить свои тайны, иначе на свете стало бы скучно жить! Это дело людей — открывать тайны природы. Достаточно того, что я не прячусь от гостей за поясами радиации, как Земля. Это вы уже смогли выяснить.

— Да, совершенно верно, ведь у вас нет магнитного поля, которое захватывало бы в свою ловушку космические лучи...

— В сообщениях ваших ученых об этом говорится более осторожно: магнитное поле практически не обнаружено...

— А разве это не одно и то же?

— Не совсем. Как вы, надеюсь, знаете, сейчас наиболее распространены гипотезы, связывающие земное магнитное поле

с процессами, которые происходят в расплавленном ядре вашей планеты. Но и я не так холодна, как еще недавно считали ученые. Осенью 1958 года пулковские астрономы Н. А. Козырев и В. И. Езерский подметили выделение горячих газов из моего кратера Альфонс и даже сфотографировали этот редкий момент. А наблюдения В. Троицкого показывают, что температура моего поверхностного слоя с глубиной возрастает. Из этих наблюдений может быть только один вывод: в недрах моих бушуют такие же огненные силы, как и у Земли. Почему же в таком случае я лишена магнитного поля?

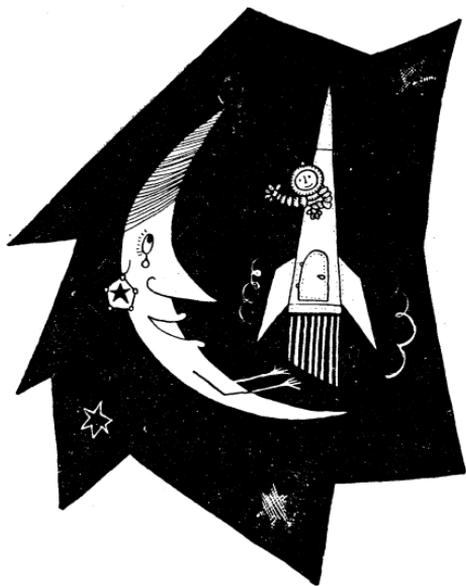
— Простите меня, но какое-то странное получается интервью. Вопросов задаете больше вы, уважаемая Луна, чем я.

— Вы правы. И отвечать на них придется вам самим, людям. Признаться, меня немного обижают, когда в земных газетах и журналах пишут обо мне главным образом как о подходящей базе для дальнейших полетов в космос. Это, конечно, верно. Сила моего притяжения в шесть раз меньше земного — значит, чтобы покинуть меня и вырваться в космос, нужны гораздо меньшие скорости и, значит, меньше затраты энергии. И когда-нибудь я, несомненно, превращусь для вас в природный космодром, где ваши ракеты будут делать остановку для заправки топливом перед дальними путешествиями.

И для астрономических наблюдений природа подготовила меня лучше, чем вашу родную Землю. Наблюдениям с моей

поверхности совершенно не будет мешать такой светофильтр, как ваша земная атмосфера. Все это особенно влечет ко мне ваших ученых.

Но разве сама по себе я для вас не привлекательна? Разве мало у меня манящих загадок и тайн? Прошу пожаловать ко мне за разгадками! Обещаю, что от смельчаков, которые первыми ступят на мою поверхность, я не скрою ничего. И знаете, я уверена, что эти первыми будут люди, с которыми я уже немножко знакома по вымпелу с гербом Советского Союза, по атласу с моими уникальными фотографиями, объяснения к которым даны на русском языке... Так что до скорой встречи, друзья!

Он ушел воевать из маленького городка в глубине России — Сердобска. И после победы снова возвратился туда. Небольшой, в три окна, домик на Большой Садовой улице, построенный им самим, ничем не отличается от соседних, таких же веселеньких, с резными наличниками домиков, что пестрыми шеренгами взбираются на пригорок.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР СЛАВЫ

Рисунки П. Павлинова

И судьба этого человека мало отличается от жизненного пути тысяч и тысяч людей его поколения — поколения, молодость которого совпала с трудным для нашей Родины часом; поколения, показавшего всему миру, что значит беззаветно любить Советскую Отчизну; поколения, которое выполнило во имя человечества великую освободительную миссию и которое справедливо называли героическим.

Николай Алексеевич Залетов невысок ростом, плечист. Про таких говорят — коренаст. И это не только описание его внешности, но и характера — крепкого, уверенного, стойкого.

Он сидит, грузновато опершись локтями о стол, широкоскулый, с густыми темными бровями, из-под которых глядят голубые, с лукавинкой глаза. Залетов неразговорчив. Вернее, скромнен. Про героев все так пишут. Что ж, Залетов и в этом не исключение.

Исключительность его в том, что он первый стал полным кавалером самого почетного солдатского ордена — ордена Славы. Залетов трижды награждался этим орденом — третьей, второй и первой степени. Залетов трижды совершал подвиги, которые, как записано в статуте ордена, требуют мужества, отваги, сообразительности и воинской доблести.

— На фронт я ушел двадцать третьего июня. Сражался под Ленинградом. И в партию вступил, как все солдаты, перед большим боем, когда прорывали блокаду. Был ранен. Вернулся в строй. В начале 1944 года подошли мы к Вороньей горе...

И третью атаку фашисты отбили...

Рота вернулась на исходный рубеж. Вернее, полроты. А половина...

Вон на подъеме к фашистским траншеям чернеют на снегу шинели. Одна, вторая, третья. Вон новенький. Вчера с пополнением прибыл. Даже, как зовут, не вспомнишь.

Пали смертью храбрых...

Пали... На склоне белом, ослепительно белом склоне, темнеют шинели.

Позади Ленинград. Позади блокада, голод. Самое трудное — позади.

Вышедшие из боя ждут нового приказа идти в атаку, хлопают варежками, притопывают. Ругают промозглые, туманные морозы. Смотрят на проклятую высоту.

Черт бы побрал всякую высоту, пока она не наша! Старый солдат из ополчения — как его звали? — Демьян, Демьян Денисович приговаривал, что на войне от любой высоты до рая — рукой подать.

Демьян Денисович убит позавчера. Пулеметной очередью. Как раз на подходе к этой высоте, к Вороньей горе.

Посмотреть на нее, на Воронью гору, — красивая такая. На лыжах с нее в мирное время хорошо кататься. И катались, конечно.

Приказ есть приказ, и его рота выполнит.

Залетов, помкомвзвода, во время атаки заметил то, что скрадывалось в ровной белизне снегов, — лощинку. Ну совсем, можно сказать, неприметную. Она этаким серпом выходила почти на середину склона. Как раз у дота. Того самого, что трижды отбрасывал роту на исходные позиции.

В мирное время не один парень, наверное, лыжи в ней сломал. Ну да что говорить — отлично, что эта лощинка существует.

Залетов отправился к командиру роты. Нашел его на другом фланге.

— Может, тебе, Залетов, показалось? — спросил старший лейтенант Камышный. Не верилось ему, что к этому проклятому доту есть скрытый подход.

— Точно есть, товарищ старший лейтенант. Только совсем не видно ее отсюда. Разрешите? Я мигом.

— Одному не годится. Возьми с собой четверых по крайней мере.

— Зачем?

— Прикроют тебя, коль фашисты обнаружат.

— Слушаюсь!

Залетов отобрал четверых солдат. Тех, кто поопытнее: пулеметчика Смирнова, бойцов Елина, Толстикова, Капустина.

— Ты, Смирнов, доползешь до лощинки и заляжешь в самом ее начале. Будешь прикрывать.

— Ладно.

Стояла глухая северная тишина. В дымном мареве висело огромное оранжевое солнце.

Пятеро в маскировочных халатах перемахнули через бруствер. И скоро их уже нельзя было разглядеть в рассеянном свете.

Залетов полз впереди. Хрунал под локтями снег. Громко, слишком громко хрунал. Мог бы и потише.

«Ну еще бы с десятков метров проползти, чтоб не заметили...» — думал Залетов.

Уж скорее бы это чертово солнце зашло. Болтается на небе. Чуть тронешь снег — ямка. Коль ямка — тень. И такая мелочь выдать может.

Впрочем, нет. Уж пускай пока болтается на небе солнце. В темноте высотку, пожалуй, не возьмешь.

Только скатились в лощинку — затараторил пулемет.

— Давай, Николай, — сказал Залетов. — Прикрывай, тезка.

Смирнов кивнул и полез на крутой склон лощинки. Как раз против амбразуры дота. Залег.

Не проползли и двадцати метров, как позади Залетова кто-то охнул. Обернулся — Елин. Ранило.

Двинулись дальше.

Знакомым «почерком» бил позади и сбоку пулемет Смирнова.

Солдаты пробирались все ближе и ближе к доту.

«Фить, фить фить», — взвились совсем рядом фонтанчики снега.

— Заметили, гады! — Залетов обернулся.

Капустин отполз в сторону и стал отвечать. Пока все шло по плану.

Впереди Залетова поворот ложбинки. Там местность не просматривается и не простреливается. Оттуда до дота, до входа в дот, рукой дотянуться можно.

Перебежкой бы эти пятьдесят метров! Да не тут-то было. Дела не сделаешь и сам погибнуть можешь. А очень хочется перебежкой. Один рывок...

Где-то у самых ног взвизгнули, вспарывая снег, пули.

Залетов покосился через плечо.

Толстиков отползал в сторону. За ним по снегу — кровавая полоска.

«Теперь надо одним рывком добежать до поворота лощинки, — подумал Залетов, — теперь уже надо рисковать».

И лишь стоило Толстикову ответить врагу, как Залетов вскопчил, побежал пригибаясь, юркнул за поворот.

Упал в сугроб, прижался к снегу.

Тихо. Лишь за поворотом то пулемет Смирнова протараторит, то автоматы Толстикова и Капустина пробубнят.

«Нет. Не заметили», — и Залетов пополз вверх по ложбинке. Она здесь была похожа на канаву, и снегу по пояс. Руки по плечи провалились в сугроб.

Постепенно снежный намет в канаве становился все тоньше, и только по этому Залетов мог судить, что ложбинка скоро кончится и он очутится у дота.

Вот!

Над сугробом мелькнула голова часового: зеленая пилотка с опущенными отворотами.

Часовой стоял у входа. Залетов видел его затылок. Дверь в дот была закрыта: гитлеровцы, видимо, берегли тепло. А люк откинут.

«Сквозняка, что ли, бояться, гады?» Залетов отдышался. Снял варежки. Вытер тыльной стороной ладони нос, чтоб не хлюпал и дышать было легче.

Часовой пританцовывал на месте, стараясь согреть ноги в огромных соломенных калошах, напаянных на валенки.

Залетов затаился: вдруг обернется!

Не обернулся. Потоптался, потоптался и снеса уставился куда-то в сторону русских позиций.

Залетов достал нож.

И пополз.

Двигался осторожно, сдерживая дыхание, не спуская глаз со спины гитлеровца.

Только бы не обернулся!

И не охнул. Комком шинели опустился к ногам Залетова.

Теперь помкомвзвода огляделся, прикинул, как лучше действовать.

Часовой стоял у дота и охранял ход сообщения с траншеями переднего края. Медлить было нельзя. В окопе каждую минуту могли появиться фашисты.

Залетов влез на крышу дота и одну за другой бросил в открытый люк две лимонки.

Взрывы ухнули глухо. Из амбразуры повалил дым.

И тогда из траншей у подножия высоты высыпала его рота.

Бойцы двигались быстро, длинными перебежками.

— Ур-р-а-а-а! — катилось по полю.

Фашисты открыли беспорядочную стрельбу.

Но рота старшего лейтенанта Камышного шла вперед, не останавливаясь.

А Залетов поудобнее устроился на крыше дота. Он ждал. Бежать в тыл фашисты могли только по ходу сообщения, который он держал на прицеле.

И гитлеровцы побежали.

В ходе сообщения замелькали темные фигуры. Залетов дал очередь. Фашисты валились как подкошенные. Но в траншею врывались все новые и новые гитлеровцы и, нарвавшись на пули, заваливали проход беспорядочной грудой.

Потом фашисты стали выпрыгивать из окопов и удирать по снежной целине — проваливались, падали под огнем, останавливались, подняв руки.

А рота все гнала и гнала гитлеровцев. Сначала вверх по склону, потом вниз и дальше по полю, не давая опомниться...

— Вот за этот бой командование и представило меня к ордену Славы 3-й степени. Долго награда ждала меня. Я в госпи-

таль попал. Не лежалось. Ведь тогда мы по-настоящему наступать начали. Свою часть нагнал под Нарвой. Вовремя нагнал. Отыскал свою первую роту первого батальона 188-го гвардейского стрелкового полка 63-й гвардейской дивизии, входившей в состав 30-го гвардейского корпуса прорыва.

Вышли мы к берегу Нарвы. И остановились. Форсировать с ходу водный, вернее ледяной, рубеж не удалось.

Гитлеровцы сильно укрепились на левом берегу. И мы и они понимали: форсировать Нарву — значит вырваться на оперативный простор в Прибалтику, откуда до Германии совсем близко...

Февраль славен в Прибалтике ветрами — тягучими, влажными и промозглыми. Они тащат на своих спинах рыхлые тучи. Тучи секут землю колючей крупой.

И сыро и холодно.

Вот в один из таких пасмурных дней и появился Залетов в землянке Камышного.

Руку к ушанке.

Да что там!

Обнялись.

— Новости рассказывай, Залетов! — веселился старший лейтенант. — Мы так быстро шли, что они отстали.

— Новостей в тылу от вас ждут, — пошутил Залетов.

— И у нас будут. Пополнение пришло. И ты вернулся. А опытный солдат порой целой роты стоит, — прибавил Камышный свою любимую поговорку.

Проведав про возвращение Залетова, пришли в землянку «старые» солдаты — Смирнов, Толстиков, тоже недавно вернувшийся из госпиталя.

В землянке Камышного пили чай и что покрепче. Вспоминали. Говорили про дом, о родных, о землянках, которые были и которых уже нет. Но для всех, кто их знал, они оставались живыми, они продолжали идти рядом.

— А помнишь, Залетов, парнишку из Каменки? — спросил Толстиков.

— Рыжего?

— Да нет. Веснушчатый такой. Все носом шмыгал.

— Это тот, который со мной про гоголевского «Ревизора» спорил?

— Вот-вот, — подсказал Толстиков.

И все рассмеялись.

Спор действительно был веселый. Спорили, в каком городе надул городничего Хлестаков — в Каменке или в Сердобске. В комедии не сказано, куда направлялся Хлестаков, но упомянуто, что в Пензе

он проиграл все деньги пехотному капитану. А от Пензы — что до Сердобска, что до Каменки. И, судя по истории, оба города подходящи.

— А где он, паренек-то? — спросил Залетов.

— Погиб, — ответил Камышный. — Неделю назад.

Все замолчали.

...Артподготовка началась на следующее утро.

Рота готовилась форсировать Нарву по льду.

Канонада была такой плотной, что выстрелы тонули в грохоте разрывов, вздымавшихся на том берегу. Его затянуло дымом. Таким густым, что сквозь него едва пробивались ослепительные вспышки рвавшихся снарядов и мин.

Фашисты пробовали отвечать, но вскоре замолчали.

Обстрел рвал только берег. Артиллеристы щадили мост, перекинутый морозом через реку.

— Не нравится мне, что не отвечают, гады, — сказал, наклонившись к Залетову, старший лейтенант. Они стояли в траншее, готовые к атаке. — Силы, сволочи, берегут.

— Потом по льду могут ударить, — сказал Залетов.

— Только бегом. Без остановки, — проговорил Камышный. — До них метров четыреста — две, ну, три минуты.

Казалось, что на противоположном берегу уже не осталось ни одного живого существа — таким массивным и плотным был сосредоточенный огонь. Но и Камышный, и Залетов, и все солдаты знали, что стоит утихнуть канонаде, как из каких-то щелей, из дотов, упрятанных глубоко в склоне высокого берега, их, атакующих, встретит стрельба. А на ледяном просторе реки и двух-трех пулеметов достаточно, чтобы не только остановить, но и уничтожить полк.

— Давай закурим, — сказал Камышный. — Артподготовка скоро кончится.

Старший лейтенант достал пачку «Беломора». Закурили.

— Помню, я с него и начинал, — усмехнулся командир роты. — Мать увидела. Ну и досталось на орехи!

Закурили и другие солдаты. Все знали, что значит это «закурим». Скоро атака. Курили, жадно затягиваясь, чтобы по сигналу резко отбросить, может быть, недокуренную папиросу — и в бой.

Разрывы снарядов ушли в глубь от берега.

Камышный вскочил на бруствер:

— Вперед!

Старший лейтенант побежал к реке, не оглядываясь. Тот, кто поднимается первым, никогда не оглядывается. Он не должен оглядываться. Он должен верить, что за ним поднимутся все.

Иначе ему не следует подниматься.

Рота кинулась за командиром.

Солдаты бежали к белому полотну реки.

Вот уже первые солдаты ступили на лед. Вот уже и соседние роты вышли на ледяной мост.

И только тогда пришедшие в себя после артобстрела фашисты открыли огонь.

Ударили пулеметы. Лед заныл от пуль, увязающих в нем. Взвизгнули, охая пламенем, мины. Заскрежетал, затрещал под ногами солдат ледяной мост.

Черная быстрая вода глянула в проруби, образовавшиеся от разрывов.

Вдруг будто загнулся бежавший впереди Камышный. Припал на колено, сник.

— За мной! Вперед! — закричал политрук.

И замешкавшаяся на мгновение рота продолжила стремительный бросок через Нарву.

Рота выскочила на берег.

Откуда-то стреляли. Но не было видно ни одного гитлеровца.

— Они в блиндажах! Кидай гранаты в трубы! — крикнул Залетов.

Он огляделся и увидел, что на берег вышла лишь горстка людей. И политрука с ними не было.

— Кидай гранаты в трубы! — приказал Залетов.

Рядом был Толстиков. Он бросился к одному из блиндажей, опустил в трубу противотанковую гранату.

Взрывы в утробах землянок ухали глухо.

На берегу поутихло.

— За мной! — крикнул Залетов.

Солдаты двинулись за ним в гору, к городу. Теперь трудно было разобрать, где твое подразделение, а где соседнее.

Залетов вел всех.

Бойцы ворвались в город. Они бежали по узким улочкам. И каждый их шаг означал, что еще одна пядь родной земли освобождена от фашистов.

Откуда-то из-за угла ударила очередь.

Толстиков, не отстававший от Залетова, упал.

Залетов ответил очередью. Фашист выронил оружие.

Залетов повел солдат к центру города.

Второпях сбив угол дома, на перекресток выполз тупорылый танк. Остановился, шевели хоботом пушки.

Залетов метнул под гусеницы гранату.

Он видел, что граната еще летела, когда ствол пушки изрыгнул огонь.

И оглушительное пламя рассекло мир над головой Залетова...

— Очнулся я в госпитале. Уже в тыловом. Ничего долго не видел. И не ходил. Сильная контузия.

Понемногу отлежался. На поправку пошел. Стал и видеть и ходить. Что удивительно. Поправлялись мы в госпитале на удивление скоро.

Привезут запеленатого в бинты. Дышишь, как говорят, на ладан. А смотришь, через неделю-другую сидишь, ходишь. Будто перенес операцию не больше аппендицита.

Удивительная сила живучести появлялась в людях. Очень нужна была жизнь каждому. И то сказать, не было семьи в стране, где кто-нибудь не пострадал от нашествия. Эту силу живучести и гнева человеческого не сосчитать ни по пальцам, ни на новейших электронных машинах. Это та сила, которую никогда не смогут учесть генералы, подсчитывающие, сколько дивизий и сколько бомб, хотя бы и атомных, нужно, чтобы захватить чужую землю.

И меня тогда эта сила на ноги поставила.

Провалялся я в госпитале два месяца. Пришла весна. Отпра-

вился я в свою часть. И, как говорится, хоть и приложило меня тогда здорово, а нигде не кольнет. Будто здоровее прежнего стал. Командир роты старший лейтенант Серов сказал мне, что за форсирование Нарвы представили меня к Славе 2-й степени.

Повоевали мы еще в Прибалтике, а в июне нас перебросили на другой участок. На Карельском перешейке развивалось наступление.

Вот там я и получил золотую Славу 1-й степени. Говоря по совести, получить мне этот орден положено было посмертно. Жестокое было дело...

Стояли белые ночи. Бледная радуга зари не сходила с неба. А на нем — спящие облака. В недвижных озерах то же небо. Сумерничает лес.

Солдатам спать некогда. Особенно в наступлении. Началось оно успешно. Три роты прорвали оборону противника и с боями стали продвигаться вперед. Благо все время светло.

Потом случилось неожиданное.

Пропустив три роты, фашисты затащили прорыв подоспевшими резервами.

Три передовые роты оказались в тылу противника. Командиры собрались на совет. Решили не останавливаться, а идти дальше в тыл, пересечь коммуникации. Наступление должно возобновиться. Неудача вначале могла задержать широкий прорыв на сутки, на двое, но остановить наступление было уже фашистам не под силу. Прошли те времена.

На продвижении в тыл противника настоял старший лейтенант Серов. Второй ротой командовал лейтенант Васильев, только что пришедший из училища, а третьей — старший сержант.

Роты двинулись к перекрестку дорог, где, судя по карте, находилась одинокая мыза. Это была ключевая позиция, овладеть которой значило контролировать доставку боеприпасов, снаряжения и резервов к большому участку фронта.

Мызу окружали леса и непроходимые болота.

К хутору вышли под утро. Солдаты порядком устали. Уже сутки, как они почти не выходили из боя.

Серов отдал приказ отдыхать, а сам решил посмотреть мызу поближе.

Из-за деревьев были видны каменные стены высотой в человеческий рост, окружавшие большой каменный дом под черепицей и несколько помещений чуть пониже.

Не мыза, а настоящая средневековая крепость. В ней мог разместиться батальон солдат.

Минут десять прошло, как ушел Серов.

Вдруг со стороны мызы раздался одиночный выстрел.

Бойцы пошли посмотреть, что случилось.

Вернулись с телом старшего лейтенанта. Посредине его лба виднелась черная отметина и тоненькая, будто от царапины, струйка крови.

— Снайпер на мызе, — сказали бойцы.

Лейтенант Васильев вызвал к себе Залетова.

— Садитесь, старшина.

— Благодарю.

— Видите ли, Залетов, разговор у нас с вами такой, что стоять-то вам не годится.

Залетов сел, немного удивленный смущением лейтенанта. У того даже уши порозовели.

— Николай Алексеевич, я старше вас по званию, — сказал Васильев, — а по опыту старше вы. Намного старше.

Залетов молчал, не понимая, куда клонит лейтенант.

— Вот, Залетов, я и подумал, что следует передать командование вам.

— Не положено, — смутился, в свою очередь, Залетов.

— Знаю. Как старший по званию, я могу передать вам командование только в случае ранения, или вы сами его возьмете в случае моей гибели.

— Да.

— Я не перестраховываюсь. Я как комсомолец с коммунистом говорю, по чистой совести.

Залетов молчал.

Принять командование над батальоном — дело не шуточное.

— Давайте посоветуемся с коммунистами, — сказал Залетов, — как они решат, так и будет.

Коммунисты решили, что лейтенант Васильев прав.

— Спасибо за доверие, — сказал он коммунистам. — Я считаю, как и старший лейтенант Серов, что мызу надо брать. Есть, конечно, другой выход — отсидеться в лесу, ждать, пока нас освободят. Но мы солдаты и будем драться.

И в эти минуты, когда настал для Залетова черед принимать ответственное решение, он снова вспомнил то, о чем думал тогда на берегу Нарвы, в землянке Камышного. Он подумал, что люди не гибнут бесследно. Тот, кто сделал для других хоть немного, не исчезает с лица земли. И то, что есть теперь у За-

летова — опыт, умение, — это примеры жизни, воля и мысли погибших. Теперь он, Залетов, должен найти решение, достойное павших товарищей и достойное тех, кто доверил ему свою жизнь.

— Самоходка! — Подбежал солдат. — «Пантера»!

— Возьмите двоих, — приказал Залетов, — зайдите с тыла — и гранатами.

— Слушаюсь!

«Пожалуй, и мызу надо так», — подумал Залетов. И сказал: — Вы, лейтенант Васильев, возьмите половину людей. Скрытно обойдете мызу. Я с остальными останусь здесь. Через два часа начну атаку в лоб. Больше для шума. Пусть гитлеровцы все силы бросят на меня.

Поодаль ухнули гранаты. Сквозь чашу леса было видно вспыхнувшее над самоходкой пламя.

— Только, лейтенант, не упустите момента, когда стянут на меня все силы, — договорил Залетов.

— Слушаюсь!

Через два часа, подняв неимоверную шумиху, солдаты под командой Залетова начали лобовую атаку на мызу. Двигались короткими перебежками, прячась за валунами, используя каждую складку местности.

Судя по тому, с какой силой гитлеровцы обрушились на наступавших, они всерьез поверили в лобовую атаку. Плотность их огня усиливалась. Фашисты сворачивали круговую оборону.

Тогда из леса ринулась группа обхода.

Вскоре остатки батальона противника стали отходить.

Оставив на мызе гарнизон, Залетов с ротой солдат стал преследовать отступавших. Командир решил так: в лоб отбить мызу фашисты не смогут. Разве только с танками. Значит, надо обезопасить ее с тыла. Только тогда удастся удержать этот пункт до подхода наших. Удержать — сейчас было самым главным, самым важным.

Солдаты на плечах гитлеровцев прошли проволочные заграждения укрепленного района, надолбы, линию дотов.

Теперь рота, казалось, попала в еще более сложное положение. Она была не просто в тылу, а в середине укрепленного района противника.

Залетов приказал занять круговую оборону.

На карте этот укрепленный район совсем не значился. О нем не было никаких сведений. Залетов выслал разведку. Точно установили расположение огневых точек на рубеже, линий проволочных заграждений и надолб, предполагаемые минные поля.

Ночью Залетов послал связного в штаб полка, через линию фронта.

Весь следующий день гитлеровцы пытались уничтожить группу Залетова.

Связной вернулся ночью. Вместе с ним пришел радист.

«Продержитесь до подхода во что бы то ни стало» — таков был приказ командования.

На рассвете советская артиллерия разбила крупный дот, расположенный неподалеку от лагеря Залетова. Потом разметала еще несколько огневых точек. Пробыла бреша в многорядных проволочных заграждениях.

А в это время шла борьба за мызу. У группы Залетова силы таяли. Было много раненых. Под ружьем осталось десятка два солдат, измученных бессонными ночами, измотанных дневными атаками фашистов.

Прошла третья белая ночь.

Под утро за кустами неподалеку от лагеря послышался шорох.

— Стой! Кто идет? — окликнул часовой.

Теперь группа Залетова держала буквально пятак земли. Командир тотчас оказался рядом с часовым.

— Свои...

— Наши! Наши! — часовой хотел броситься навстречу.

— Тише... — приказал Залетов и громко спросил: — Пароль!

— Да наши! Наши! Какой пароль?

— Пароль!

За кустами молчали.

— Приготовить гранаты, — негромко приказал Залетов.

— Да наши же! — закричал часовой и вскочил.

Из-за кустов простучала очередь.

В ответ полетели гранаты. Поднялась стрельба.

И словно по этому сигналу загромыхали орудия.

Началось наступление...

— После нас снова отправили в Прибалтику. Ранило меня там. Опять госпиталь. Вернулся в часть уже в октябре. Вот тогда и вручили мне золотую Славу. Перед строем, все как положено. Подошел ко мне генерал Щеглов, расцеловал и говорит:

— Гордись, Залетов! Первый номер золотой Славы получаешь! Первый полный кавалер!

— А потом? — спросил я и не удержался, перевернул лежавший на ладони орден, тяжелую золотую звезду с изображением кремлевской башни посередине.

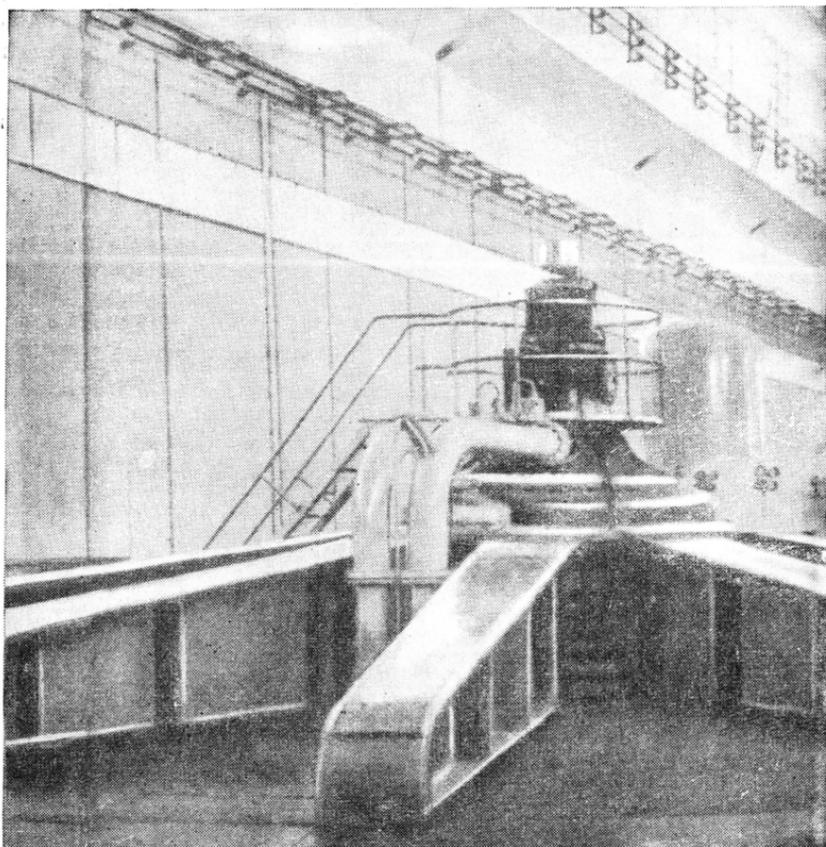
На тыльной стороне было выбито: «1».

— И потом — фронт. Вместе с наградой присвоили мне звание лейтенанта. Стал командовать ротой. Пярну освобождал, Тарту, Таллин. В Латвии, уже в сорок пятом, тяжело ранило. Опять госпиталь. Пока выздоравливал, война кончилась.

Вернулся домой в апреле сорок шестого.

Работал механиком на электростанции. Потом — начальником...

С ногами стало плоховато. Пенсия... Но сам-то на пенсию не ушел. Меня и солдаты и молодежь не забывают. Я им часто рассказываю, как доставалась победа. Не про славу, а про то, что любить Родину — значит всегда быть готовым к ее защите.

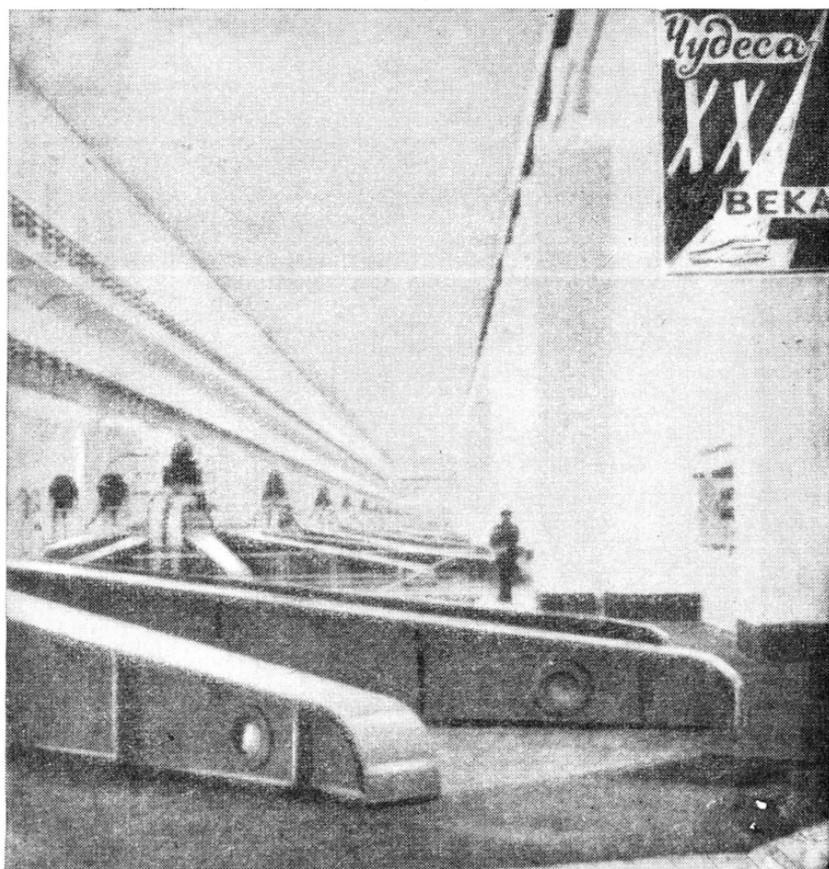

БОГАТЫРЬ

Когда-то люди знали лишь семь чудес света. Из поколения в поколение передавались рассказы о египетских пирамидах, висячих садах Вавилона, творениях скульптора Фидия...

Для нас, современников XX века, цифра «семь» выросла во много раз: одно за другим входят в нашу жизнь чудеса, созданные разумом и руками советского человека. Дорога к звездам, проложенная впервые советскими космонавтами, спутники, вращающиеся вокруг Земли, атом, поставленный на службу человеку, — проблем грандиознее еще не решали люди.

И вот недавно все узнали о рождении нового чуда: в строй

НА ВОЛГЕ

вступила самая мощная ГЭС в мире — Волжская гидроэлектростанция имени XXII съезда КПСС. «Когда увидели мы ее в сиянии уже забытого Москвою солнца, в серебряном блеске моря, созданного ее плотиной, в белокипенной крутоверти струй, вырывающихся в нижнем бьефе после произведенной ими гигантской работы верчения огромных турбин; когда на обширной плоскости машинного зала встретила нас удивительная композиция, которую я затрудняюсь назвать, — не картина, не мозаика, не скульптура, а нечто из космического века, — композиция из цветного и серого бетона, из мозаики и кафеля; когда, наконец, распахнулся перед взглядом машинный зал, где

в удивительно высоком просторе таинственно и великолепно уходили в перспективу красно-желтые головки агрегатов, и ровный, низкий, равномерный и могучий гул доказал нам, что вода делает свое дело... — удивительное трудно-объемное чувство захватило нас», — вспоминает писатель Леонид Соболев.

Удивительно... Без этого слова трудно обойтись, когда говоришь о такой стройке, как Волжская ГЭС. Не только потому, что мощность ее два с половиной миллиона киловатт — невиданная в мире! Не только потому, что состоит она из целого комплекса сложнейших сооружений: двухступенчатых шлюзов, бетонной и земляной плотины, каналов, постоянных железнодорожных и шоссейных линий, распределительных устройств и т. п.

Не только потому, что при строительстве Волжской ГЭС было выполнено сто сорок миллионов (вдумайтесь — миллионов!) кубических метров земляных работ, уложено пять с половиной миллионов кубометров бетона и железобетона, смонтировано 87 тысяч тонн металлоконструкций и механизмов. И строилась Волжская ГЭС не сто двадцать лет, как храм Артемиды в Эфесе, не двадцать, как пирамиды Хеопса в Египте, а всего несколько лет! Но главное, почему Волжская ГЭС может по праву считаться чудом из чудес, — она обладает сказочной силой, способной пробуждать к жизни города и промышленные предприятия, оживлять засушливые земли.

Уже сейчас рядом со строительством гидроэлектростанции вырос новый горюд Волжский. Уже сейчас в районе Волжского поднимаются корпуса химического комбината, абразивного, ремонтно-механического и подшипникового заводов. Некоторые из них уже дают продукцию.

Созданное водохранилище — море в глубине старороссийского континента! — позволит оросить два миллиона гектаров и обводнить семь миллионов гектаров плодородных, но страдающих от засухи земель. Заволжье и прикаспийские земли станут житницей страны.

Живительная сила Волжской ГЭС побежит по высоковольтным линиям электропередач во многие районы Донбасса, Поволжья, Москвы, центрально-черноземной области. 11 миллиардов киловатт-часов — примерно столько, сколько в 1950 году вырабатывали все наши гидроэлектростанции, — даст Волжская ГЭС Европейской части СССР. С вступлением в строй этого гидроэнергетического богатыря на Волге появляется возможность уже в текущем семилетии создать единую мощную энергетическую систему Европейской части Советского Союза. А это еще один, очень реальный, ощутимый шаг к коммунизму. «Электрификация, — говорил Н. С. Хрущев на митинге, посвященном вступлению в строй Волжской ГЭС, — это стержень строительства экономики коммунистического общества, основа развития и технического прогресса всех отраслей народного хозяйства».

Вот каково оно, это чудо из чудес!

РАЗВЕДЧИКИ КОСМОСА

Покорение космоса — это великолепное наступление на тайны вселенной — идет полным ходом. Уже проложены первые звездные трассы, уже заброшен на Луну советский вымпел, уже побывал в космосе человек. Каждому новому шагу в космос предшествует напряженная разведка — необходимо заранее знать, какие опасности подстерегают человека в межпланетном пространстве. Достаточно сказать, что орбиты, по которым совершали исторические полеты Юрий Гагарин и Герман Титов, были обследованы многократно. Многие науки принимают участие в этой разведке, и одна из них — микробиология.

Как определить, сохраняются ли в ракете, отправленной в космос, допустим, на год, условия для существования и размножения живых клеток?

Еще не так давно эта задача показалась бы неразрешимой. Но сегодняшней науке она по плечу.

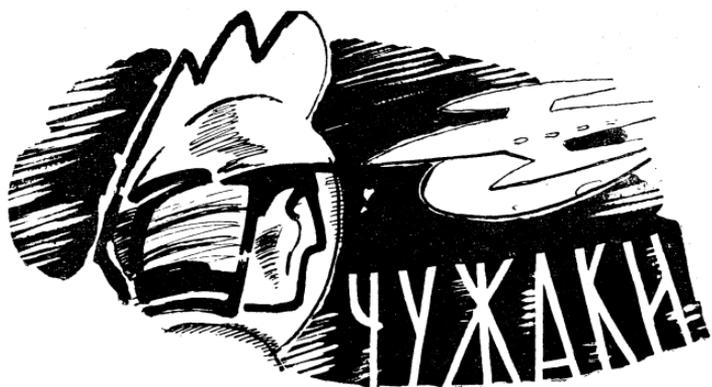
Прежде всего ученые задумались над тем, какие живые организмы следует послать в космос на столь длительный срок. Пока что не может идти речь ни о животных, ни о растениях — нет практической возможности обеспечить их пищей и кислородом. А что, если использовать необыкновенные свойства некоторых микроорганизмов? Скажем, маслянокислых бактерий. Споры этих бактерий обладают очень плотной оболочкой и малым количеством воды. Они легко переносят замораживание и кипячение, и стоит эти споры после многолетнего хранения поместить в подходящую среду, как они прорастают...

Но как сообщить на Землю сведения о самочувствии и поведении микробов? Здесь на помощь приходят особые приборы — биоэлементы, работающие на принципах телеметрии. Они способны вести переговоры с Землей на таких расстояниях, на которых только возможна радиосвязь. А это значит, что биологическое зондирование космоса возможно в гигантских масштабах...

Большинство живых существ реагирует изменением наследственности только на дозы радиации в тысячи рентген. Значит, эти устойчивые организмы бесполезно посылать в космос — они ничего не расскажут о влиянии радиации на их наследственность.

Но бактерии... Если они заражены бактериофагом — микроскопическими паразитами, — достаточно облучения дозой около рентгена, чтобы это сказалось на их наследственности. Обычные бактерии, необлученные, не выделяют бактериофагов. Но облученный микроб, который соприкасался с бактериофагом тысячи поколений назад, вдруг начинает выделять бактериофагов. И что интересно и важно: чем сильнее излучение, тем больше выделяют микробы бактериофагов. Зараженные бактерии — это своего рода индикатор, который позволяет судить об интенсивности космических излучений. Вот почему этот путь использования разведчиков-микробов имеет огромные перспективы.

Современная микробиология поможет решить и такую проблему — есть ли жизнь на планетах и в межпланетном пространстве. Нет сомнения, что космонавты, высадившись на планетах, где условия жизни менее благоприятны, чем на Земле, прежде всего встретятся с микроорганизмами. Правда, существует мнение, что вредных для человека микробов едва ли на планетах так уж много. Но вспомните: даже географические открытия на Земле приводили к появлению ранее неизвестных болезней. Сейчас микробиологи разрабатывают небывалые по сложности планы поисков микроорганизмов в составе метеоритов и на планетах. Их исследования — одно из условий успешных полетов человека в глубь вселенной.

Рисунки Ю. Молоканова

В 4 часа 3 минуты по бортовому времени «Никкола» покинул орбиту Теты в солнечной системе Гозиль.

Теперь можно было с уверенностью сказать, что Тета не является колыбелью цивилизации плуми. Своей цели «Никкола» не достиг — откуда приходят плуми, осталось невыясненным. Не удалось обнаружить даже ни одного высокого, конического кургана с силиконо-бронзовыми тарелками — единственных свидетелей существования плуми.

Такие тарелки находили на планетах кислородного типа, разбросанных в пространстве радиусом до 1200 световых лет. Возраст некоторых тарелок достигал ста лет. На других налет окиси образовался всего за несколько месяцев или недель, а то и дней до прибытия землян.

Не всем нравилось, что галактика оказалась достаточно большой, чтобы вместить в себя две расы разумных существ, способных к космическим путешествиям. Людей этот факт тревожил.

«Никкола» взял курс к центру системы Гизоль, чтобы поискать плуми на более близких к солнцу планетах.

Продвигаясь к цели, корабль миновал остывшую планету, пересек орбиты трех других. Последняя оказалась газовым гигантом с бесчисленным роем спутников. Теперь она осталась в тридцати миллионах миль сзади...

Джон Бэрд, как обычно, находился в комнате пультов радиолокаторов. Он принадлежал к числу тех, кто надеялся, что плуми не окажутся врагами человечества.

Напротив него за своим рабочим местом сидела Диана Холт. Ее темная головка склонилась над экраном. Диана обязана была наносить на карту орбиты метеорных потоков. Никто из

космонавтов даже не попытался бы пройти сквозь солнечную систему без такой карты. На корабле все шло своим чередом. В помещении двигателей царили тишина и покой. Шкипер вел себя так, как ведет себя любой шкипер, когда все обстоит нормально. Начальник вооружения Тэйн был занят собственными мыслями. В навигаторской рубке второй помощник следил за курсом.

Диана медленно манипулировала рычажками радара. На ровном мерцающем экране вдруг ярко вспыхнуло и тут же исчезло неясное изображение.

— Вижу какую-то глыбу, — доложила она в селектор, — похожа на комету, потерявшую газовый хвост. Вокруг нее — рой метеоров.

В тот же момент — 4 часа 10 минут по корабельному времени — раздался сигнал тревоги. В коридоре захлопали двери. Этот сигнал мог означать только одно — от него уащалось дыхание или замирало сердце.

На экране телевизора замерцало лицо шкипера.

— Плуми? — голос его от волнения звучал чуть хрипло. — Эй, Бэрд, это плуми?

Пальцы Бэрда поспешно крутили ручки локаторов.

— Потерян контакт, сэр, — наконец доложил он, — что-то мешает нам.

Все встревожились. Радарная система, которая мгновенно давала точную информацию, не была делом рук любителей. Ее создала высокоразвитая промышленность.

Проходили секунды. Они казались годами. На круговом экране не появлялось ничего. Ничего, кроме того, о чем бы радар не сообщал раньше. Гигантская газовая планета могла вернуть сигнал лишь через несколько минут.

— Ни одного нового объекта в радиусе полумиллиона миль, — монотонно докладывал Бэрд, — ничего нового в радиусе трех четвертей миллиона миль... — Наконец: — Ничего нового в радиусе миллиона миль.

Следующее распоряжение шкипера звучало в достаточной степени язвительно:

— В таком случае разглядите получше те объекты, которые не являются новыми.

Шкипер повернулся к другому микрофону:

— Тэйн! Дайте вашим людям команду находиться в полной боевой готовности. Отсеку двигателей подготовиться к маневру. Аварийной команде надеть скафандры и занять свои посты. Бэрд, как насчет «не новых объектов»?

Диана фыркнула. Бэрд коротко сказал:

— Только один подозрительный объект, и тот не вызывает особых подозрений, сэр. Мы его определяем как бесхвостую комету.

Все же он еще раз нажал на кнопку. Поток микрокоротких волн устремился в пустоту космоса. Минули секунды — и сигнал вернулся на корабль, неся с собой требуемые сведения. Предмет, который они зарегистрировали, не имел ничего общего с кометой. Поляризованные лучи вернулись обратно деполаризованными, с такими изменениями, которые говорили, что они

отразились от округлого предмета с постоянной формой, изготовленного из бронзы, возможно из силиконовой бронзы.

— Это могут быть только плуми, сэр, — доложил Бэрд. — Верно, они прибрали к рукам наш ориентировочный луч и послали к нам единичный импульс, чтобы самим определить, кто мы и что мы. Полагаю также, что сейчас они анализируют наши лучи и знают уже, что обнаружены.

Шкипер выругался.

— Сколько их? — спросил он. — Может, там целый флот?

— Сейчас проверю, сэр, — сказал Бэрд и добавил: — Но пока мы не уловили никакой настроенной радиации из внешнего пространства. Возможно, они не ведут никаких передач, чтобы вести нас в заблуждение.

— Выясните, сколько их! — прогремел шкипер. — И поживее!

Диана, более бледная, чем обычно, не отрывалась от радара.

«Никкола» был снаряжен отлично. Во время последней стоянки на Земле его специально оборудовали для «охоты» за плуми и налаживания с ними контакта. С тех пор как обнаружили их следы, это стало важнейшей задачей Службы космических изысканий. Решение задачи волновало все человечество. Вот почему на «Никкола» установили 24 ракетных аппарата и специальные двигатели, не говоря уже о самой совершенной радиолокационной и счетно-решающей системах, которые были созданы человеческой расой. Без этого вряд ли стоило вторгаться в планетную систему, принадлежащую плуми.

В действие вступала еще одна радиолокационная установка. Ее показания автоматически наносились на трехмерную карту. Мерцали экраны осциллографов. Они должны были мгновенно обнаружить и сообщить самые точные данные о любом предмете из силиконовой бронзы на пути лучевого потока.

Первыми начали обследовать ближайшие объекты. Все решала скорость. Однако для получения трехмерного изображения требовалось время. Информация поступала: никаких других объектов из силиконовой бронзы в радиусе четверти миллиона миль... полумиллиона миль... миллиона... миллиона с половиной... двух миллионов.

Бэрд вызвал навигаторскую.

— Похоже, что этот плуми — единственный, — доложил он.

— Ну что ж, — отозвался шкипер, — тогда нанесем ему визит, Тэйн! Доложите план действий.

Бэрд покачал головой. Ведь «Никкола» должен был нагнать и изучить корабль плуми так, чтобы они не заподозрили, что обнаружены.

Из простой предусмотрительности на борту «Никкола» находился Тэйн — специалист по вооружению. Он обладал врожденной подозрительностью и ненавистью ко всему чужому. Этот ксенофоб никогда не смог бы служить на корабле с экипажем из разумных существ, принадлежащих к разным мирам. И то, что делало его идеальным начальником вооружения «Никкола», навсегда закрывало ему доступ на пост командира корабля.

Зато окажись плуми врагами, никто не проник бы так хорошо в их замыслы, как Тэйн.

Но Бэрд не допускал такой мысли. Он не хотел заведомо считать плуми врагами. Ведь все находки в курганах — силико-но-бронзовые тарелки с изображениями птичьих перьев*, от которых произошло и само название «плуми», — не приносили нового. Люди ничего не знали ни о цивилизации плуми, ни о них самих.

Когда Тэйна пригласили на совещание в навигационную рубку — это было в 5 часов 10 минут по бортовому времени, — «Никкола» уже свернул со своего курса и мчался по направлению к кораблю плуми. А тот уходил к солнцу, продолжая прикрываться метеорным роем неизвестной кометы. Это был великолепный способ избежать наблюдения.

Теперь каждый корабль знал о существовании другого.

Бэрд удостоверился, что курс «Никкола» точно соответствует расчетному для перехвата на полной скорости, и сказал:

— Хотел бы я знать, как плуми истолкуют это изменение курса? Они знают, что мы не считаем их больше метеоритом. Но атака на них, даже без попытки установить связь, может сослужить нам дурную службу. Мы будем идиотами, если сразу ввяжемся в бой.

Он нажал кнопку, вызывая шкипера:

— Сэр! Я предлагаю попытаться установить связь с кораблем плуми. Мы обязаны сделать все, чтобы стать друзьями, чтобы сохранить чистую совесть.

Тэйн, по-видимому, находился в рубке, потому что до Бэрда донесся его резкий голос:

— Я категорически возражаю, сэр! Они не должны иметь представления об уровне наших достижений!

— Я думаю, что они уже осведомлены о них, — холодно сказал Бэрд.

Наступило молчание, нарушаемое лишь мерным гулом работающих двигателей. Бэрд подумал, что если бы не этот звук, можно было сойти с ума от тишины. Шкипер, наконец, пробурчал:

— Будь я проклят, Бэрд, если вам придется ждать приказа! Я готов просить вас об этом! Валяйте!

Джон оживился:

— Диана! Пошлите первый ролик!

Девушка встала в передатчик ленту, надела наушники. Передача началась.

Предполагалось, что комбинация сигналов явно искусственных и явно констатирующих факты, известные обеим расам, будет самым разумным способом для установления контакта.

Лента отстукивала вначале серию числительных — от одного до пяти, а затем последовательно от «один плюс один» до «пять плюс пять» и, наконец, до «пятью пять». Это не было слишком сложной задачей для разумных существ других миров.

Бэрд находилась, поджав губы. Диана тоже молчала в ожидании ответных сигналов. Пока что им ничего не оставалось, как слушать распоряжения, передаваемые через громкоговоритель по всему кораблю.

* Plu mi (англ.) — перо.

В общем хоре голосов Джон различал Тэйна:

— Ракетной команде навинтить на нечетные ракеты обычные боеголовки, на четные — атомные. Об исполнении доложить.

Диана изо всех сил напрягала слух, чтобы не пропустить ответного сигнала, который свидетельствовал бы о готовности плуми вступить в переговоры.

А пока что чужой корабль по-прежнему прорезал пустоту.

Время текло. В пустоте ослепительно сияло солнце. Гигантская газовая планета сверкающим шаром словно катилась к нему, опутанная шлейфом своих бесчисленных спутников.

Корабль плуми казался вначале блестящей золотой точкой, потом точка превратилась в диск.

Вскоре корабли оказались в двадцати милях друг от друга.

— Черт побери этих петухов! — выругался шкипер. — Бэрд, как там со связью?

— Они не отвечают, — угрюмо буркнул Джон.

По выражению лица Дианы он понимал, что в ее наушниках не звучало ничего.

Резко и отрывисто прозвучала команда Тэйна:

— Приготовиться к залпу нечетными ракетами!

Пока еще ничего не произошло. Оба корабля, не приближаясь и не удаляясь друг от друга, мчались к солнцу. Но с каждой секундой возрастала необходимость действовать — как угодно, но действовать.

— Бэрд! — шкипер явно нервничал. — Должны же вы, наконец, найти способ связаться с ними!

— Я и пробую это сделать, — с горечью ответил Бэрд, — в соответствии с инструкцией.

Но он не был согласен с этой инструкцией. Официальная теория утверждала, что арифметические символы, повторяемые в определенной последовательности, — единственно возможный путь для открытия переговоров. Предполагалось, что любое разумное существо догадается, что подобный порядок сигналов означает попытку установить связь.

Но Бэрд полагал, что одни и те же неизменные сигналы плуми могли просто-напросто принять за результат действия какой-нибудь машины и не обратить на них никакого внимания.

Прежде чем Джон решил, наконец, обратиться за разрешением вступить в переговоры по собственному методу, тишину внезапно нарушили громкие крики:

— Что это?

— Что он делает?

Золотой диск плуми пришел в странное колебательное движение, похожее на эксцентричное падение осеннего листа. Покачивания корабля в пространстве чем-то неуловимо напоминали перемещение боксера на ринге перед началом схватки.

Команда Тэйна перекрыла гул голосов.

— Все нечетные ракеты — огонь!

Шкипер что-то выкрикнул, но было уже поздно. Пронзительный рев ракет, вырывающихся из своих гнезд, заглушил его слова.

Плуми тем временем приблизились к «Никкола» на четыре мили. Снова послышался голос Тэйна:

— Зарядить нечетные аппараты. На четных заменить атомные головки обычными. Дистанция слишком сократилась.

Бэрд схватился за голову. Он терпеть не мог Тэйна. Начальник вооружений даже на «Никкола» чуть не в каждом члене экипажа видел врага. Но сейчас Тэйн был дважды прав: плуми действительно подошли слишком близко, а кто мог разобратся в их намерениях? Прав он был и в том, что приказал сменить головки — атомный взрыв на таком расстоянии неминуемо разрушил бы и «Никкола», не говоря уже о том, что от плуми не осталось бы ничего стоящего для исследования.

Корабль плуми, разумеется, видел вспышки ракет, но, словно не обратив на них никакого внимания, продолжал свой загадочный танец, приближаясь все ближе и ближе.

«Никкола» повернулся к плуми другим бортом: к чужому кораблю устремились еще шесть ракет. Неудержимо и стремительно они неслись к цели. Но с первой шестеркой произошло что-то странное: одна из ракет вдруг круто свернула влево, другая вправо, третья, четвертая, пятая, шестая, не слушая управления, совершили какой-то сумасшедший разворот и помчались назад к «Никкола».

Это казалось кошмаром, чудовищным, невероятным.

Истерически закричал Тэйн:

— Взрывайте их! Взрывайте, иначе они разнесут нас!

Операторы из группы вооружений едва успели уничтожить ракеты, как вторая шестерка, круто отвернув от плуми, последовала за первой. Ничего не оставалось, как взорвать и их.

Цепенящий страх охватил экипаж «Никкола». Все молчали. Тишину нарушали лишь злобные ругательства Тэйна в адрес «проклятых петухов».

Бэрд продолжал до боли в глазах всматриваться в экран. Наконец микроволны пробили туман быстро ионизирующихся газов.

— Радар действует, — доложил он, — их корабль по-прежнему падает на нас.

Шкипер спросил необычно спокойно:

— Как насчет других плуми?

Диана вмешалась:

— Никаких признаков. Похоже, в пределах действия радара это единственный корабль.

Бэрд в эти минуты ненавидел плуми. И не только потому, что они отказались от контакта и пошли на бой. Теперь «Никкола» уже обязан был помешать им уйти с известием о существовании людей и их тактике. Если не сделать этого, плуми подготавливают флот — и участь человечества будет решена.

Он поднял голову и горько, словно вина самого себя, обратился к Диане:

— Если бы я знал, как все случится, то я... во всяком случае, ни за что не придерживался бы этой официальной инструкции. Я думаю, мы влипли, — добавил он невесело. — Судя по тому, с какой быстротой они прибрали к рукам наши ракеты...

В голову Джона пришла неожиданная мысль.

— Ракеты, ракеты... — лихорадочно бормотал он, нажимая на кнопку вызова.

— Шкипер? Это я, Бэрд. Слушайте, чтобы отразить наши ракеты какими-то отталкивающими лучами, плуми потребовалось время. Всего — я засек — у них ушло сорок секунд на двенадцать штук. Если обернуться поживее, то...

— Ясно! — прогремел в ответ шкипер. — Тэйн! Если подпустить плуми поближе, то они ничего не успеют сделать.

Тэйну не нужно было повторять дважды. Он уже отдавал приказания своим людям. Через несколько мгновений две ракеты были готовы к бою.

— Боюсь, что Тэйн — теперь наш единственный шанс, — с горечью сказал Бэрд. От сознания, что это так, на душе у него стало совсем скверно.

Разнесся гул двух вылетевших одна за другой ракет. А затем радар рассказал, что произошло. Корабль плуми все так же пританцовывал в желтых лучах чужого солнца. Ракеты были отброшены и взорвались в двух милях от «Никкола».

Шкипер приказал Тэйну:

— Перед следующим залпом я ринусь к плуми на полной скорости, чтобы сократить дистанцию. Готовьтесь!

«Никкола» содрогнулся от рева магнетронных двигателей, развивших полную мощность. Корабли разделяло не более мили, когда Тэйн дал залп всем бортом. Казалось, уж теперь-то участь плуми решена. Ракет было попросту слишком много, чтобы успеть отразить их все до одной. Но и эта уловка оказалась тщетной. Маневр плуми был поистине хитроумен — с ужасающей скоростью они устремились навстречу ракетам, и те не успели среагировать на цель.

— Полный назад, — прохрипел шкипер. Рот у него пересох от волнения. Плуми шли на сближение, словно решили самоубийственным ударом разрушить оба корабля.

В тот миг, когда, казалось, все было кончено, корабль плуми внезапно замер, словно что-то оборвалось в нем. Потом покачнулся и стал медленно, как поплавок на воде, разворачиваться кормой к «Никкола». Снова замер — безжизненный, словно судно, брошенное в океане.

Шкипер выкрикивал еще что-то. Ругался, словно от его ругани мог быть какой-то толк. «Никкола» дрожал как в лихорадке. Магнетронные двигатели ревели. Все механизмы работали на пределе. Шкипер требовал от них чуда, но перегрузка была напрасной. Какая-то непонятная сила неудержимо притягивала «Никкола» к золотистому корпусу корабля плуми. Раздался ужасающий скрежет, экраны радара ослепительно вспыхнули и померкли. Чудовищной силы толчок сбросил Бэрда с кресла и отшвырнул к противоположной стене. Погас свет...

— Диана! Диана!

Полуоглушенный Бэрд чувствовал, что сойдет с ума, если не услышит ее голоса.

В коридоре с грохотом автоматически сдвигались аварийные перегородки, звенели стекла, пронзительно завывали сигнальные sireны.

— Я... здесь, — наконец простонала девушка, — ушиблась сильно, но, кажется, все в порядке...

Бэрд попытался приподняться и тут же повис где-то посреди комнаты. Установка искусственной силы тяжести, по-видимому, вышла из строя.

Ориентируясь по аварийной лампочке, Бэрд добрался до пульта связи. На ощупь вызвал навигаторскую рубку.

— Говорит радарное помещение, — доложил он. — Сила тяжести исчезла, но больших разрушений, по-моему, нет.

Теперь ему оставалось лишь ждать. Из громкоговорителей стали доноситься голоса.

Сила тяжести исчезла всюду. Аварийное освещение действовало, атмосферное давление внутри корабля не упало, за исключением четырех отсеков между внутренним и внешним корпусами.

— Бэрд! — послышался голос шкипера. — Мы слепы. Забудьте обо всем, кроме того, как вернуть нам зрение!

— Попробую, — отозвался Джон, — но за успех не ручаюсь.

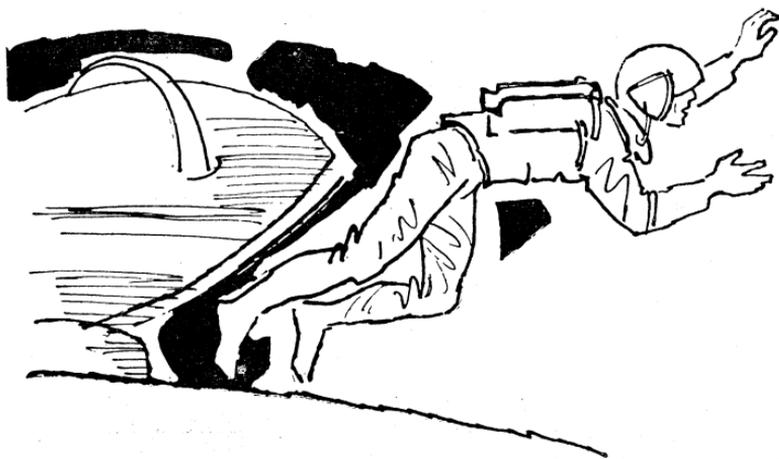
С помощью Дианы он приступил к работе. Им было не слишком удобно: то, что раньше было полом, теперь стало стеной. За инструментом приходилось плавать по всей комнате. Бэрд догадался в чем дело: «Никола» кружился как волчок, и центробежная сила сводила на нет искусственную силу тяжести внутри корабля.

Через несколько минут ему удалось наладить один экран.

— Корабль плуми вверху, — доложил он шкиперу итог первых наблюдений, — мы сцепились и вертимся вместе! Похоже, приварились друг к другу добрыми двадцатью футами корпуса.

— Проклятье! — выругался шкипер. — Аварийным командам вооружиться и приготовиться взять на бордаж этих плуми. Впрочем, — хмыкнул он про себя, — если они сумели так ловко зацепить нас, то вряд ли позволят захватить свой корабль...

Бэрд принялся налаживать остальные экраны. Теперь это было важнее всего.

Вскоре он уже смог доложить:

— Никаких объектов в радиусе миллиона миль, если не считать корабля, к которому мы приварились.

На экране радара, обращенного к кораблю плуми, появилось неясное изображение бортового отверстия. Потом в нем появилась какая-то фигурка. Детали было трудно различить, но фигурка явно шевелилась.

Как зачарованный Бэрд не отрывал глаз от первого живого плуми, когда-либо увиденного человеком. Он махнул рукой Диане, подзывая ее к экрану, но девушке было не до него. Склонившись над приборами, она пыталась определить положение «Никкола» в пространстве.

Это приваривание было результатом боевой тактики плуми. Отталкивающие и притягивающие лучи были известны и людям, но использовались ими лишь для очень ограниченных целей. Образование таких лучей требовало накопления чудовищного количества статических зарядов. Поэтому люди обычно не имели с ними дела. Плуми же, по видимому, имели.

После расправы с ракетами «Никкола» золотистый корабль находился под напряжением в миллиарды вольт. И когда силиконо-бронзовый корпус плуми коснулся кобальто-стального, он не мог не поделиться с последним своим зарядом.

При грандиозном разряде часть обшивки обеих кораблей мгновенно испарилась, часть расплавилась. А противники оказались соединенными самым совершенным сварочным швом, о котором только можно мечтать.

Бэрд затаив дыхание продолжал наблюдать за одинокой фигуркой на борту и докладывать шкиперу:

— Оно небольшое — меньше пяти футов. На нем скафандр — похоже, из того же самого материала, что и корабль... Передвигается на двух ногах, как и мы... Имеет две руки или что-то в этом роде... Шлем на голове очень высокий, как у древних рыцарей... Направляется к нашему входному шлюзу... Оно не пользуется магнитной обувью...

Шкипер прервал холодно:

— Мистер Бэрд! Меня не интересует отсутствие магнитной обуви. Следите лучше за более важными вещами. Оставьте наблюдать Диану Холт, а сами отправляйтесь к входному шлюзу, и побыстрее!

Бэрд, согнувшись, выскользнул из помещения радаров и зашагал по полу, который вообще-то был стеной. Корабль, видимо, вертелся уже с меньшей скоростью, так как снова появилась сила тяжести, хотя и меньше в несколько раз, чем нормальная.

Джон подошел к шлюзу одновременно со шкипером. Здесь уже стояло несколько человек — из числа подчиненных Тэйна, — все в скафандрах и с оружием.

— И мы и создания на корабле плуми находимся в очень затруднительном положении, — обратился шкипер к собравшимся, — один из плуми сейчас будет здесь. Никакой враждебности, недружелюбия или угроз. Это парламентар...

Его слова прервал звон металла — стучали снаружи. Шкипер кивнул Бэрду.

— Впустите его!

Бэрд открыл внутреннюю дверь шлюза. Это было в 8 часов 10 минут по бортовому времени.

Медленно и осторожно в коридор «Никкола» ступил плуми. Ростом он был с десятилетнего мальчика. Его скафандр с инженерной точки зрения казался совершенным. Когда он говорил, звуки — очень высокие и звенящие — издавал маленький прибор на его плече.

Плуми осматривался вокруг с живым любопытством.

— Говорить с ним бессмысленно, — буркнул шкипер.

Словно поняв, о чем идет речь, плуми вытащил из ящичка на поясе плоскую пластинку с белой поверхностью и протянул ее шкиперу.

— Мы должны это как-то увековечить, — неуверенно проговорил шкипер, словно ища поддержки.

Он взял пластинку в руки.

— Здесь нарисованы наши корабли как они есть сейчас, сцепившиеся.

Шкипер вернул пластинку. Плуми быстро начертил на ней что-то и протянул снова.

— Хм, — сказал шкипер. — Они не могут использовать свой двигатель, пока не отцепятся.

Плуми добавил к рисунку еще несколько линий.

— Хо! — сказал шкипер. — Он предлагает использовать наш двигатель для обоих кораблей. Будем считать, что у нас перемирие: Положение одинаковое: мы не можем воевать, если не хотим покончить самоубийством...

Из-за плеча шкипера Бэрд видел рисунок.

— Сэр, — решил он вмешаться, — эти добавочные линии —

координаты. Я полагаю, что он хочет сказать, что наши корабли потеряли курс и стремятся к солнцу и что мы должны предпринять совместные усилия, чтобы избежать этого.

— Только этого нам и не хватало, — взорвался шкипер, — забраться в это место, ввязаться в идиотскую драку, припасть к их кораблю и в довершение всех бед вместе сгореть!

В динамике послышался голос Дианы:

— Сэр! Измерения показывают, что мы летим прямо к солнцу! Я повторяю наблюдения.

Шкипер задумался. Неожиданно перед ним вырос Тэйн.

— Почему этот плуми не снимает своего шлема? Ведь он находится в кислородной атмосфере.

Бэрд жестом предложил гостю снять шлем. Тот понял и на мгновение нажал какой-то вентиль на скафандре. Послышался резкий свист вырывающегося наружу газа. Атмосферное давление Земли, по-видимому, было много ниже, чем на планете плуми.

Тэйн продолжал бубнить, но шкипер резко оборвал его:

— Не суйтесь не в свое дело! Надо смотреть фактам в глаза! Уже мягче он обратился к Бэрду:

— Проведите его по кораблю. Покажите наши расплавившиеся двигатели, и он поймет, что мы никак не можем вытащить его корабль на орбиту. Он знает, что хоть мы и вооружены, но использовать наше оружие на такой дистанции не в состоянии. Поэтому не стоит морочить друг друга. Лучше быть вполне откровенными. Идите!

Широким жестом руки Бэрд предложил плуми следовать за ним. Жестами он объяснил гостю, что корабль перевернут, и показал, с какой скоростью предметы падают при нормальной силе тяжести.

Переносный коммуникатор на руке Бэрда щелкнул, и послышался голос Дианы. Девушка доложила, что, по ее расчетам, корабли окажутся в фотосфере солнца примерно через четырнадцать суток и шесть часов.

Плуми выжидающе смотрел на Бэрда. Он выглядел очень элегантно — хрупкая фигурка в золотистых латах и высоком шлеме.

Они добрались до помещения двигателей. Плуми тщательно осмотрел каждую рукоятку, каждую расплавившуюся и полурасплавившуюся катушку. Он явно не мог понять во всех деталях принцип магнетронного двигателя. Бэрд попытался объяснить, да разве жестами изобразишь теорию того, что происходит в кобальтовой стали, когда она магнетизируется более чем в сотню тысяч гауссов!

Затем прошли на ракетную батарею. Генераторная, как и двигатели, сгорела. Здесь плуми снова встал в тупик. Бэрд растолковал ему, что это помещение обеспечивает энергией осветительную систему корабля. Плуми радостно замотал головой — понял.

Следующими были помещения для экипажа. С подкупающей доверчивостью гость шел между двумя рядами улыбающихся человеческих существ, чуть было не уничтоживших его корабль. Бэрд включил свой коммуникатор и соединился со шкипером.

— Этот плуми ведет себя, как солдаты в древности, когда носили латы. Они дерутся, как дьяволы, но во время перемирия дружелюбны и доверчивы. Я думаю, что это часть их цивилизации, а может быть, даже это необходимая часть любой цивилизации. И если я прав, то кто-нибудь с нашего корабля будет приглашен в гости к плуми...

Когда Бэрд с гостем выходили в общий коридор, его задержал Тэйн:

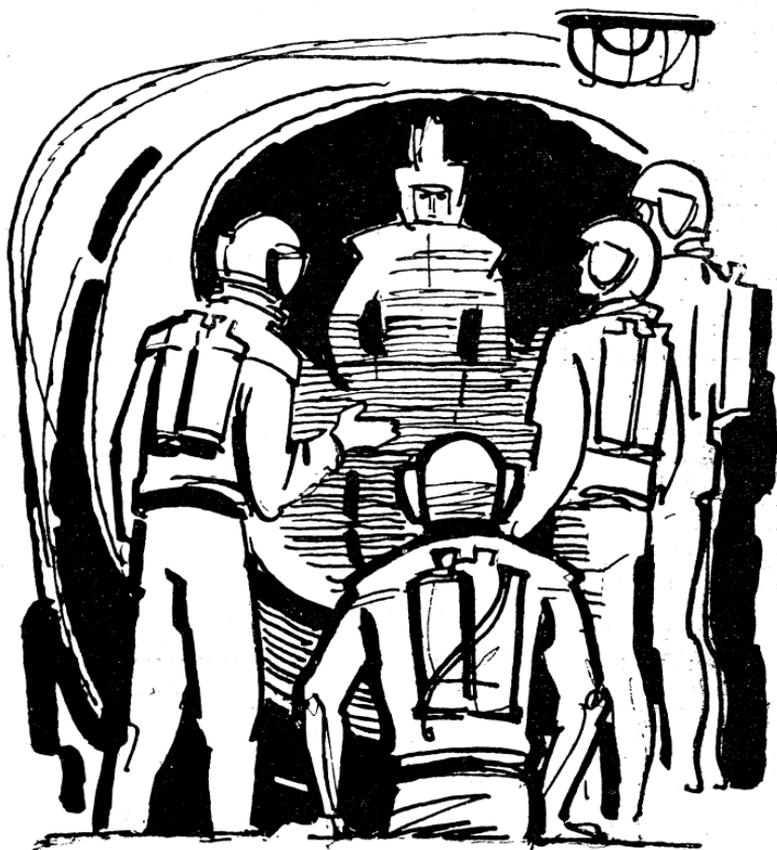
— Даете ему возможность увидеть общую картину? Позволяете шпионить?

Бэрд включил коммуникатор и холодно сказал:

— Я выполняю приказ. Займитесь лучше собственными делами. Этот плуми находится здесь под флагом перемирия.

— Флаг перемирия! — язвительно хохотнул Тэйн. — Это же не человек, это гадина! Я...

— Если вы подойдете к нему хоть на один дюйм, — с веж-

ливой яростью начал было Бэрд, но тут из динамика общего вызова прогремел голос шкипера:

— Мистер Тэйн, немедленно отправляйтесь в свою каюту под арест!

Скрипнув зубами, Тэйн невнятно выругался и удалился.

— Он не совсем нормален, — мягко стал объяснять Бэрд, — и болезненно ненавидит все чужое.

Плуми смотрел на него своими круглыми глазами, и Бэрд подметил в его взгляде выражение, которое бывает у людей, когда они хотят в чем-то разобраться. И вдруг он вспомнил, что плуми его не понимает.

Они вернулись к шлюзу. Плуми вынул свою табличку, что-то начертил и протянул шкиперу.

— Вы оказались правы, Бэрд. Он предлагает кому-нибудь из нас посетить его корабль. Видите, здесь нарисованы две фигурки в скафандрах — одна крупнее другой — в их входном шлюзе. Хотите пойти?

— Конечно! — вскричал Бэрд. — Я захвачу с собой переносный телепередатчик.

Это было в 8 часов 40 минут бортового времени. Два огромных космических корабля — один серебристо-голубой, другой ослепительно-золотистый — продолжали вращаться вокруг общей оси, а космос был таким же безбрежным, как всегда. Яркие сияли звезды. Гигантская газовая планета из расплывчатого пятна снова превратилась в ослепительный диск.

Тяжело ступая магнитными башмаками по поверхности «Никкола», Бэрд в скафандре, с телепередатчиком за плечами медленно приближался к чужому кораблю.

Диана видела, как он скрылся в бортовом шлюзе корабля плуми. Экипаж «Никкола» притих к экранам. Бэрд пробыл в гостях довольно долго. Когда его спутник, очутившись на родном корабле, снял шлем, стала понятной его странная форма. На голове плуми оказался высокий гребень из перьев, и не искусственный. Вот почему изображение гребня неизменно присутствовало на таинственных пластинках!

Другие плуми оказались такими же грациозными, как и первый, говорили такими же высокими голосами. У каждого на голове был такой же странный гребень.

То, что увидел человек Земли на чужом корабле, было удивительным. Особенно...

— ...Мистер Бэрд, — спросил шкипер Джона, когда тот вернулся на борт «Никкола», — что вы можете добавить к тому, что передали раньше?

— Три пункта, сэр, — твердо сказал Бэрд. — Во-первых, — и это главное — корабль плуми не вооружен. Они используют отталкивающие и притягивающие лучи только для сбора материалов. Возможно, что с помощью лучистой энергии они строят свои курганы. Но это не оружие. Корабль чисто исследовательский, я видел — и вы также — его снаряжение. Когда мы принудили их вступить в бой, они пытались уничтожить нас нашими же ракетами именно потому, что не имеют собственных.

Шкипер раскрыл рот от удивления.

— Во-вторых, — продолжал Бэрд, — они не применяют ни железа, ни стали. Только бронза и легкие металлы.

— Но они не могут передвигаться в немагнитном корпусе! — вскричал шкипер. — Корпус обязательно должен быть магнитным!

— Это, конечно, так, сэр, но они не используют магнетронного движения. Однажды в стереокартине по истории космических путешествий я видел двигатель, который стоит у плуми. Принцип его очень стар, и мы о нем давно забыли. У нас он применялся сразу вслед за ракетами — толкатели Дирака. Это реакция статических зарядов. Она не может протекать в магнитном поле свыше семидесяти гауссов.

Наконец-то шкипер стал кое-что понимать.

— Так это значит, — неуверенно сказал он, — что двигатель плуми заработает, лишь только их корабль отцепится от «Никкола»?

— Да, сэр, — подтвердил Бэрд. — Я видел, как их инженеры возились с двигателями, тщетно пытаясь обнаружить неисправность. Они попросту не знают, что во всем виновато магнитное поле «Никкола».

— Вы объяснили им все?

— Не так-то просто рассказать об этом жестами!

Громкоговоритель на стене щелкнул. Послышался торжествующий голос Тэйна:

— Сэр! Я предлагаю перебраться на корабль плуми, коль наш не в порядке, заменить на нем атмосферу, запустить его двигатель и вернуться к себе на базу. Надо только перебить этих гадин.

Бэрд вспыхнул, но сдержался.

— До нашего дома слишком далеко, Тэйн. Если мы попробуем уйти к себе на корабле плуми с толкателями Дирака, то умрем от старости где-нибудь на полпути.

— И все же это лучше, чем сгореть через четырнадцать суток!

Донесение Дианы прервало спор:

— Плуми в скафандре покинул свой входной шлюз. Он несет какой-то пакет к нашему входному шлюзу.

— Он хочет устроить взрыв на «Никкола», чтобы освободиться! — вскричал начальник вооружения.

Шкипер от досады сплюнул.

— Слушайте, Тэйн! Пораскиньте лучше вашими куриными мозгами! Для того чтобы освободиться от нас, требуется взорвать по меньшей мере атомную бомбу!

Бэрд быстро заговорил:

— Сомневаюсь, чтобы они считали возможным разделить корабли.

...На экране радара были видно, как плуми положил пакет около входного шлюза и вернулся обратно на свой корабль.

Дежурный инженер, перенесший пакет внутрь «Никкола», взволнованно доложил по коммуникатору:

— Сэр! Они прислали нам силовой генератор! И он дьявольски замечательно придуман! Попробую разобраться, как он действует.

Бэрд вернулся в радарную.

— Что-то будет, — задумчиво сказал он Диане. — И никого вокруг. И некого позвать на помощь. Что ж, будем вести себя как... как люди!

Девушка только слабо улыбнулась в ответ. Лампы на потолке, который был теперь стеной, вдруг вспыхнули и залили комнату ярким ровным светом.

— Что скажете, Бэрд? — раздался голос шкипера. — Как видите, генератор плуми действует отлично!

Через несколько минут была восстановлена нормальная сила тяжести — с помощью все того же подарка.

...В 11 часов 05 минут по бортовому времени спокойный и сильный голос шкипера разнесся по всем помещениям. Командир говорил сжато, тщательно взвешивая каждое слово:

— Люди! Слушайте меня! Мы потеряли нашу скорость и сбились с курса. Восстановить наше движение, чтобы выйти на орбиту какой-нибудь планеты с атмосферой, пригодной для дыхания, невозможно. Через тринадцать суток «Никкола» подойдет к солнцу на такое близкое расстояние, что его корпус сгорит. Мы не в силах предпринять ничего, чтобы спасти наши жизни.

Шкипер обвел взглядом все экраны...

— Но плуми могут спастись, если мы им поможем. У них нет паяльных агрегатов. У нас есть. Мы сумеем разделить корабли. Если они отойдут хотя бы на милю от магнитного поля «Никкола», их двигатели начнут работать. Они не в силах помочь нам, но мы им можем. Рано или поздно корабли плуми встретятся с человеческими. И люди узнают, что мы сделали. Я не приказываю. Я прошу добровольцев выйти наружу и освободить корабль плуми, чтобы они не сгорели вместе с нами.

...Более трех часов люди в скафандрах без усталости работали: резали бело-голубым огнем мощных паяльных устройств двадцатифутовую полосу сплавленного металла. Из входного шлюза своего корабля за ними наблюдали плуми.

В 15 часов 40 минут по бортовому времени люди покинули поверхность «Никкола». Снаружи остался только один человек. Он должен был уничтожить последнюю перемычку, связывающую два корабля. Это был самый опасный момент работы: И Бэрд справился с ним. Центробежная сила сразу же отбросила золотистый корабль на милю в сторону. Последний человек на поверхности «Никкола» погасил паяльный агрегат и скрылся во входном шлюзе.

Золотой корабль вдали внезапно пришел в движение. Он дрогнул. Взметнулся вверх. Опустился вниз. Качнулся вправо. Качнулся влево. Он снова жил.

В радарной Диана задумчиво покачивалась в кресле.

— Значит, нам осталось жить тринадцать дней...

— Да, тринадцать.

Бэрд подошел к экрану радара внешнего наблюдения, нажал несколько кнопок.

Сказал поясняя:

— Когда плуми поняли, что мы делаем и для чего, они попросили оставить им наш передатчик. Я показал, как им пользоваться, и сам составил нечто вроде кода рисунков.

Экран засветился. На его мерцающей поверхности появилось

неясное изображение. Донеслись высокие, звонкие звуки голов плуми.

И Бэрд быстро принялся делать записи на листке бумаги. У него перехватило дыхание. Повернувшись к пульта связи, он нажал кнопку навигаторской и не отпускал ее до тех пор, пока на экране не появилось недоуменное лицо шкипера.

— Чего вы трезвоните, Бэрд? Что еще стряслось?

— Сэр, — взволнованно стал докладывать Джон, — плуми ведут передачу по коммуникатору с помощью диаграмм, которые я для них составил. Их двигатели работают хорошо. Они хотят переделать свои установки так, чтобы в несколько раз усилить действие притягивающих лучей.

— Ну и что из этого?

— Сэр! — Бэрд почти кричал. — Они хотят притянуть с их помощью «Никкола»! Они верят, что в состоянии отбуксировать нас на какую-нибудь кислородную планету, где помогут найти металл, который нужен для восстановления «Никкола». Они хотят это сделать, чтобы люди и плуми стали друзьями!

Переведя дыхание, Бэрд продолжал:

— Кроме того, есть еще одно чертовски интересное предложение. Они хотят обмениваться с нами опытом.

Шкипер молчал.

— Я думаю, — с жаром говорил Бэрд, — что плуми до встречи с нами считали себя единственной интеллектуальной расой в галактике. И они рады, что это оказалось не так. Помоему, первым металлом, который они стали использовать, был алюминий — как у наших предков медь. Следующий век вместо нашего железного у них был бериллиевый. Сейчас, возможно, перед ними стоит задача освоить железо, как перед нами — титан, бериллий и осмий. Наши культуры должны дружить и обогащаться взаимно!

Глаза шкипера смеялись. Мысленным взором он уже видел, как на еще неведомой планете его экипаж возрождает «Никкола». Вместе с плуми.

Это было в 16 часов 10 минут по бортовому времени — ровно через двенадцать часов после того, как прозвучал сигнал тревоги.

Сокращенный перевод с английского
Т. ГЛАДНОВА

Окно
в будущее

Ю. ШИШИНА

Рисунки Ю. Макарова

ЧЕЛОВЕК— ЧЕЛОВЕКУ

Говорят, что мы ощущаем сердце лишь тогда, когда оно болит. Здоровому человеку сердце не причиняет никакого беспокойства, хотя в течение всей жизни оно ни на миг не прекращает свою работу. На состоянии сердца, как в зеркале, отражаются волнения — и радостные и неприятные, переутомление, старение, образ жизни. Долголетие зависит во многом от сохранности сердечной мышцы.

За последние 30 лет бурно начала развиваться хирургия сердца. Широко известны имена советских хирургов Бакулева, Вишневого, Петровского, Мешалкина и других, излечивающих сердце оперативным путем. Возвращение к нормальной жизни и деятельности людей, которые раньше страдали от врожденных пороков сердца, от осложнений на сердце вследствие других заболеваний или получили травму сердечной мышцы в результате несчастных случаев, — лучшее свидетельство труда наших ученых.

Дальнейшее развитие хирургии сердца неизбежно связано с новыми исследованиями. Уже сейчас, например, возник вопрос, можно ли будет когда-нибудь пересаживать человеку вместо больного сердца другое, здоровое? Можно ли сделать сердце ис-

кусственно — протезировать его, как протезируют руку, ногу? И может ли наука на современном уровне знаний ставить такие задачи?

Все эти проблемы решаются, конечно, не только в хирургических клиниках, где производятся операции на сердце, но и в экспериментальных лабораториях, на «дальних рубежах»...

Ученых-экспериментаторов с полным правом можно назвать разведчиками будущего, хотя их труд на первый взгляд кажется иногда далеким от жизни. Беспольных открытий не бывает, сказал в одном из выступлений вице-президент АН СССР академик А. М. Лаврентьев. Нельзя говорить ученому: прекрати свои поиски, потому что они сейчас не нужны. Они будут нужны.

О таких поисках мы и хотим рассказать.

1. ВСТРЕЧА С ПРОФЕССОРОМ ДОУЭЛЕМ

В приключенческом журнале «Всемирный следопыт» тридцать пять лет назад увидела свет повесть Александра Беляева «Голова профессора Доуэля».

С первых же страниц читателя захватывала полная превратностей судьба героя, который занимался совершенно неизвестными дотоле опытами по оживлению органов, взятых у свежего трупа. Он научился в течение долгого времени сохранять живыми отделенные от тела головы животных и в своих исследованиях подошел, наконец, к возможности оживления человеческой головы. Ассистент профессора Доуэля Керн решил присвоить труды учителя путем своеобразного научного «заимствования». Он поместил отделенную от тела мыслящую голову Доуэля по соседству со своим рабочим кабинетом.

«...Голова была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен через отверстие в стекле шли, соединившись уже попарно, трубки с баллонами. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром...»

С помощью этой установки, разработанной самим Доуэлем и выполнявшей фактически роль сердца, доставляющего мозгу питание, Керн поддерживал жизнедеятельность головы и ежедневно заставлял ее мыслить и пользовался ею как источником новых научных идей, которые он выдавал потом за свои.

Чем больше подробностей узнавал читатель об опытах с головой профессора Доуэля, тем больше он проникался мыслью, что фантастика здесь в чем-то граничила, переплеталась с действительностью.

Выдумал ли автор эту историю от начала до конца? Талантливый профессор Доуэль и Керн были, конечно, чисто литературными персонажами. Но любопытен факт, что вслед за изданием повести в научном биологическом, а не популярном журнале была напечатана небольшая статья, в которой излагались результаты многолетних опытов двух ученых, С. С. Брюхоненко и С. И. Чечулина. Название статьи «Переживание головного мозга в условиях искусственного кровообращения»

сразу же вызвало ассоциации с содержанием повести Беляева. Один из ученых, Сергей Сергеевич Брюхоненко — создатель аппарата искусственного кровообращения, предшественника всех современных аппаратов такого рода, подобно профессору Доуэлю, действительно занимался оживлением органов и целых организмов животных спустя несколько минут после их смерти.

С помощью этого аппарата — «автожектора», как назвал его сам Брюхоненко, хирург часами поддерживал кровообращение и жизнь в отделенной от туловища голове собаки. Очевидцы, присутствовавшие на демонстрации опыта, рассказывают, что голова, которая лежала на столовой тарелке, раскрывала пасть, глотала, настораживала при громких звуках уши.

Аппарат кровообращения, выполнявший роль искусственного сердца, выглядел громоздким и сложным комплексом различных механизмов, трубок и приспособлений. Такое сердце, конечно, не могло «биться в груди». Но профессор Брюхоненко и не преследовал этой цели.

Своими опытами он просто доказал, что кровообращение в живом организме можно поддерживать искусственным путем хотя бы на время достаточное, чтобы выключить сердце для операции. Так открывались новые перспективы перед создавшейся хирургией сердца.

Брюхоненко проводил опыты до того, как была написана «Голова профессора Доуэля», и Беляев о них знал.

В 1937 году к профессору Брюхоненко из Воронежа приехал студент-биолог 3-го курса и привез «механическое сердце» собственного изобретения. Оно представляло собой два смежных мембранных насоса из металла и резины, работавших от электромоторчика.

Звали неожиданного гостя Владимир Демихов. Когда ему, студенту, изучающему законы кровообращения, пришла идея создать искусственное сердце, похожее на настоящее, он ничего еще не знал о работах Брюхоненко и в самостоятельных научных поисках пошел по другому пути: задумал прибор, способный заменить в груди естественный, созданный природой насос — сердце, — что-то вроде действующего сердечного протеза. При том уровне развития науки и техники мысль о создании протеза сердца казалась фантастической. Преподаватель физиологии, к которому студент обратился за советом, просто не принял его слова всерьез:

— Вы фантазер! Из чего вы сделаете такой маленький насос? Собака околет раньше, чем вы успеете подсоединить вашу модель к крупным сосудам! А свертывание крови? Она свернется — и все...

Тогда-то застенчивый в общении с людьми Демихов и проявил себя человеком последовательным и настойчивым. Протез мастерил он сам. За плечами у него было фабрично-заводское училище и год работы на тракторном заводе, его руки умели обращаться с материалами и инструментами. Узнав от кого-то об исследованиях Брюхоненко, Демихов на студенческую стипендию поехал в Москву.

Ученый принял его приветливо, одобрил идею протеза, сказав, что «эта штука пойдет», настаивал на проверке прибора в опыте.

— Помни, — напутствовал он, — путь экспериментатора-физиолога полон разочарований и требует упорства, разносторонних знаний и постоянного труда. Парень ты с головой! Многого должен уметь делать своими руками. Если ученый заранее, в деталях не предвидит, как нужно ставить опыт, он не сумеет объяснить этого своим помощникам.

Эти советы Демихов впоследствии вспоминал не раз. Вернувшись в Воронеж, сразу начал экспериментировать. При первых же попытках заменить механизм сердце собаки он столкнулся с множеством предвиденных и неожиданных трудностей.

Две тысячи лет ученые не могли решить, за счет чего происходит движение крови в венах. Еще Гарвей, в XVII веке открывший законы кровообращения, рассматривал сердце как живой насос двойного действия: при сокращении — систоле — нагнетающий кровь, а при расслаблении — диастоле — присасывающий ее. До XX века ученые полагали, что за счет диастолы в крупных венах, непосредственно подходящих к сердцу (верхней и нижней полых венах), возникает отрицательное давление (ниже атмосферного).

Разницу в давлении, образующуюся в момент входа и выхода, объясняли еще и присасывающей силой грудной клетки.

Проводя свои первые опыты, молодой физиолог создавал механическим сердцем в венах отрицательное давление, которое по всем физическим законам должно было бы вызывать приток крови в вены.

Результат же получался самый неожиданный, он противоречил общепринятому мнению: тонкие стенки вен из-за пониженного давления опадали, а кровь не шла.

Проверяя себя многократно, экспериментатор упорно наткнулся на это кажущееся противоречие.

Действительно, если бы движение крови по венам происходило за счет присасывания сердцем или грудной клеткой, то после наложения зажима на вену под зажимом кровь не должна была бы приливать. А в опыте получалось как раз наоборот.

Демихов решил сам измерить давление в полых венах. Он вскрыл собаке грудную клетку, пережал верхнюю полую вену в непосредственной близости от сердца и туда, где по всем ожиданиям присасывание должно быть устранено, подсоединил манометр. Прибор показал, что давление в вене не только не было отрицательным, но после перевязки сразу возрастало до 30 миллиметров ртутного столба.

Опыт Демихова убеждал в том, что в вену кровь поступает под напором сердца, сила которого оказывалась достаточной, чтобы гнать ее не только по артериям, но и по венам. Так ценой бесконечно повторяемых опытов ему заново приходилось познавать ценность некоторых научных положений и гипотез. И он понял, что, лишь получив всестороннее экспериментальное обоснование, предположение становится физиологическим законом.

Для него, экспериментатора, различные точки зрения в науке не являлись предметом отвлеченного академического спора, а были необходимым подспорьем, без которого экспериментировать дальше нельзя.

После многих упорных попыток Демихов, несколько изменив конструкцию насоса, добился успеха: подопытная собака с механическим сердцем вместо настоящего прожила два с половиной часа. Хотя срок был не очень велик, но первая высказанная им научная гипотеза подтвердилась: собака смогла жить с механическим сердцем! Он оказался прав, идея протеза сердца больше не считалась фантастической.

2. ВИЗИТ

Великая Отечественная война прервала опыты по созданию механического сердца. Демихов был призван в действующую армию.

Пробыв на военной службе с начала и до конца войны, следуя вместе с армией по разным фронтам, он прошел суровую школу жизни, которую по праву мог назвать своим вторым университетом. Из физиолога ему пришлось стать паталогоанатомом. В его служебные обязанности входило вскрытие умерших от ран и болезней, проверка правильности диагнозов и лечения.

Чем паталогоанатом, в сущности, отличается от хирурга?

Хирург оперативным вмешательством устраняет источники физических страданий живого человека.

Паталогоанатом, так же как и хирург, вскрывает человеческий организм, исследует его, чтобы установить точные причины, уже приведшие организм к гибели, и, обобщая свои выводы, дать хирургам новые важные сведения и помочь им глубже осмыслить методику дальнейших операций.

Демихов наблюдал, как говорят врачи, «тяжелейшие клинические случаи».

Нельзя было мириться со случаями преждевременной гибели, хотелось спасти все, что еще могло жить.

Как ученый, врач, гуманист, Демихов должен был искать новые пути, помогающие жизни в борьбе со смертью. Понимая, что ни один серьезный экспериментатор не обойдется без совершенствования хирургической техники, он в эти суровые годы в совершенстве изучил анатомию. Его врачебная мысль приобрела опыт, зрелость, свободу.

Даже во время войны Демихов не расставался с идеей протеза сердца. Когда его часть стояла где-то под Козельском, он пытался смастерить новую модель механического сердца. Но работу закончить не смог, так как, по его словам, «не было для этого достаточно подходящих условий».

Но опытный врач-паталогоанатом смотрел иными глазами на свои прежние проекты замещения сердца простым механическим насосом. Видя перед собой на секционном столе изранные человеческие сердца, которые уже нельзя исправить, он думал о том, что заменить надолго их могло только другое, живое, здоровое сердце. Все чаще приходила в голову мысль о пластической хирургии: «А что, если пересадка сердца у теплокровных животных и человека все-таки возможна? Ведь осуществима же она у более просто организованных животных!» И вообще в биологическом мире многие ткани способны к при-

живлению: взять хотя бы прививки у растений. Он вспоминал все, что читал до войны о попытках приживления тканей у живых организмов: о работах Гаррисона, который пересаживал зачатки конечностей разных видов саламандр, из них потом получались странные смешанные, «гибридные» лапки; об опытах Морозова с пересадкой сердец тритонов; об экспериментах Еланского по пересадке кожи у человека. Ему были известны успешные работы профессора Синицына, одного из его учителей, по пересадке сердца лягушкам.

Размышляя о пластической хирургии, он удивлялся тому, что никому никогда пока еще не удалось пересадить сердце теплокровного животного, хотя попытки присоединить сердце одной собаки к шейным сосудам другой делались дважды, но на операциях кровь переполняла сердце прежде, чем оно начинало сокращаться, и это его останавливало. Демихов пытался тоже пересадить в 1940 году сердце кошки на сосуды паховой обла-

сти. Но заменить сердце другим, поместив его в грудную клетку, пока никому не удавалось.

Решением этой проблемы ученый и занялся после войны.

3. ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Откуда достать собак для экспериментов — далеко не единственный организационный вопрос, который возник перед демобилизованным физиологом сразу же по возвращении из армии.

Все пришлось начинать сначала: оборудовать операционную, создавать лабораторию при кафедре московского вуза, куда он был назначен ассистентом еще до войны.

Овладев хирургической техникой, в особенности искусством сшивания сосудов, без которого немислима никакая пересадка органов, он вплотную подошел к решению задачи пересадки сердца и других жизненно важных органов.

Когда Владимир Петрович Демихов задался целью пересадить собаке второе сердце, он, в сущности, принялся решать уравнение с двумя неизвестными. Первым была методика такой операции: нигде, ни в одном учебнике или руководстве не говорилось ни слова, как именно должны производиться подобные операции. Вторым неизвестным — проблема несовместимости тканей.

Что касается операций на сердце вообще, то они стали делаться лишь сравнительно недавно, в начале столетия. Сердце считалось, говоря языком хирургов, «неоперабельным» органом.

«Хирург, который вздумал бы зашивать рану сердца, потерял бы уважение своих коллег», — заявил известный немецкий хирург Бильрот еще в 1883 году.

Да и сейчас операция на сердце считается очень сложной. Демихов же задался целью не просто оперировать на сердце, а пересадить его из одного организма в другой. Что же касается несовместимости тканей, то ученый нагалькивался на пока, казалось бы, непреодолимую стену противоречивых фактов, теорий, предположений. Нужно обладать подлинной научной одержимостью, чтобы начать решение сложнейшей биологической проблемы с пересадки именно сердца. Пластикой тканей, пересадкой их медицина интересовалась с давних времен. На основании многочисленных попыток создалось мнение, что чужие трупные ткани в общем-то у людей не приживаются, так как биологически они несращиваемы, несовместимы друг с другом. Хирурги, которые пытались делать пластические операции с трупной кожей, в конце концов наблюдали отторжение пересаженных участков. Но в некоторых случаях маленькие участки пересаженной кожи отмирали, а большие трансплантаты приживались. И если эти пересадки редко давали положительный результат, то, например, кости, сохраняемые при низкой температуре по 6—8 месяцев, приживались так же успешно, как знаменитая филатовская роговица глаза, взятая от трупов.

Задавая себе вопрос, удастся ли все же когда-нибудь пересаживать сердца теплокровных животных, Демихов вспоминал

историю переливания крови. Пока не была раскрыта основная тайна групп крови, попытки переливать ее чаще всего приводили к смерти. Переливание крови — по сути, не что иное, как пересадка ткани, но только жидкой.

Кровь — ведь такая же ткань организма, как и всякая другая, например нервная. Когда в организм проникает чужеродный белок или инфекция, в нем возникает защитная биологическая реакция. В ней принимают участие все клетки, но «генеральное сражение» с «чужаками», если так можно выразиться, все же идет в крови.

Ученые выяснили еще одну интересную закономерность: ткани по свойствам совместимости делятся на группы, соответствующие группам крови. Вопрос, почему кровь, если она перелита с учетом совместимости групп, приживается в 100 процентах случаев, а другие ткани и органы нет, Демихов задавал себе сотни раз. И отвечал: если клетки крови, попадая в новый организм, в силу особенностей анатомического строения сразу находят все необходимое для жизни и «легко забывают» прежнего хозяина, то при пересадке органов до тех пор, пока кровеносные и лимфатические сосуды не вратут в пересаженные органы, ткани фактически оказываются без средств к существованию. Это, конечно, лишь самое приблизительное схематическое объяснение того, что происходит с пересаженной тканью в ходе опыта. Было замечено на животных, что если плотную ткань при пересадке измельчить и приготовить из нее кашницу с физиологическим раствором, она приживается быстрее. Но ведь Демихов захотел пересадить не кусок кожного покрова, а целый орган — и какой! — сердце!

Некоторые биологи заранее обрекали его попытки на неудачу, называли его самого узким экспериментатором. Он же, начиная свои эксперименты, был не новичок в биологии и о несовместимости тканей знал. Но он знал также, что природа так просто никому не раскрывает своих тайн.

Владимир Петрович прекрасно понимал роль смежных с биологией наук: химии; биохимии, математики, кибернетики.

Он верил, что, проникнув в тайны живого вещества, наука постепенно покорит процессы, происходящие в живой клетке, так же как она изучала процессы, происходящие внутри атомного ядра, и подчинила их себе, а время и научный прогресс рано или поздно сотрут белое пятно в биологии, называемое несовместимостью тканей. Люди научатся регулировать внутри- и межклеточные процессы, даже если ткани несовместимы из-за различий в структуре их белковых молекул.

Первые эксперименты могли бы обескуражить менее настойчивого человека. Их приходилось повторять десятки раз, а успеха все не было. Собаки гибли на операционном столе. Но Демихов продолжал оперировать. И вот... Срок жизни подопытных животных стал удлиняться: день, два, восемь...

В ходе опытов уточнялись оптимальные условия для операций, разрабатывалась методика наркоза, в деталях оттачивались способы сохранения деятельности сердца и легких в момент их переноса из одного организма в другой. Демихову на операциях часто помогали студенты. Владимир Михайлович

Горяйнов, бывший его студент, вот уже тринадцать лет — искуснейший помощник ученого.

Послевоенные годы были годами упорного труда: в области пересадки сердца Демихов поднимал «целину». Все, кто сейчас делает такие экспериментальные операции (например, немецкий хирург Коккалис, собака которого с двумя сердцами прожила более полутора месяцев), учились непосредственно у Демихова.

Разрабатывая схемы операций, он старается возможно полнее снабдить новый орган кровеносными сосудами, тщательно продумывает способы соединения артерий и вен собаки-донора с сосудами собаки, которой сердце пересаживается. Несовершенная еще методика операции не позволяла выбрать для пересаженного второго сердца физиологическое — нормальное положение. Аппарат для сшивания сосудов, разработанный советским инженером Гудовым и названный зарубежными учеными «советским спутником в медицине», был огромным подспорьем в таких операциях, но он мог соединять сосуды только «конец в конец». Демихов сконструировал свой прибор, более простой и универсальный, с помощью которого сосуды вшиваются и под углом — «конец в бок».

Владимир Петрович пересадил собаке второе сердце, и она жила 32 дня. Более того, он разработал свыше 30 способов проведения такой операции!

Помимо пересадки второго сердца, он производил и другие сложнейшие по технике операции, бесконечно разнообразия и варьируя свои опыты, насколько, как говорил И. П. Павлов, вообще хватает человеческого остроумия: пересаживал вместе со вторым сердцем легкие, просто легкие, почки, половины тела, головы.

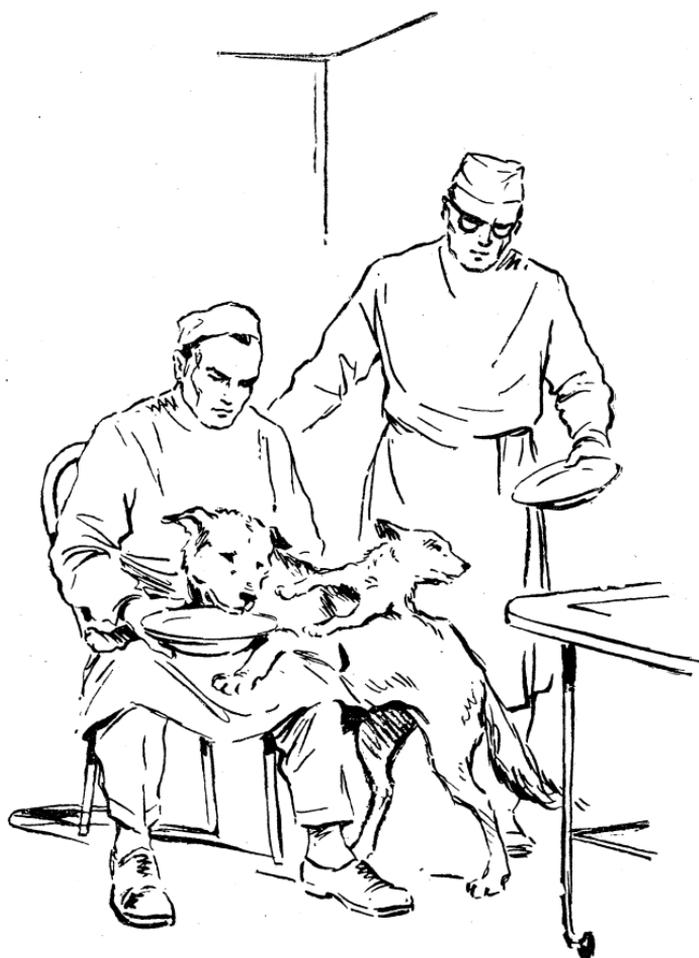
Сшивая сосуды отделенной от туловища собачьей головы с сосудами другого животного, Демихов добивался того, что двухголовые собаки не только хорошо себя чувствовали, но и разгуливали по двору. Пересаженная голова, очнувшись от наркоза, сохраняла все признаки «собачьего разума»: лизала с блюдечка молоко, реагировала на внешние раздражения и, когда ей самой было неудобно, кусала за ухо свою соседку — вторую голову.

Хирургическим путем он соединял два организма, создавая у них единое кровообращение.

Все эти невероятные на первый взгляд эксперименты не были наблюдениями холодного, любопытствующего ума. Демихов искал со страстью, смело перекидывая переправу в неизвестное. Он вмешивался в святая святых природы, стараясь раскрыть в ней неизвестные человеку возможности.

Успех таких экспериментов, хотя пока и временный, доказывал, что в сердце заложены огромные энергетические возможности: одно сердце в состоянии снабжать кровью два организма.

В результате опытов, сделанных в различных вариациях, подсаженные «дополнительные», как они названы в книге Демихова, сердца бились. Демихов осуществил и свою заветную мечту: полную замену сердца. С чужими сердцами собаки жили от нескольких часов до нескольких дней — более месяца. Швы зарубцовывались. Вопреки ожиданиям и несмотря на несовмести-

мость тканей происходило приживление органа. И этот факт надо было как-то объяснить.

«Если бы подопытные собаки погибали от одной несовместимости тканей, — думал Демихов, анализируя временный эффект опытов, — то они погибали бы сразу после операции или в ближайшие дни».

Послеоперационный период у них протекал вообще не совсем так, как полагается в идеальном опыте: лохматых «пациентов» нельзя уложить в постель и заставить выслушивать и выполнять «предписания» врача.

Назавтра после операции они начинали двигаться, невзирая на необычность своей анатомии.

На вскрытии Демихов обнаруживал послеоперационные осложнения, наблюдал сдавленные воспаленными тканями сосуды, нагноения, разошедшиеся кое-где швы, закупорку сосудов сгустками крови — тромбоз.

Специалисты ожидали найти в крови оперированных собак увеличение защитных веществ, которые теоретически должны возрастать при реакциях несовместимости. И очень часто оно было незначительно.

С точки зрения Демихова, послеоперационные осложнения нельзя было объяснить только несовместимостью тканей.

Точно такие же изменения он наблюдал на фронте у тяжело раненых. Когда ему говорили, что все неудачи зависят от несовместимости, он замечал:

«То, что мы наблюдаем, нельзя отнести целиком за счет несовместимости тканей. Чтобы выяснить, какую роль она играет при пересадках, нужно прежде всего усовершенствовать методику и технику таких операций! А над этим мы и работаем».

Работы по пересадке таких органов и тканей, как почки, железы внутренней секреции, костный мозг и другие, ведутся во многих странах мира. В 1956 году в Бостоне (США) впервые была удачно пересажена почка, взятая от одного из братьев-близнецов, другому. Ткани однояйцевых близнецов, как известно, совместимы. Французским ученым удалось пересадить человеку почку и от совершенно постороннего человека. После того как французы Жорж Маре и Раймон Летарже пересадкой костного мозга спасли от неминуемой гибели четырех из пяти югославских ученых-атомников, подвергшихся смертельной дозе радиации, выяснилось, что облучение не только разрушает костный мозг и нарушает процессы кроветворения, но и подавляет защитные реакции организма, в том числе и реакцию несовместимости тканей. Английскому профессору Питеру Брайану Медавару была присуждена Нобелевская премия 1960 года за исследования в области совместимости тканей. Он обнаружил, что если взрослому животному пересадить органы, взятые у плода или новорожденного, то реакция несовместимости не возникает. Из этих же соображений итальянский ученый Даниэле Петруччи для тканевых пересадок начал выращивать эмбрионов вне организма.

Но если благодаря открытию Медавара была создана методика пересадки гипофиза от мертворожденного плода людям с недостаточностью функции этой железы внутренней секреции, подобная операция с другими органами невозможна. Ведь взрослому животному не пересадишь сердце новорожденного или его почку — они не смогут обслуживать зрелый организм.

Медавар установил еще одну интересную закономерность: впрыснув эмбрионам клетки взрослого организма, он не наблюдал реакции несовместимости. Более того, когда молодые организмы выросли, они прекрасно перенесли пересадки органов, взятых у животного, от которого им вводились клетки.

Все эти исследования показывают, что проблема несовместимости может быть решена, и открывают новые возможности для пересадки жизненно важных органов.

Представьте себе, что настанет время, когда каждому новорожденному будут делать «клеточные прививки» против несовме-

стимости тканей — так же, как сейчас, например, делают противооспенные прививки. Человек вырос, даже состарился. И вот в результате болезни или несчастного случая ему необходимо заменить, скажем, почку. Что же? Сделанная в младенчестве прививка обеспечит приживление пересаженного органа, подобранного, разумеется, с учетом групп тканей.

4. МЕЧТЫ И ПОИСКИ

А как же протез сердца? Забыл ли Демихов свою юношескую мечту или разочаровался в ней?

На этот вопрос Владимир Петрович и сейчас отвечает: механический протез сердца сделать можно. С ним человек проживет не часы, а недели, даже месяцы. Но никакое искусственное сердце не заменит живое: оно, как и всякий механический двигатель, даже самой совершенной конструкции, подвергается износу. Механическое сердце может быть использовано в тех случаях, когда, по мнению Демихова, после оживления умершего уже нет надежды на восстановление деятельности мозга. (Работу мозга пока удается восстановить не более чем через 10 минут после клинической смерти.) Тогда механическое сердце будет поддерживать жизнь в оживленном теле, для того чтобы сохранить жизнедеятельность его органов, которые могли бы пригодиться для пересадки живому человеку, нуждающемуся в замене своих больных, выведенных из строя. Механическое сердце в отличие от настоящего не получает энергию из крови. Оно должно брать ее извне. И в этом его недостаток, считает Демихов. Кроме того, работой такого протеза должно что-то управлять. А пересаженное сердце, как показывают электрокардиограммы, даже если перерезаны идущие к нему крупные нервы, работает не хуже основного: автономные нервные узлы сердца, например синусовый, возбуждают ритмичное сокращение внутрисердечной мышцы, а через нервные окончания в стенках сосудов осуществляется связь с головным мозгом.

Отводя протезу сердца в будущем вспомогательную роль, Демихов предлагает свое решение той же задачи, которую решают применяемые в хирургии разнообразные аппараты, «искусственное сердце-легкие».

Предвидеть сейчас, во что могут вылиться его работы по протезированию сердца, пока еще трудно.

Видный советский математик профессор А. А. Ляпунов утверждает: «Число моделей, обладающих возможностями живых организмов, непрерывно умножается. Можно думать, что эксперименты с такими моделями будут содействовать выработке точного подхода к поведению автоматов и живых организмов». Уже сейчас речь идет больше чем о воспроизведении отдельных функций того или иного организма.

Что же касается воспроизведения отдельных функций, то на страницах одной из газет лауреат Ленинской премии член-корреспондент Академии медицинских наук Н. М. Амосов сообщил, что уже сейчас ученые получили возможность протезировать функции нервных узлов сердца.

«Синусовый узел, как дирижер, руководит работой сердечной мышцы. При ряде заболеваний он выходит из строя. И, оказываясь, его работу можно воспроизвести искусственно. К месту, где он располагается, можно подвести электрические провода, идущие от специального аппарата. Аппарат в будущем, может быть, удастся зашить под кожу... Вот вам пример протезирования функций. И это уже не фантазия, это уже сделано».

Аппарат, о котором говорит профессор Амосов, подсоединяется к живой сердечной мышце. А если она изношена? Удастся ли когда-нибудь воспроизвести ее искусственно?

Химики в союзе с биохимиками уже сейчас синтезируют прочные, фактически не изнашиваемые полимерные вещества, которые, подобно мышечной ткани, могут сокращаться и растягиваться под влиянием химических раздражителей. Возможно, они, эти синтезированные вещества, лягут в основу протеза сердечной мышцы. Конечно, этот пока воображаемый протез будет не «просто механическим протезом». В его создании примут участие и биологи, и биохимики, и математики, и специалисты по кибернетике. А работы Владимира Петровича Демихова — результаты его исследований, создание схем операций по подсоединению сердца к сосудам организма, методики самих операций — помогут решить проблему протезирования сердца.

5. УДАТСЯ ЛИ? ДА!

...Когда идешь через двор московской больницы имени Склифосовского в приемный покой, то на двери по соседству можно прочесть скромную надпись: «Лаборатория по пересадке органов».

Лаборатория, которой руководит Владимир Петрович Демихов, не случайно находится в одной из самых известных в Москве больниц.

Демихов не кабинетный ученый. Вся его работа тесно связана с практической медициной, с поисками в ней новых путей. Имя и работы Владимира Петровича приобрели мировую известность. О нем не раз писали советские и зарубежные газеты, научные и популярные журналы, энциклопедии. В 1961 году за работы по пересадке второго дополнительного сердца он был награжден премией имени академика Бурденко.

К нему приезжают учиться многие физиологи. Лейпцигский университет после поездки Демихова в Германскую Демократическую Республику и демонстрации там разработанных им операций присвоил ему «За благородную деятельность в пользу мировой науки», как сказано в дипломе, звание Почетного доктора медицины.

Вся жизнь Демихова — непрерывный, упорный труд. Он убежден, что в будущем человечество, проникшее в космос и покоряющее природу, решит проблему замены изношенного сердца новым. Над этим он и работает сейчас, идя по нелегкому пути физиолога-экспериментатора, о котором ему когда-то рассказывал Брюхоненко.

Лица к лицу С ОПАСНОСТЬЮ

Случай в Саянах

Когда говорят — герой, то в нашем представлении обычно возникает образ человека высокого, широкоплечего, с волевым лицом. А она маленькая, хрупкая девушка.

В тот день, о котором пойдет рассказ, Алевтина Антоненко, секретарь комсомольской организации «Связьремонт-28», отправилась к своим комсомольцам, что работают на дальних участках дороги Абакан—Тайшет.

Шофер попутной машины предложил ей место в кабине.

— Как представителю слабого пола, — небрежно объяснил он людям, сидевшим в кузове.

Сначала дорога шла степью, потом заплетяла меж обрывистых предгорий Саян. С ходу проскочив одну из многочисленных речушек, машина пошла на крутой подъем. Мотор стал задыхаться. Надо было переключить скорость. Шофер выжал сцепление, но двигатель заглох. Тогда водитель до отказа оттянул рукоятку тормоза. Но намокшие при переезде через речушку тормозные колодки не держали.

Тяжело груженный автомобиль сполз с дороги и, пятась, покатился по склону к обрыву.

Шофер растерялся, неудачно пытался выровнять машину и, распахнув дверцу, бросился вон, крикнув Алевтине:

— Прыгай!

Но Алевтина не выпрыгнула. Она вцепилась в баранку руля — в кузове люди!

«Обрыв справа — значит руль влево», — пронеслось в голове. И, налегая всем телом, Алевтина крутила и крутила баранку: влево, влево.

Машина на полном ходу резко метнулась в сторону, описав полукруг, въехала на склон и остановилась.

Люди и машина были спасены.

Пожар! Высота 6 000 метров...

Воздушный лайнер «ИЛ-18» шел курсом на Адлер. Восемьдесят пассажиров удобно разместились в комфортабельном салоне.

В кабине пилотов шла обычная жизнь. Штурман доложил командиру корабля, что пройдена Тула, высота шесть тысяч метров, скорость 650 километров в час. Борис Грацианов, немного волновавшийся перед взлетом, — ведь это его первый рейс в роли командира, — теперь уже думал о предстоящей посадке на Адлерском аэродроме.

«Пожар двигателя!» — вспыхнуло световое табло.

Быстро включили противопожарное устройство. Но огонь не утихает. До ближайшего аэродрома не дотянуть, хотя все аэропорты ответили, что в любую минуту готовы принять аварийный самолет. Надо идти на посадку. А многотонную махину «ИЛ-18» даже летчики-испытатели сажали только на специально подготовленные площадки.

— Снижаемся! — Таково было решение Бориса Грацианова. Самолет почти спикировал до высоты пятьсот метров.

Тем временем бортпроводницы Валентина Журавлева, Наталья Похитонова и Валентина Смирнова помогали пассажирам пристегнуться к креслам.

— Садимся на поле с убранными шасси, — радировал Маргулис, — двигатель горит. Конец связи.

Впереди по курсу Грацианов видел скошенный луг и поле. Луг показался кочковатым. Грацианов, не выпуская шасси, повел лайнер к полю.

Земля ближе, ближе... Мягкий удар, и самолет понесся, подскокивая, по полю. Четыреста пятьдесят метров ползла машина на брюхе в облаке пыли. Остановилась. Маргулис и Андреев быстро открыли заднюю дверь кабины. Надо было как можно скорее вывести пассажиров. Горящая машина могла взорваться. Грацианов и Пострибайло распахнули передний люк. Пострибайло, схватив огнетушитель, бросился к горящему двигателю.

И вот пассажиры — на безопасном расстоянии. Никто из них не пострадал при посадке.

Пострибайло сбил пламя, погасил горящий двигатель.

Через некоторое время пассажиров отправили на автобусе в Тулу. Там их ждал другой самолет.

А три дня спустя экипаж «ИЛ-18» № 75672 снова вышел на линию.

За проявленное мужество и находчивость командир экипажа Борис Евгеньевич Грацианов Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орденами Красной Звезды награждены штурман Борис Анатольевич Андреев, второй пилот Юрий Николаевич Бел-

кин, бортмеханик Георгий Дмитриевич Пострибайло, а бортрадист Григорий Яковлевич Маргулис — орденом «Знак Почета». Бортпроводницы Валентина Ефимовна Журавлева, Наталья Васильевна Похитонова и Валентина Юрьевна Смирнова получили медали «За трудовое отличие».

СХВАТКА С ОГНЕМ

Это произошло на станции Баляга Забайкальской железной дороги.

Маневровый паровоз подал на запасный путь цистерну с бензином. К ней подъехал автобензовоз. Началась перекачка горючего. Неожиданно лопнул шланг. От случайной искры вспыхнул бензин. Цистерна запылала как свеча.

Бензин не просто горит. В закрытом резервуаре он закипает и взрывается. Знали об этом и рабочие Катангарского лесопромышленного комбината, один из складов которого расположен здесь же, на станции. Пламя в любую минуту могло перекинуться на штабеля древесины.

Кочегар Губенин и электромеханик Гончаров кинулись к охваченной пламенем цистерне. По раскаленной лестнице они взобрались на мостик у горловины. Из люка с шумом вырвался столб огня. Скинув ватники, рабочие набросили их на люк, придавили своими телами.

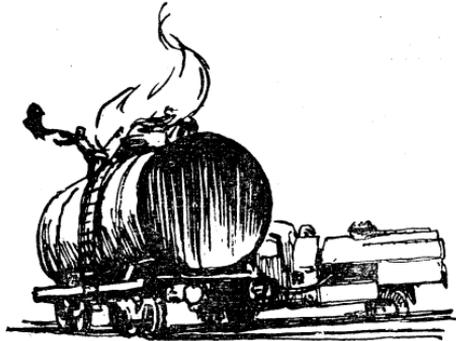
Едкий дым забивал горло. Пламя вырывалось из-под рук. Но Губенин и Гончаров еще плотнее прижимали ватники к горловине люка.

Тем временем плотник Волков и шофер Стариков, зацепив трактором горящий бензовоз, оттащили его в безопасное место.

На помощь самоотверженной четверке пришли люди.

Огонь был побежден.

Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации Д. Волков, В. Гончаров, С. Губенин и М. Стариков награждены медалями «За отвагу на пожаре».

ШЕЛ СОЛДАТ ПО УЛИЦЕ...

— Рядовой Зеленко! Что с вами? — спросил командир.

Подразделение купалось. Молодые здоровые парни играли в воде. На груди и на спине у солдата Зеленко — ссадины, царапины. Откуда?

— Да вот, товарищ командир, шел я по улице...

И Антон Зеленко рассказал.

Послали его по каким-то солдатским делам в поселок. Шел солдат по улице, видит — толпа у колодца газопровода. Люди беспокоятся, кричат, кто-то «Скорую помощь» побежал вызывать.

— Что случилось? — спросил Зеленко.

— Газ! Газ в колодец просочился! Ремонтник там, в колодце! У вас есть противогаз?

Противогаза у Зеленко не было.

— Бригадир полез спасать и тоже задохнулся!

Зеленко скинул гимнастерку.

— Куда! Тоже задохнешься! — останавливали его.

— Я мокрую майку на лицо повяжу, — ответил солдат. — Говорят, помогает.

Обвязав себя веревкой, сказав, чтоб тянули, когда он дернет, Зеленко полез в колодец. Газ комом сжал горло, в голове застучало, цветные круги поплыли перед глазами. Хотелось выскочить из колодца, хоть разок глотнуть свежего воздуха. Но Зеленко дернул веревку только тогда, когда крепко обвязал ею ремонтника.

Их вытащили.

Зеленко тоже потерял сознание. Очнулся уже на мостовой. Земля плыла под ногами. Отдышался Зеленко немножко — и снова в колодец, за бригадиром. Снова газ, удушье, словно в полубреду найденное тело бригадира, рывок за веревку, и снова потеря сознания.

Когда к месту происшествия приехала машина «Скорой помощи», Антон, пошатываясь от отравления газом, дрожащими руками натягивал обмундирование.

— Вас в больницу надо, — говорили ему.

— Некогда. Мне задание выполнять нужно, — сказал солдат.

— А фамилия-то ваша как?

— Это военная тайна, — усмехнулся Зеленко.

Люди отступились. Трудно было понять, что даже в такую минуту солдат может шутить.

СНИМКИ РАССКАЗЫВАЮТ

СКАЛОЛАЗЫ
С ОСТРОВА
МЮГГЕНЕС

...Дальше через этот мост пойдут одни мужчины. Тихо звучат прощальные слова, пожелания удачи. Женщины и дети остаются у реки. Мужчины, вооруженные дубинками, исчезают в темноте. Так начинается ночная охота на птиц.

...На краю Европы, между Англией и Исландией поднимаются из волн Северной Атлантики Фарерские острова. Самая западная точка среди них — остров Мюнгенес. Суров здесь климат. Остров испещрен ущельями, ни одного деревца не заметит глаз, только редкая трава да мхи покрывают скалы. В низеньких закопченных домишках живут фарерцы. Они содержат кое-какой скот и выезжают в маленьких открытых лодках на ловлю рыбы. Но все это плохо когмит отрезанных от Большой земли людей. Фарерцам приходится вести постоянную борьбу за существование.

Издавна у жителей острова существует промысел — охота на больших белых птиц — глупышей. Прилетая каждую весну из южных стран, сулы, как называют глупышей фарерцы, устраивают на Мюнгенесе птичьи базары. Здесь, гнездясь в труднодоступных ущельях, сулы высидывают своих птенцов. На всем земном шаре насчитывается лишь около 20 крупных гнездовых глупышей.

Промысел начинается обычно в сентябре, когда подрастает молодое поколение.

...Вот охотник, словно заядлый альпинист, ловно преодолевает восьмидесятиметровую пропасть. Товарищи при помощи веревки подстраховывают смельчана. Проходит немало времени, прежде чем охотники-скалолазы без всякого специального снаряжения один за другим спускаются на дно ущелья. Теперь нужно высматривать спящих птиц, которые прячутся за камнями, в расщелинах. Высматривать осторожно, чтобы не спугнуть. Условный сигнал возвещает начало охоты.

Только на рассвете возвращаются охотники в селение. Убитых птиц делят поровну. Сотни голодных людей получают вкусную пищу: мясо сулы, хотя и сильно отдаст рыбой, считается у фарерцев деликатесом. Однако охотники убивают строго определенное число птиц, хорошо понимая, что «урожай» не вырастет без посева.

Ночной промысел в скалах полон риска, опасностей и неожиданностей. Вот почему удачная охота — это главное ежегодное событие в жизни маленького народа — завершается по вековым традициям веселым праздником всего населения острова.

ГЮНТЕР ПРОДЕЛЬ

БАНДА ДИЛЛИНГЕРА

Рисунки Г. Храпака

Гюнтер Продель, писатель Германской Демократической Республики, известен как автор многих детективных рассказов. Произведения этого писателя привлекают не только своим мастерством. Г. Проделю удается показать природу многих преступлений, вскрыть их социальные, а порой и политические мотивы. Сейчас писатель работает над новым романом.

Полдень. Через полчаса — конец работы Чикагского национального банка. К подъезду банка медленно подъехал темно-синий лимузин. Из него вышло пятеро молодых людей. Несмотря на холодное время года, все они были в одних костюмах и шляпах. Каждый нес легкий плащ, перекинутый через правую руку.

Редкие прохожие, которые спешили мимо стоявшего с заглушенным мотором автомобиля, едва ли обратили внимание на то, как пятеро мужчин размеренным шагом, словно они служили в правлении банка, поднялись по каменным ступеням к главному входу. Никто даже не заподозрил, что каждый из них держал под плащом тридцатидвухзарядный автомат.

Шофер лимузина тоже вытащил из-под сиденья автомат и, спустив с предохранителя, положил рядом с собой. Мужчины скрылись за величественным порталом. Один из них, словно портье, остановился у входа, вытащил из кармана картонную табличку и пневматической присоской прикрепил ее к стеклянной двери. Теперь каждый, кто подходил к portalу с улицы, мог прочитать, что кассы банка временно закрыты.

Четверо мужчин миновали вестибюль и вошли в помпезно отделанный операционный зал банка, где около сотни человек занимались своими денежными делами.

Снова один с плащом остался у двери. Трое двинулись туда, где за окошечками стоял большой сейф с распахнутыми настежь бронированными створками. Слово по команде все трое сдернули вдруг плащи, и теперь каждый мог видеть тонкий вороненый ствол. Но люди, толпившиеся у касс, не обратили внимания на шедших.

Тогда тот, что остался у двери, поднял оружие, нажал спуск. Выстрелы разбили люстру и лепной орнамент. Гипсовая пыль и стеклянные осколки посыпались на пол. Там уже, вытянувшись, как новобранцы на плацу, и не смея поднять головы, лежали люди. Да им и не надо было оглядываться по сторонам, чтобы понять происходящее. Вот уже два года, по крайней мере раз в неделю, они читали в газетах о подобных происшествиях. Поэтому фраза, которую произнес человек в дверях: «Здесь совершается ограбление банка. Кто пошевелится — будет убит», — была лишней.

Воцарилась напряженная тишина. У некоторых из тех, кто лежал на полу, было оружие, и они подумывали незаметно достать его. В конце концов их тут больше сотни, а гангстеров только четверо, и они не могут уследить за каждым. Так думали многие, но тотчас же им на память приходили броские заголовки газет: «262 человека убито при ограблении банка!» И у всех было только одно желание — не стать 263-й жертвой.

Кассир в черных рукавниках, сидевший рядом с открытым сейфом, сначала тоже подумал о сопротивлении, о белой кнопке сигнала тревоги, которая была всего в полуметре от него. Он подумал и о том, что утром газеты напишут: «Геройский поступок кассира сорвал план ограбления банка», — и поместят на первой странице его большой портрет, а дирекция банка сделает его старшим кассиром. Для этого ему надо было лишь незаметно протянуть руку — через одну-две минуты полиция была бы уже здесь. Но он подумал также, что пуля может достичь своей цели значительно раньше полиции, и тогда за верность Национальному банку он заплатит жизнью.

Кассир не нажал на сигнал тревоги. Он послушно поднял обе руки и направился к сейфу, едва только гангстер у входа крикнул: «Эй, ты, там, у сейфа, помоги уложить деньги! Живо, или получишь пулю!»

Дрожащими руками кассир взялся за серый мешок. Сначала он пытался считать, сколько долларовых пачек исчезало в мешке, но скоро сбился и бросил.

Когда гангстер с туго набитым мешком направился к выходу, его сообщник у двери снова нажал на спуск автомата. Пули пронеслись всего лишь в нескольких сантиметрах над головами лежащих и разом оборвали все мысли о преследовании.

Шофер лимузина удивленно поднял брови: пули разбили в здании банка два оконных стекла, и осколки сыпались на тротуар. Прохожие в страхе расступились. Полицейский на перекрестке, заметив происшедшее, побежал к банку, на ходу доставая из кобуры пистолет. Человек у руля тоже взялся за оружие. Он положил ствол на дверцу машины с правой стороны и облокотился на него, словно шофер такси, который, скупая, поджидает пассажиров. Чтобы действовать наверняка, он решил подпустить полицейского до самых ступенек портала. Но когда тот, еще не доходя до подъезда, поднес к губам полицейский свисток, гангстер выстрелил.

Полицейский ничком ткнулся в землю, словно споткнувшись на бегу.

Улицу, где находился Национальный банк, словно вымело ветром. Пятеро мужчин бросили мешок в машину и уехали.

Вечером того же дня пресса всей Америки сообщала, что банда Диллингера похитила из Чикагского банка штата Индиана 263 954 доллара. На этот раз убит только один полицейский О'Мелли.

Американская пресса использовала этот случай как повод еще раз рассказать читателям о «карьере» одного из самых опасных преступников Соединенных Штатов. Смакуя подробности, печать в 56-й раз — по числу преступлений Диллингера — поведала читателям, что Джон Диллингер, известный в преступных кругах под кличкой «Джон Убийца», родился в 1903 году в городишке Морсвилл штата Индиана. Он был сыном почтенного торговца Чарлза Диллингера, который к тому же являлся членом церковного совета. Первое преступление Джон совершил через 21 год после своего рождения, напав среди бела дня в парке на морсвиллского торговца колониальными товарами Моргана.

Тогда он впервые пустил в ход огнестрельное оружие, но ему не хватило опыта. Пули только раздробили парковую скамью, а Морган отделался простым испугом. Судья города, видимо, понял, что обещает в будущем этот подросток, и осудил Диллингера на десять лет. Это наказание Диллингер отбывал в устроенном по-современному исправительном доме для малолетних преступников «Индиан Реформатор». Методы «исправления», практикуемые там, не сделали из Джона честного гражданина. Напротив, он стал «государственным преступником номер один».

После четырех лет пребывания в исправительном доме губернатор штата отпустил Диллингера «под честное слово». В «благодарность» за это тот вместе с бандой, сколоченной в исправительном доме, совершал свои первые преступления исключительно в штате Индиана. Позднее банда перенесла свою деятельность в соседние штаты: Огайо, Мичиган, Иллинойс.

И каждый раз их «работа» сопровождалась такими жестокостями, что становилась известной всей Америке, хотя в годы экономического кризиса грабежи банков были делом обычным. Диллингер не довольствовался старыми методами гангстеров: «Руки вверх, и деньги на стол», — он стрелял в толпу без предупреждения, убивая каждого, кто попадался ему на пути к кассе. Эта жестокость со временем создала ему известность, которая способствовала его дальнейшему успеху. Никто не осмеливался сопротивляться, когда появлялись люди Диллингера с плащами, перекинутыми через правую руку.

Оружие, которым владела банда, стало собственностью гангстеров в одну из октябрьских ночей 1933 года, когда Джон Диллингер вместе с Гомером Ван Метером и Фрэнком Нэшем напали на полицейское отделение в штате Индиана. Покончив с полицейскими, гангстеры захватили два пулемета, несколько десятков пистолетов и шесть автоматов, дюжину ружей, четырнадцать ящиков с патронами и пулестойные жилеты. На двух автомашинах, одна из которых была похищена у полиции, они вывезли свою добычу.

И все же в 1933 году, когда на счету Диллингера было уже 45 ограблений, казалось, его настигло возмездие.

Бандита опознал шериф небольшого местечка Блатфон. Он запер его в камеру и с беспокойством ожидал чиновников полиции, которых вызвал по телефону, но вместо них в его кабинет вошли сообщники гангстера. Шериф был убит, а Диллингер снова оказался на свободе.

Местная пресса писала о загадочном убийстве шерифа из Блатфона. Но о поимке Диллингера и мгновенном его освобождении газеты не обмолвились ни словом. Таким образом, ни у кого даже не закралась мысль о том, как гангстеры разведали, где находится их босс. Ведь об этом знал только сам шериф да один-два человека из руководства ФБР!

После ограбления Чикагского национального банка все попытки поймать Диллингера оказались безрезультатными. Был оцеплен весь город, обшарены все углы, которые могли служить убежищем бандитам, и все же темно-синий лимузин, за рулем которого сидел сам Джон Убийца, словно сквозь землю провалился. А в то время как сыщики ФБР прочесывали притоны и игорные дома Чикаго, банда находилась в «двухнедельном отпуске». Гангстеры разъехались по самым фешенебельным курортам Соединенных Штатов. Сам Диллингер вместе с тремя закадычными друзьями отправился на неделю к морю во Флориду. Там им показалось слишком шумно, и они двинулись дальше, к горам Аризоны. Остановились на пару дней в небольшом местечке Таскон и, поселившись в Конгресс-отеле, наслаждались роскошью и покоем, словно люди высшего общества, как все те, кто принадлежит к десяти тысячам избранных семейств Америки. И здесь снова Диллингер случайно попал в руки деревенского шерифа.

В ночь на 26 января 1934 года в Конгресс-отеле начался пожар. В это время пьяные Диллингер и три его сообщника спали в номере. Через несколько минут от них осталась бы лишь кучка пепла, и ФБР, а вместе с ней и вся Америка так никогда и не узнали бы об их бесславном конце. Лишь в по-

следний момент всю четверку спас пожарник Джемс Фримен и отправил пострадавших в госпиталь Таскона, потому что гангстеры отравились дымом.

В тот же день Джемс Фримен, листая на дежурстве иллюстрированные журналы, увидел большую фотографию Диллингера. Фримена охватил страх. Он вспомнил лицо одного из четверых, спасенных им несколько часов назад. Фримен внимательнее взгляделся в фотографию и окончательно уверился, что прав.

Шериф Джордж Хантер рассмеялся, когда Фримен сообщил ему, что «государственный преступник номер один», пьяный и отравленный дымом, лежит в госпитале. Но Фримен так настаивал, что Хантер, наконец, удосужился послать в больницу чиновника. То, что шериф считал дурной шуткой или по крайней мере ошибкой, оказалось правдой. Два деревенских полицейских сделали то, чего не мог добиться весь аппарат ФБР. Полицейские надели наручники на Диллингера и его сообщников, словно это были простые бродяги, и препроводили их к онемевшему от изумления шерифу. На этот раз ближайшее отделение ФБР быстро выслало эскорт сыщиков. Похоже было, что банде Диллингера на самом деле пришел конец. Чтобы наверняка отправить пойманных на электрический стул, что при разнотечии уголовных законов в разных штатах не так-то легко сделать, заключенных переслали туда, где их точно ждал смертный приговор. Джона Диллингера самолетом отправили в штат Индиана — там он застрелил полицейского. Во всех американских штатах убийство полицейского карается смертью. Остальные три гангстера попали в штат Огайо — там ими был убит шериф из Блатфона. Вся Америка вздохнула с облегчением.

В тюрьме Краун-Пойнт с Диллингером обращались как с приговоренным к смерти. На руках и ногах у него были кандалы, держали его в камере-клетке из стальных прутьев, и день и ночь на него были направлены прожекторы. Три надзирателя с оружием на боевом взводе стерегли каждое его движение. Стража даже ночевала в тюрьме и была строго изолирована от внешнего мира. От общественности место заключения Диллингера тщательно скрывалось.

И тем не менее через две недели после того, как Диллингера привезли в Краун-Пойнт, совершилось невероятное.

Камера Диллингера находилась в крыле IV—6, где содержались смертники; эта часть здания была наглухо отделена от остальной тюрьмы. Помимо гангстера, в той же камере сидел убийца Гарри Янгблуд. Его охраняли не менее строго, чем Диллингера.

14 февраля 1934 года в два часа дня, когда сменялись вторая и третья стражи, завывла тюремная сирена. Сигналы следовали попеременно: короткий — длинный, короткий — длинный. Так оповещали только о большом побеге, о бунте заключенных или пожаре. По этому сигналу вся стража должна была тотчас собраться на тюремном дворе. В соответствии с инструкцией надзиратели приговоренных к смерти тоже вышли во двор.

Все полицейские были обеспокоены. Никто не знал, почему был дан сигнал тревоги, хотя в тюрьме царил полный порядок. Оставалось только предположить, что сирена завывала сама

собой: видимо, какая-то техническая неисправность. Стража вернулась на места. Когда надзиратели Диллингера подошли к освещенной прожекторами клетке смертников, они остолбенели. Потом послушно подняли руки. Перед дверью камеры стоял без кандалов сам Джон Диллингер. На стражу смотрело дуло тяжелого автомата. Рядом с Диллингером, тоже без наручников, стоял Гарри Янгблуд. Нахально ухмыляясь, Янгблуд приблизился к страже.

Трое насмерть перепуганных надзирателей вели себя сейчас точно так же, как и банковские чиновники. Они были вооружены, они даже думали: «Если бы хоть у одного из нас хватило мужества вытащить пистолет!..» — но никто из них не решался играть со смертью. Они слишком хорошо знали, как быстро и метко стреляет Диллингер. Все трое были отцами семейств и исправными чиновниками, но никто из них не был национальным героем.

Гарри Янгблуд отобрал у них оружие и ключи от тюрьмы, запер их в опустевшей клетке. Из корпуса IV—6 можно было попасть в правление тюрьмы. Из правления в обход многочисленных сторожевых постов был путь на улицу.

Диллингер и Янгблуд добрались до выхода — там их ждал автомобиль Лилиан Холли, жены директора тюрьмы. Когда о побеге преступников стало известно, они были уже далеко.

Газеты дали специальные выпуски, население было взбудоражено до крайности. Вольно или невольно правительство вынуждено было заняться необычным происшествием. Несколько дней спустя журналистам показали деревянную модель автомата, якобы найденную на дороге, по которой скрылись беглецы. Возникла версия о том, будто бы «супер-гангстер» без всякой поддержки извне, сидя в камере, выстругал из дерева макет автомата и ввел в заблуждение стражу. Редакции серьезных газет расценили эту версию как выдумку.

Как мог Диллингер, которого охраняли день и ночь, не имея ножа, вырезать деревянный автомат? Как он снял кандалы, если у него не было ключа, и освободил не только себя, но и Янгблуда? Кто поднял сигнал тревоги, когда во всем штате на это имели право только два человека: губернатор и директор тюрьмы? Почему вдруг у тюремных ворот оказался автомобиль? Газеты задавали эти вопросы, но ответа на них не было. Вскоре пресса Америки вынуждена была признать: у Диллингера есть сообщники в управлении полиции. Правительству бросили открытый упрек: органы власти и полиция до такой степени подкуплены преступным миром, что именно они освободили Диллингера, боясь, как бы преступник не разоблачил их на открытом процессе.

Насколько справедливы все эти упреки и предположения, показывают действия верховного суда. Суд обвинял во всем стражу тюрьмы Краун-Пойнт. Жена директора тюрьмы Лилиан Холли и надзиратели той камеры, где сидел Диллингер, были арестованы как сообщники гангстера. Но общественность так ничего и не услышала о процессе над ними или о вынесенном приговоре. В действительности этих людей даже не судили, арест их был нужен для того, чтобы успокоить публику.

Но 16 марта все снова заговорили о побеге Диллингера.

«В местечке Форт Гурон в Мичигане был опознан полицией сообщник Диллингера по побегу Гарри Янгблуд. Янгблуд убит при перестрелке», — так писали газеты.

Каждому, кто читал эти строки, приходила мысль, что Янгблуд под угрозой неминуемого ареста оказал полицейским сопротивление и тем ничего не оставалось, как ответить выстрелами.

Однако все было иначе. Репортажи, помещенные в местной прессе, рассказывают: «Агенты ФБР получили доверительное сообщение, что 16 марта Диллингер встретится с Янгблудом в небольшом захолустном городишке Форт Гурон. Туда были стянуты две сотни агентов ФБР. Двоим из них удалось обнаружить Янгблуда в толпе прохожих. Сыщики неотступно следовали за ним. Когда Янгблуд оказался на тротуаре один, сыщики, недолго думая, открыли пальбу. Они попали в Янгблуда, но тому все же удалось спрятаться за углом. Оттуда он стал поливать полицейских огнем. Разгорелась перестрелка. Прохожие в ужасе шарахнулись в стороны, но двое из них уже лежали на земле. Потом Янгблуд ненадолго показался один. В ту же минуту он упал, подкошенный пулями, и умер...»

При таком изложении событий убийство Янгблуда кажется весьма странным. Вместо того чтобы продолжать слежку, которая наверняка бы привела к Диллингеру, сыщики воспользовались первым же случаем, чтобы убить Янгблуда в спину.

Неужели люди из ФБР действительно были так глупы?

Этому трудно поверить. Вернее предположить другое. Полиция вовсе не собиралась устанавливать, где скрывается сам Диллингер. Покровители Диллингера в сенате и полиции были крайне заинтересованы в том, чтобы устранить единственного свидетеля, знавшего тайну побега Диллингера.

После этого произошел еще один случай, когда Диллингер чуть не попался рядовым полицейским. Владелица пансиона «Линкольн Корт Апартамент» в Сан-Паулу сообщила, что последнее время у нее бывают какие-то подозрительные личности. Женщине показали фотографии преступников, и она сразу опознала Диллингера и нескольких его друзей. Начальник полицейского управления Сан-Паулу собрал отряд полиции и пытался захватить банду, но Диллингер бежал через крышу под прикрытием огня своего сообщника Ван Метера. Ван Метер и две женщины из банды Диллингера были схвачены. ФБР потребовало перевести гангстера в тюрьму в соседний штат, и там губернатор отпустил Ван Метера «под честное слово».

Полицейские Сан-Паулу допрашивали любовниц гангстеров — Бесси Скинер и Люси Джексон. К ним был применен так называемый «допрос третьей степени»: допрос в камере без окон, с безукоризненно белыми стенами, белым полом и потолком. Камеру освещала добрая дюжина прожекторов. Каждый, кого допрашивали здесь, очень скоро начинал говорить без всяких побоев.

Через два часа допроса Бесси и Люси «раскололись», как говорят в подобных кругах. Бесси показала, что она является любовницей Эдварда Грина, одного из членов банды Диллингера, и что Грин должен был ее навестить 3 апреля. Люси подтвердила, что она находится в связи с Фрэнком Нашем. Про-

шло еще два часа допроса, и она написала адрес дома, где должен скрываться Фрэнк. 3 апреля на квартире Бесси Скинер была устроена засада. Грин действительно пришел. Он так и не узнал, кто его предал. Агенты ФБР, засевшие на лестнице, встретили гангстера пулеметной очередью, едва только тот появился в пролете. А через несколько дней в Арканзасе был схвачен и Нэш. При аресте его тяжело ранили и отправили в ближайший крупный город в больницу. Из предосторожности его повезли туда не на машине, а в поезде.

На вокзале в Канзасе поезд поджидала группа мужчин в светлых летних костюмах. У каждого через правую руку был переброшен плащ. Едва только поезд остановился, как раздались выстрелы. Под прикрытием этого огня гангстеры атаковали вагон, где находился Нэш. Разгорелся бой. Из вагона стреляли агенты ФБР, с перрона палили гангстеры, а из вокзала — засевшая там железнодорожная полиция. Банда Диллингера не устояла. Гангстеры отступили, так и не освободив своего сообщника. Но борьба все равно не имела смысла: Фрэнка Нэша застрелил агент ФБР в тот самый момент, когда на перроне раздались первые выстрелы. Жертвами этой дикой перестрелки пали шеф полиции Олайн Рид, сыщик Рейонд Кеффри и двое полицейских из железнодорожной охраны.

В тот же день банда Диллингера напала в Канзасе на банк, убив при этом троих ни в чем не повинных прохожих. Следом за этим ограблением она совершила еще четыре дерзких нападения на банки штата Арканзас. Во время этих налетов было убито еще двенадцать человек. Диллингер и его банда вели себя так, как будто в Америке вообще не существовало полиции.

Пресса возмутилась. Было созвано совещание, на которое допустили лишь самых компетентных государственных чиновников и криминалистов. Но это совещание было похоже на капитуляцию государственной власти перед преступным миром.

«За последние двенадцать месяцев в Соединенных Штатах совершено 12 тысяч убийств и зарегистрировано полтора миллиона случаев других тяжелых уголовных преступлений: ограблений и покушений на убийство. 12 500 гангстеров лично известны полиции, тем не менее их не могут изловить. Полиция и слу-

жашие государственного аппарата настолько подкуплены преступным миром, что борьба с гангстерами практически невозможна. Через своих осведомителей преступники получают своевременную информацию о всех действиях полиции, а если из-за непредусмотрительности тот или иной преступник все же попадает в руки закона, то его освобождают «под честное слово», или же он при таинственных обстоятельствах бежит из тюрьмы. Борьба с коррупцией будет возможна только тогда, когда исчезнут банды гангстеров, а банды могут быть уничтожены, когда не станет коррупции», — это вынужден был открыто признать генеральный прокурор США.

«Господа, — сказал он в заключение своей речи, — я хотел бы, чтобы Соединенные Штаты и их полиция перестали быть объектом насмешек для всего мира, в том числе и для граждан самих Соединенных Штатов. Я хотел бы, чтобы наши граждане вновь обрели чувство уверенности и покоя. Я хотел бы, чтобы гангстерство, нашедшее свое самое отвратительное воплощение в банде Диллингера, было уничтожено тем или иным путем. Господа, я жду ваших предложений!»

Предложение было одно — объявить банде беспощадный террор. Всем агентам ФБР и полиции вменялось преследовать гангстеров Диллингера, как бешеных собак. Это значило, что с данной минуты любой полицейский в Америке мог без всякого окрика в спину убить любого человека, который покажется ему похожим на Диллингера или на кого-нибудь из его сообщников. В последующие месяцы этот приказ сделал многих полицейских убийцами ни в чем не повинных американских граждан.

Словно зная о решении правительства, Диллингер исчез. Казалось, он провалился сквозь землю. Сыщики обшаривали все известные им притоны. Тысячи полицейских шпионов и осведомителей шатались по кабакам, чтобы хоть что-то узнать о Диллингере. Из тюрьмы выпускали преступников в надежде, что они захотят встретиться с Диллингером и тем самым наведут полицию на след. Охота на Диллингера охватила весь континент. Но все было напрасно...

А в это время, когда шеф Чикагского отделения ФБР Пурвис устраивал грандиозные облавы, Джон Диллингер жил всего в двух кварталах от его главного штаба: можно сказать, в логове льва — в самом центре Чикаго. За шестьдесят долларов в день Диллингер снял комнату у Джемса Прохазко, который ушел из банды, потому что стал слишком стар. В этой квартире, превращенной в небольшую крепость, совершилась самая грандиозная махинация во всей истории американского уголовного мира. Джон Диллингер, чей портрет в стране был известнее, чем лица популярных кинозвезд, чьи отпечатки пальцев были у любого полицейского в самой захудалой деревне, этот Джон Диллингер за 10 тысяч долларов превратился в другого человека.

Идею переменить внешность Диллингеру подал юридический советник банды Лунс Пикет, а два врача банды — Лезер и Кэсседи — осуществили ее.

Отгороженные от мира пулеметами и мешками с песком, которыми Диллингер забаррикадировал свое жилище, врачи устроили в квартире подобие операционной. Доктор Лезер

взялся изменить форму головы бандита и придать другое выражение его узкому удлинённому лицу. Для этого он решил укоротить носовые хрящи, раздвинуть кости скул и подбородка, отчего вся голова должна была стать круглее, а лицо шире. Кэсседи брался заменить кожу на кончиках пальцев.

Мысль о том, что, подвергнувшись операции, он одурочит полицию так, как до сих пор еще никому не удалось, заставила Диллингера забыть всякую боль. Почти довольный, он улегся на обычный кухонный стол, который на пару часов стал операционным...

Пока заживали шрамы на лице и руках, Диллингер отпустил бородку и перекрасил волосы. О прежнем облике бандита теперь напоминали лишь большие оттопыренные уши и темные колючие глаза. Даже самые близкие его сообщники, которые знали об операции, и те недоверчиво сторонились, когда видели его новое лицо.

Чтобы испытать полицию и заодно пополнить опустевшую кассу банды, Диллингер вместе с Ван Метером, Чейзом и Джиллесом напали на Коммерческий банк в Индиане. Гангстерам досталось 90 тысяч долларов, но на этот раз ограбление не прошло гладко. У сейфа дежурил полицейский, который начал отстреливаться. Он, конечно, был убит. Но среди общей сумятицы один из кассиров включил сигнал тревоги. Правда, гангстеры успели скрыться с добычей еще до прихода полиции.

Новое ограбление, совершенное бандой, сводило на нет работу самых пронырливых сыщиков ФБР. Словно нарочно, чтобы выставить полицию в еще более жалком виде, Диллингер вместе с горсткой гангстеров освободил из тюрьмы в Техасе своих старых сообщников Клайда Барроу с его «подругой» Бонни Пастер, приговоренных к смерти за убийство двенадцати человек. Правда, здесь ФБР в какой-то мере добилось успеха: через несколько дней Клайда Барроу и Бонни Пастер убили на границе штатов Техас и Арканзас. Автомобиль, в котором они ехали, был буквально изрешечен пулями сыщиков.

Гордые своими успехами Федеральное бюро расследования выставило этот автомобиль на Международной выставке в Чикаго. Полицейский, который руководил операцией, по четыре

раза в день рассказывал посетителям, как он «со своими ребятами» изловил Клайда Барроу, самого опасного гангстера банды Диллингера. За рассказ и осмотр автомобиля посетители выставки платили два с половиной доллара.

Гибель к Диллингеру пришла с той стороны, откуда ее никто не ждал: его выдала маленькая, ничем не примечательная, но ревнивая женщина.

12 июля к Мелвису Г. Пурвису пришла владелица пансиона Анна Заге и с дружелюбной улыбкой сообщила, что послезавтра вечером она встретится с Джоном Диллингером на Линкольн-авеню у кино «Биограф», чтобы вместе с ним посмотреть картину «Мелодрама Манхэттена». Там будет еще одна дама, подруга Диллингера, но пусть это не смущает полицию. Если кто хочет видеть Диллингера, она может устроить такую встречу.

За свою информацию Анна Заге хотела бы получить сумму, назначенную за голову Диллингера, и «почетный эскорт» полицейских до гавани Нью-Йорк, откуда она намеревалась отплыть в Европу.

Пурвис схватился за голову. Самые хитрые и пронырливые ищейки ФБР годами охотились за Диллингером, и всегда он проскальзывал у них сквозь пальцы. Месяцами подслушивалось каждое слово у каждого перекрестка, в каждом воровском притоне. Агенты ФБР проглядели все глаза, и никаких следов! А тут вдруг является это рыжее тщедушное существо и выкладывает: «Если хотите взять Диллингера, приходите в субботу к кинотеатру «Биограф». Нет, в это Пурвис поверить не мог.

И тем не менее все сказанное Анной Заге было правдой. Много лет она была верной подругой Диллингера. По его настоянию она вступила с ним в законный брак и не один раз укрывала гангстера в своем пансионе — в двух кварталах от главного управления ФБР. Бессчетное количество раз она прощала ему его увлечения. Но из последней поездки по Америке, которую он предпринял, чтобы замести следы, Диллингер вернулся с новой подругой — двадцатилетней девицей и потребовал, чтобы Анна Заге законным порядком признала эту связь, потому что она сама якобы стала стара. Это было выше ее сил. Она по горло сыта преступной жизнью затравленного зверя, на которую он ее обрек... Пурвис обещал ей выдать вознаграждение и проводить до гавани. Он хотел даже прямо сейчас взять ее под охрану, чтобы с ней ничего не случилось. Но женщина отрицательно покачала головой: «Я должна быть там, а то вы его не узнаете. Он выглядит совсем иначе!» Так Пурвис впервые узнал о хирургической операции, изменившей лицо и отпечатки пальцев Диллингера.

Пурвис тотчас же информировал обо всем шефа ФБР. Однако он получил из Вашингтона инструкции, которые заставили его схватиться за голову.

На свидание Диллингер приходил один. Представлялась возможность взять его живым и узнать, кто покрывает его преступления, кто организовал побег из тюрьмы Краун-Пойнт. Наконец-то можно было бы очистить от коррупции аппарат полиции и правительства! А инструкции из Вашингтона приказывали: Джона Диллингера надо убить на месте!

Вне себя Пурвис кричал шефу: «Это бессмыслица! У нас еще два дня, чтобы подготовиться к встрече! Мы можем стянуть войска, оцепить всю местность. На этот раз Диллинггер не уйдет!» Но шеф стоял на своем. В заключение разговора он прибавил: «В подкрепление я пошлю самолетом двух человек — Ковли и Холлиса. Вам они хорошо известны».

Да, Мелвис Г. Пурвис знал этих людей. Холлис и Ковли были лучшими стрелками во всем корпусе ФБР.

22 июля 1934 года сеансы в чикагском театре «Биограф» кончались в половине девятого. Было светло. Пурвис сидел за рулем ничем не примечательной спортивной машины метрах в тридцати от выхода из кино. На заднем сиденье устроились Холлис и Ковли с пистолетами наготове. Когда из кино показались первые зрители, оба агента вышли. Пурвис остался в машине и запустил мотор. Чем больше людей выходило из кино, тем больше переодетых агентов вмешивалось в толпу, изображая праздных зевак. Холлис и Ковли знали Анну Заге. Перед этим ее представили сыщикам в том самом платье, которое она собиралась надеть в день встречи. Условились, что она как бы нечаянно обронит перчатку, если Диллинггер будет рядом с ней.

Пурвис первым увидел красную плоскую шляпу Анны Заге и белокурые волосы двадцатилетней подруги Джона. Диллингера он не узнал. Рядом с женщинами шел человек в светлой соломенной шляпе, в очках с золотой дужкой, с солидной сигаретой в углу рта и в заурядном костюме какого-нибудь почтенного бухгалтера. Ковли и Холлис, которые теперь тоже увидели тройку, разочарованно переглянулись. «Это не Диллинггер: эта бестия снова нас провела», — подумали они. Но тут Холлис увидел, как Анна Заге неожиданно наклонилась, поднимая перчатку, и слегка отстала.

Холлис тотчас же вытащил из кармана полицейский свисток. Раздался тонкий и пронзительный свист. Начался последний акт «охоты на бешеных собак».

Диллинггер сразу понял, что означает этот пронзительный свист.

Не оглядываясь, он бросился к ближайшему перекрестку. В руке у него был пистолет, но выстрелить он уже не успел.

Ковли разрядил свой пистолет с расстояния каких-нибудь двух метров. Диллинггер вдруг выпрямился на бегу, поднял оружие и упал, не успев надавить на спуск. Он упал навзничь на булыжник.

Выстрелы вызвали панику. Прохожие в ужасе бросались в стороны, набивались в подъезды домов. А через минуту они снова распахивали друг друга, чтобы поглазеть на изрешеченного пулями Диллингера. Через час радио и пресса Америки сообщили, что государственный «преступник номер один» убит.

И в ту же ночь Мелвис Г. Пурвис, шеф Чикагского отделения ФБР, написал прошение об отставке.

22 июля 1934 года Джон Диллинггер понес наказание, которое он, несомненно, заслужил. Та же участь постигла и остальных членов банды: их убивали прямо на улице.

Эта охота на людей, «как на бешеных собак», проводимая по закону джунглей, имела самые непредвиденные последствия.

Если бы Диллингер умер своей смертью, его бы забыли. Пули ФБР создали ему легендарную славу. Охота «без жалости и пощады» вознесла гангстеров на пьедестал. Это показали хотя бы похороны Диллингера.

В Морсвилле, местечке, где родился Диллингер, ему устроили похороны, словно национальному герою. И власти попустительствовали этому. За гробом гангстера шли тысячи людей. Присутствовали все почетные граждане Морсвилла, пел мужской квартет, Геверенд Филмор, который некогда крестил Диллингера, благословил его в царство божие.

Преступления Диллингера стали темой миллионов книжонок, в которых идеализировались гангстеры и высмеивались законы и полиция. Жадную до приключений молодежь легенды о Диллингере толкали на подражание. За последующие двадцать пять лет на этих легендах воспитывались тысячи новых преступников. И до сих пор еще в Америке, Западной Европе и, в частности, в ФРГ совершаются преступления по методу Диллингера. Героизация преступлений в бесчисленных комиксах, распространяемых по всему свету, нанесла и наносит куда больший вред, чем сама банда.

Перевод с немецкого О. КОКОРИНА

ЗАМЕТКИ О ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Б. ДВОРСОН

Рисунки В. Чижикова

Что такое детектив? Свое название этот жанр литературы получил от английского слова «to detective», что значит «искать», «отыскивать»: ведь в основе детективного произведения всегда лежит какая-нибудь тайна, которую нужно раскрыть. Тайна определяет конфликт, тайна служит стержнем сюжета, тайна движет действие... «Детективный роман, — писал английский знаток литературы этого жанра А. Дж. Кримсон-Смит, — это разгаданная тайна». Но отнюдь не сборник логических задач и упражнений, как утверждают некоторые западные критики.

* * *

Когда возник детектив? На этот вопрос ответить так же трудно, как и на такой: когда и кто сложил первую песню?

С давних времен человек сталкивался с великим множеством тайн. И поскольку нет такой загадки, которую невозможно было бы разгадать, то всегда находились люди, которым это оказывалось по силам. Человечество сохранило память о них, из поколения в поколение передавая легенды и сказки, которые восхищают нас до сих пор своей поэтичностью и остротой мысли. Сквозь тысячелетия дошла до нас легенда об Архимеде, который доказал бесцельность придворного ювелира. Множест-

во остроумнейших разгадок волнующих тайн сохранилось в арабских сказках «1001 ночь». Правда, в легендах и сказках за разбор запутаннейших случаев, за поиски бесчестного человека или пропавшего верблюда брались люди, случайно, волею обстоятельств превратившиеся в детективов. Здесь еще не было сыщика-профессионала. Такой герой — и в жизни и в литературе — появился много веков спустя.

* * *

Детектив как литературный жанр возник в XIX веке. Во Франции, например, это было связано с появлением огромного полицейского аппарата. Став первым консулом, Наполеон Бонапарт решил обезопасить свою власть от посягательств роялистов. Помимо уже существовавшего министерства полиции, он создает еще и префектуру полиции. Возникает сеть тайных шпионов.

Болезненным интересом к деятельности тайного агента, страхом перед ним можно объяснить тот ошеломляющий успех, который выпал на долю «Записок» Видока, бывшего начальника парижской тайной полиции. Видок — характерная фигура для полиции того времени.

Сначала вор, шулер, дезертир, Видок вошел в сделку с полицией и стал секретным агентом. Впоследствии он сделался начальником парижской тайной полиции. Видок, по свидетельствам современников, выловил около 20 тысяч преступников. Несмотря на это, имя Видока стало символом низости и подлости, потому что ради своих целей он не гнушался ни доносом, ни провокацией.

Деятельность агентов тайной полиции давала богатейший материал писателям. Так, Бальзак в романе «Темное дело» рассказывает о загадочной драме, разыгравшейся в поместье Сен-Син. Рисуя образы сыщиков Перада и Корантена, воздавая должное их мастерству, Бальзак в то же время с присущей ему беспощадностью показывает, на службу каким низким целям поставлено это мастерство. Бальзак писал, что замысел романа «Темное дело» состоит в том, чтобы «изобразить политическую полицию в ее столкновении с частной жизнью, показать всю мерзость ее деяний».

Многолетний поединок сыщика Жавера с Жаном Вальжаном в романе В. Гюго «Отверженные» помог великому романисту раскрыть всю бессмысленность и жестокость законов, направленных будто бы на «исправление личности».

Провокатором, карьеристом, тупоголовым служакой — вот кем выступал полицейский агент в романах выдающихся писателей Франции. Но, говоря о Пераде, Корантене и Жавере, хочется отметить, что это были жизненно достоверные, цельные художественные образы со своим сложным, противоречивым внутренним миром, своей логикой мышления и поступков. Создавая фигуры глубоко антипатичных и ненавидимых им людей,

Бальзак и Гюго нигде не поступились правдой жизни. «Темное дело», «Блеск и нищета куртизанок», «Отверженные» положили начало тому, что можно было бы назвать социальным детективом.

* * *

Несколько десятилетий спустя в детективную литературу на смену Видоку пришел новый персонаж. Он олицетворял частную инициативу, энергию предприимчивого человека буржуазного общества. Новый герой стоял на голову выше любого шефа полиции, открыто вместе с читателем смеялся над неуклюжестью профессиональных сыщиков и... занимался тем же, чем и любой тайный агент. Этим персонажем был сыщик-любитель: Легран и Дюпен у Эдгара По, Шерлок Холмс у Конан-Дойла, священник Броун у Честертона, журналист Рулетабль, герой романа и пьесы Густава Леру «Тайна желтой комнаты».

Все они работали «из любви к искусству». Все они, пользуясь независимостью положения, нередко сами вершили правый суд, если выяснялось, что пойманный ими преступник уже не представляет опасности для общества.

Сыщик-любитель, как правило, был способен состязаться по глубине и обширности своих познаний с учеными. Скажем, Дюпен прочел несметное количество книг, был тонким знатоком театра, изучал труды знаменитых естествоиспытателей, подкреплял свои суждения различными сведениями из области химии, физики, математики, археологии.

Однако привлекательнее всего в Дюпене его блестящие аналитические способности. В одном случае они позволяют ему по некоторым деталям, упущенным полицией, восстановить картину жестокого убийства («Двойное убийство на улице Морг»), в другом — выйти победителем из напряженного психологического поединка с умнейшим преступником министром Д. («Похищенное письмо»).

И все же читатель, знакомясь с Дюпеном, где-то в глубине души оставался неудовлетворенным. Ему хотелось больше знать о Дюпене-человеке.

Этот обостренный интерес к личности героя-сыщика уловил Конан-Дойл. Его Шерлок Холмс — колоритная, ярко обрисованная фигура. Наблюдательность, смелость и логика Шерлока Холмса вызывают наше неизменное восхищение. К тому же мы во всех подробностях посвящены в уклад жизни на Бекер-стрит, знаем, что в короткие часы отдыха Холмс играет на скрипке, знаем о его занятиях судебной медициной и о том, что он написал ряд исследований о структуре пепла табака.

Создание классического детективного романа связано с именем Уилки Коллинза. Говорят, умирая, писатель просил положить на его могилу плиту с короткой надписью: «Здесь лежит автор «Женщины в белом». Этот роман читали тогда в Англии все: от мальчишек — чистильщиков

сапог до аристократов в фамильных особняках. Но другой известный у нас роман Коллинза «Лунный камень» не менее интересен, чем «Женщина в белом».

Мрачная тень страшной тайны лежит на страницах его книг. Тайна властвует над умами и чувствами героев. Характеры и судьбы людей оказываются тем кристаллом, сквозь который смотрит читатель на загадочные события. Каждая глава в романах Коллинза — это рассказ одного из действующих лиц. Сообразно своему характеру, образованию, уму, наклонностям и социальному положению каждый герой излагает суть дела в той его части, которая ему известна. Но Коллинз умышленно не вводит в роман героя, который собрал бы все факты и в конечном итоге сам, без посторонней помощи, разгадал тайну.

Это автор предоставляет читателю. Ему Коллинз поручает проследить и додумать все связанное с тайной до конца. Читатель становится тем всевидящим и всезнающим Шерлоком Холмсом, которого, как могло показаться, не хватало в книге.

Многие черты тогдашней жизни обрисовали мастера английского детектива: борьба за наследство, страшная сила денег, жестокость и бюрократизм законодательства.

Быть может, порой односторонне, порой искаженно, но все-таки классический буржуазный детектив в какой-то степени отразил некоторые существенные особенности капиталистического общества. Отметил и прогресс, достигнутый в науке, внес даже известный вклад в развитие криминалистики. В Америке до сих пор существует Общество по дальнейшему развитию дедуктивного метода имени Шерлока Холмса. Членами этого общества в настоящее время являются многие известные ученые.

Неожиданно открывшиеся возможности детективного романа оказались огромными. Для писателя, работающего в этом жанре, по существу, не было узких, локальных тем. Детективный роман предоставлял большие возможности и для постановки социальных проблем. И буржуазия приложила немало усилий и внушительных чекков, чтобы сделать детективную литературу чисто развлекательной. Героем многочисленных книг стал ординарный сыщик, опасный главным образом силой своих мускулов.

* * *

Советский детектив возник в условиях победы социалистической революции, поэтому перед ним сразу встали задачи подчеркнуть непримиримость классовой борьбы, превосходство социалистической морали над моралью буржуазной, показать нового героя, который борется с отживающим миром.

В двадцатые годы, вскоре после окончания гражданской войны, возник так называемый «Красный Пинкертон». В основном это были

подражательные пустопорожние книжки по типу обычного, дешевого «Пинкертон»: головокружительные приключения какого-нибудь удачливого героя-сыщика. Лишь в немногих произведениях впоследствии известных советских писателей была сделана попытка, обратившись к детективным сюжетам и темам, показать реальные столкновения эпохи. То были повести и рассказы В. Каверина, Б. Лавренева, Л. Никулина, Л. Борисова, Л. Шейнина. Особенно интересны новеллы Вениамина Каверина «Большая игра» и роман Леонида Борисова «Ход конем».

«Большая игра» — это история похищения агентом английской полиции Стивеном Вудом секретного документа у бывшего русского посла в Абиссинии профессора Панаева.

В романе Л. Борисова рассказывалось, как было раскрыто преступление, совершенное в Ленинграде, на улице Марата.

Поначалу, когда было совершено убийство некоей гражданки Шатуновской, подозрения пали на душевнобольного Галкина, который знал Шатуновскую и имел основания ее ненавидеть. Но, разыскивая Галкина, следствие нападает на другие следы и в конце концов находит настоящего убийцу, бывшего агента Третьего отделения, провокатора Зажогоина.

Роман этот примечателен не только искусным построением сюжета, но и тем, что в ходе расследования постепенно, как изображение на фотографической бумаге, проступали образы всех действующих лиц этой сложной и трагической истории. Детективный роман «Ход конем» при несомненных художественных достоинствах давал верное представление о сложной обстановке двадцатых годов. Не случайно эту книгу высоко оценил Максим Горький.

Заметной вехой в истории советского детектива явились новеллы криминалиста Льва Шейнина, вошедшие в его книги «Записки следователя», «Лицом к лицу», «Старый знакомый».

Документально достоверные, они привлекают жизненной правдой, остротой и напряженностью сюжета. Но главная заслуга Шейнина, конечно, в том, что он первый в нашей литературе создал образ советского следователя.

Героя отличала преданность революционной идее, народу, обостренная профессиональная зоркость, искусное владение всеми средствами криминалистической науки. И все же самое волнующее в героях Шейнина — их человечность, социалистический гуманизм, который становится основой, фундаментом их профессионального мастерства.

Вспомним рассказ «Охотничий нож», где следователь, познакомившись с обвиненным в убийстве доцентом Вороновым, поверил этому человеку, поверил, что на далеком острове произошла трудно объяснимая трагическая случайность. Изучая все обстоятельства дела, следователь доказал, что профессор Буров погиб от несчастного случая, проталкивая застрявший в стволе ружья патрон. Чуткость, сочувствие человеческому горю, сознание личной ответственности за жизнь и благополучие каждого советского человека — вот что руководит героями Шейнина в их нелегкой повседневной работе.

Свыше двух десятилетий работает в области детектива и научной фантастики Николай Томан, инженер в прошлом и офицер инженерных войск в годы Великой Отечественной войны. Томан нередко строит свои детективные повести и рассказы на какой-нибудь сложной технической загадке, процесс раскрытия которой не только занимателен сам по себе, но и приводит главного героя — следователя — а вместе с ним и читателя к неожиданному открытию.

В этом отношении удачна короткая повесть «Что происходит в тишине». Командование одного из участков фронта (время действия повести — 1943 год) установило, что фашисты всякий раз оказываются заранее осведомленными о планах наступательных операций советских войск. Требовалось срочно найти, каким путем противник получает эти сведения.

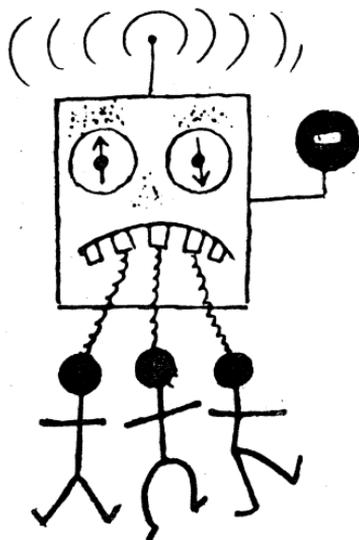
Задача была поручена молодому контрразведчику капитану Астахову. Перед читателем раскрывается сложный процесс поиска, читатель следит за развитием мысли героя, которому в конце концов удалось раскрыть тайну: Астахов обнаружил миниатюрный телевизионный приемник, вмонтированный в мощную электрическую лампу, висевшую над чертежным столом в штабе.

Года три назад в альманахе «Мир приключений» появилась повесть Е. Рысса и Л. Рахманова «Домик на болоте» — талантливый образец психологического детектива. В центре произведения — образ одаренного начинающего следователя Володи Старичкова.

Володя Старичков — юноша из провинциального городка. Перепробовав несколько специальностей, сменив два института, он случайно стал следователем. И тут выяснилось, что именно эта специальность и является его призванием. Биография Старичкова — это как бы многозарядное, многоствольное ружье, которое в положенное время по очереди стреляет из всех своих стволов.

Биография героя раскрывает его характер, объясняет, почему именно Старичков был послан на расследование преступления, совершенного в биологической лаборатории профессора Кострова. Прошлое Старичкова помогает понять всю трудность ситуации, в которой очутился герой, когда ему пришлось предстать в роли следователя перед своим бывшим учителем.

Присматриваясь теперь к тем детективным произведениям, которые выдержали проверку временем, видишь, что в

лучших детективных повестях и рассказах наших писателей была правда истории, правда внутренней жизни человека.

* * *

Ни для кого не секрет, что наряду с хорошими произведениями этого жанра еще очень и очень много таких, которые не хочется ставить на свою книжную полку...

Некоторые литераторы — особенно многие авторы «Библиотечки военных приключений» — искренне убеждены в том, что детектив не требует ни опыта, ни литературной техники, ни знания специфики жанра. По их мнению, вполне достаточно, раздобыв кое-какие, возможно, в самом деле интересные для писателя-приключенца материалы, придать рапортам оперативных работников и протоколам допросов некую беллетризованную форму и издать их под видом детективной повести или новеллы.

Именно так и поступил В. Привальский, опубликовав свой рассказ «Старый чачван» в альманахе «Мир приключений» за 1959 год. Автор с утомительной добросовестностью описал все известные ему обстоятельства одного уголовного дела: кража, ошибка милиционера Хасанова, гибель Хасанова, решение более дальновидного оперативного уполномоченного Рахманова и т. п. Подобная обстоятельность, вполне пригодная для газетной информации в разделе «Происшествия», оказалась совершенно недостаточной для создания рассказа.

Зато в повести А. Автокротова «Серая скала» читатель найдет «все приметы» детективного жанра: и загадочные письмена на поленище дров, и полустертые надписи на стенах бывшей камеры пыток, и сумасшедшего, который носится по улицам города, повторяя восточные заклинания, и подземелье, где живут — в полной парадной форме — эсэсовцы. Не найдут читатели здесь только одного — правдоподобия. «Серая скала» — это попытка создать что-то вроде модного за рубежом «романа ужасов».

Так усилиями иных авторов детектив превращается в глазах читателя во второсортную литературу.

Все это тем печальнее, что детектив в принципе не только очень интересный жанр, но жанр многообещающий. То, что мы привыкли называть детективом, есть только одна из его разновидностей — уголовный детектив. Но разве в окружающей нас действительности нет тайн иного рода? Разве мало загадок, пророжденных героическими и трагическими событиями недавней войны?

А ведь именно этому посвящены повесть Н. Москвина «След человека» и хорошо известная книга С. С. Смирнова «В поисках героев Брестской крепости».

«Должен сказать, — писал С. С. Смирнов, — что тема Брестской крепости как-то сразу захватила меня. В ней ощущалось присутствие большой и еще не раскрытой тайны, открывалось огромное поле для изысканий, для нелегкой, но увлекательной исследовательской работы».

И в самом деле, по обрывкам сведений, по слухам и противоречивым показаниям очевидцев писатель постепенно восстанавливал картину героической борьбы наших бойцов и командиров в первые недели Отечественной войны. При этом автор книги выступал не только как историк и летописец. Известно, что пос-

ле войны судьба некоторых участников героической обороны Бреста сложилась неудачно. Некоторым из них, побывавшим в плену, были предъявлены серьезные обвинения.

Располагая дотоле неизвестными фактами, С. С. Смирнов взял на себя обязанность следователя-общественника и обратился в вышестоящие инстанции с просьбой пересмотреть дела тт. Филя, Гавриловича, Клыпы и других. После пересмотра все они были полностью реабилитированы. Многие участники героической обороны удостоились правительственных наград.

А наука, современная наука, где каждое большое или малое открытие — увлекательнейшая повесть или новелла? Вот рассказы литературоведа Ираклия Андроникова. Автор описывает историю поиска обязанности портрета М. Ю. Лермонтова, а потом, когда портрет был найден, не менее увлекательную историю того, как с помощью новейших методов криминалистики удалось доказать, что изображенный на портрете офицер в форме Гродненского гусарского полка — М. Ю. Лермонтов.

Немало научно-детективных рассказов создано ученым, писателем-фантастом И. Ефремовым. Вспомним такой известный рассказ, как «Алмазная трубка», где Ефремов высказал предположение, что на востоке страны должны быть найдены алмазы, — предположение, блестяще подтвердившееся в последующие годы. Или рассказ «Озеро горных духов», в котором раскрывается тайна далекого горного озера, связанная с месторождением ртути.

Несомненный интерес представляет и рассказ-памфлет молодого писателя А. Днепровца «Уравнения Максвелла», содержание которого в двух словах таково. Профессор математики Раух был заинтригован тем, каким образом одна из фирм, скажочно быстро выполняя сложнейшие счетные работы, может обходиться без современных электронно-счетных машин. Разгадка привела его к раскрытию чудовищного преступления: кучка негодяев, создав импульсный генератор, способный интенсифицировать и подавлять работу центров головного мозга, использовала этот аппарат для бесчеловечной эксплуатации математических способностей одаренных людей.

Как и в рассказах И. Ефремова, здесь гармонично сочетаются элементы детектива и научной фантастики. Нам представляется, что научный детектив — одно из многообещающих направлений этой литературы.

* * *

Эти короткие заметки не претендуют на сколько-нибудь полный обзор литературы детективного жанра. Нам лишь хотелось на ряде примеров показать, что детектив может и должен занимать достойное место в нашей литературе.

Григорий Никитич Гребнев (Грибоносков) родился в 1902 году в Одессе в семье кузнеца. Прежде чем стать писателем, он переменил множество профессий и занятий: работал подручным котельщика на судовверфях, грузчиком в порту, факельщиком, был судебским секретарем, актером, начальником районной милиции, учился. В качестве корреспондента «Крестьянской газеты» и «Гудка» он извездил и исходил почти весь Советский Союз, работал очеркистом во многих газетах и журналах.

Г. Гребнев — автор сборника «Потешный взвод», книг для детей младшего возраста «Командир Первой Конной» и «Самолет над полярными льдами», многих рассказов.

Широкую известность в свое время получил написанный Г. Гребневым фантастический роман «Арктания» («Летающая станция»). Он печатался сначала в журнале «Пионер», затем был выпущен в 1938 году отдельной книгой, а после войны вышел новый, переработанный вариант романа — «Тайна подводной скалы». О романе «Арктания», посвященном освоению Арктики, достижениям науки и техники будущего, положительно отзывался А. Р. Беляев.

Перу Гребнева принадлежат, кроме того, приключенческая повесть «Пропавшие сокровища» и фантастический роман «Мир иной» (к сожалению, он остался незавершенным: Г. Н. Гребнев умер в 1960 году. Опубликована только первая часть романа).

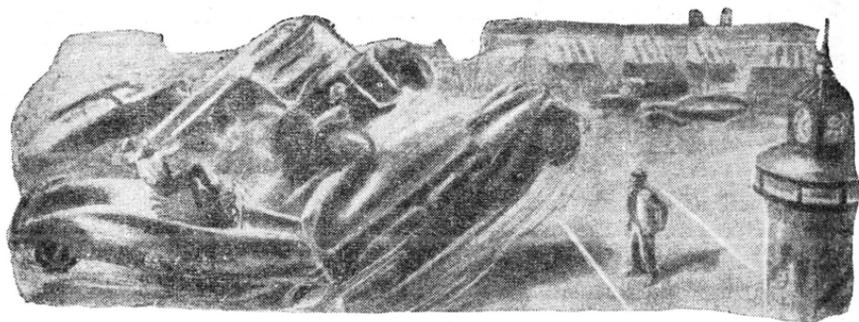
Мы печатаем (с некоторыми сокращениями) фантастический рассказ Г. Гребнева «Невредимка», впервые помещенный в журнале «Вокруг света» в 1939 году.

Борис ЛЯПУНОВ

„Невредимка“

КАТАСТРОФА НА УЛИЦЕ СВЯТОГО ДУХА

В Зурбайле, на улице Святого духа, от светофора до светофора — полкилометра, а шириной своей эта улица известна на всем континенте. Шоферы ведут машины по улице Святого духа в несколько рядов и почти всегда на высшей скорости. Правила уличного движения здесь особенно строгие, и малей-

шие отклонения от них грозят серьезными неприятностями. Но 15 июля, когда красный сигнал задержал пешеходов и от ближайшего перекрестка ринулась вперед лавина автомобилей, высокий молодой человек вдруг шагнул на мостовую и преспокойно направился к противоположному тротуару.

Шоферы уже заметили неосторожного ротозея и сигналили издали. Вряд ли кто из них затормозил бы: шоферы надеялись, что молодой человек в последний момент славирует между автомобилями. Но он по-прежнему брел через улицу не спеша, безмятежно глядя в небо, и придерживал рукой какую-то темную вещицу, висевшую у него на груди. Внезапно пешеход остановился. Машины были в нескольких шагах, гудки их ревели, шоферы неистовствовали. И в этот момент он... чихнул. То, что произошло потом, показалось многим сверхъестественным: раздался чудовищный грохот. Несколько передних машин были отброшены от странного пешехода каким-то могучим неведомым ударом.

Молодой пешеход мгновенно стоял, удивленно оглядываясь по сторонам. Вдруг он схватился за голову, затем сорвал с себя темный предмет, висевший у него на груди, яростно покрутил что-то в нем и сунул в карман.

ДОРОГА КАЖДАЯ МИНУТА

— Вы должны спасти Эгнаса, Год. Ведь он ваш лучший друг! — Голубоглазая девушка выжидательно и просительно смотрела на своего собеседника. Он был бледен и стоял потупившись.

— Слишком много событий в один день, Гертруда. — Год поднял голову. — Лишь час назад я стал виновником ужас-

ного происшествия. О чем-то задумавшись, я проходил улицу Святого духа при закрытом светофоре. Один миг — и я был бы убит машинами. Но вдруг я чихнул. «Эмасфера» от толчка в грудь стала действовать, она висела у меня на ремешке... Дальше... Вы не можете себе представить, Гертруда!

— Вам удалось скрыться? — быстро спросила девушка.

— В первые минуты обо мне забыли. А когда я увидел, что меня ищут, я ушел. Вряд ли кто поймет, в чем тут дело.

— Ну, а как же с Эгнасом? Неужели этот случай мешает вам помочь ему, Год?

На лице Года отразилось страдание.

— А теперь это известие об аресте Эгнаса. Это значит, что я должен использовать свой аппарат, свою «эмасферу» для насилия над людьми.

— Не над людьми, Год, а над тюремщиками!

— Я плохо разбираюсь во всем этом, Гертруда. Я не политический деятель, я ученый. И Эгнас ученый. Зачем он связался с коммунистами?

— Сейчас не время спорить, Год! Дорога каждая минута.

Год, видимо, колебался. Гертруда не сводила с него тревожных, ожидающих глаз.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я включу свою «эмасферу», я пройду с нею сквозь тюремные стены. Но это будет первый и последний случай, когда мое изобретение используется для политической борьбы. Вы должны меня понять, Гертруда.

— Я понимаю вас, Год. Но и вы меня и Эгнаса поймете немного позднее, — сказала девушка и протянула ему руку.

В ТЮРЬМЕ ЛЕТЯТ КИРПИЧИ

— Гм... У вас есть какие-нибудь бумаги, предписывающие мне освободить заключенного Эгнаса Чармена? — спросил начальник тюрьмы.

— Нет. — Год с сожалением развел руками. — Это только личное мое убеждение. Видите ли, Эгнас Чармен — отличный химик. И я убежден, что его место не в тюрьме, а в лаборатории.

— А вы убеждены в том, что вы не спятили с ума? — резко спросил начальник тюрьмы.

Год покраснел.

— Я здоров и говорю вполне серьезно.

— В таком случае убирайтесь отсюда вон, пока я вас не посадил в одну камеру с вашим дружкой-коммунистом.

Году стоило большого труда сохранить спокойствие. Стараясь быть кратким и понятным, молодой человек объяснил взбешенному чиновнику, что он, доктор физико-математических наук Санто Год, почитатель и продолжатель работ великого Герца, является изобретателем сверхмощного вибратора «эмасфера», создающего на некотором расстоянии от себя сферу циркулирующих по кругу электромагнитных волн совершенно нового, доселе не известного в науке вида. Частота колебаний этих волн стоит где-то далеко, за рядом частот космических лучей, и так велика, что никакое постороннее тело не может проникнуть сквозь энергетическую броню «эмасферы». Снаряд, пуля, автомобиль, человеческое тело, соприкоснувшись с невидимой броней, будут с силой отброшены в сторону. Он, доктор Санто Год, не хотел бы прибегать к помощи «эмасферы», но если его друг Эгнас Чармен не будет немедленно освобожден...

— Задержите этого шарлатана! Я сейчас созвонюсь с полицией, — сказал начальник тюрьмы двум надзирателям, внезапно появившимся

у двери, — пока Год говорил, чиновник успел незаметно нажать кнопку на столе.

При виде надзирателей Год быстро вскочил со стула и схватил в руки «эмасферу», висевшую у него на груди. В следующее мгновение начальник тюрьмы вместе со своим письменным столом был отброшен к стене.

Год сделал шаг вперед, и чудовищная сила вышвырнула обоих надзирателей вместе с дверью из комнаты. Вслед им полетели кирпичи и штукатурка, как будто могучий ветер выдувал стену в коридор...

ГАЗЕТЫ СООБЩАЮТ

Имя Санто Года появилось в печати на другой день после событий в городской тюрьме Зурбайля, и с тех пор оно уже не сходило со страниц газет. Намеренно извращая обстоятельства происшествия, газеты рассказывали, как какой-то коммунист, называющий себя «доктором физико-математических наук Годом», вооруженный таинственным разрушительным аппаратом, ворвался в тюрьму. Срывая с петель и запоров массивные железные двери, Год добрался до камеры, где сидел коммунист Эгнас Чармен, и увел его... При этом «чудовищном нападении» был убит один надзиратель. Он выстрелил в Года из револьвера, но пуля пошла рикошетом обратно и убила надзирателя на месте.

В связи с событиями в тюрьме газеты Зурбайля вспомнили об автомобильной катастрофе на улице Святого духа. Теперь загадка этой катастрофы разъяснилась — в ней, несомненно, был повинен все тот же Год. Вся буржуазная печать требовала ареста Года и суровых мер против коммунистов.

„ЭМАСФЕРЕ“ УГРОЖАЕТ АВАРИЯ

После разгрома научного кабинета Года молодой ученый тайно поселился в тридцати километрах от Зурбайля, на даче у родственников Гертруды. Целыми днями он копошился над своим аппаратом, не выходя из отведенной ему комнаты.

Однажды Года навестил Эгнас Чармен.

— Хелло, Санто! Как поживает «эмасфера»? — сказал он, войдя в комнату друга.

Год отложил в сторону части своего аппарата.

— Плохо, Эгнас. Эти вандалы-полицейские уничтожили экраны конденсатора «эмасферы». Мне потребуется несколько дней на их изготовление. Это особый сорт пластмассы.

— А разве они так важны, эти экраны?

— «Эмасфера» — весьма точный аппарат, Эгнас. Энергия, излучаемая моим телом, может нарушить работу ее конденсаторов. Для отражения этой посторонней энергии служили особые маленькие пластинки-экранчики.

— Обидно! — Эгнас вздохнул с сожалением. — А я хотел пригласить тебя для одного интересного дела...

— Опять возня с полицией?

— Возможно. Ты разве не хотел бы?

— А что это за дело? — спросил Год.

— Охрана пикета забастовщиков.

— Я согласен.

— А как же экраны твоей «эмасферы»? — удивленно спросил Эгнас.

— Ничего! Нагрузку одного человека мои конденсаторы выдержат. Вот если мне придется принять еще кого-нибудь под защиту «эмасферы», тогда будет хуже...

НАПАДЕНИЕ НА ПИКЕТ

Год сидел подле завода Стронхо на уличной скамейке и делал вид, что читает газету. На самом деле он внимательно следил за двумя людьми, стоявшими поодаль, — коренастым усатым стариком в рабочей блузе и молодой женщиной с голубыми глазами. Из-за угла вышла группа, человек десять, и решительно направилась к воротам завода. Все шло вразброд, но в ногу. По выправке видно было, что это переодетые в штатское военные. Когда группа поравнялась с усатым стариком и женщиной, Год встал и спрятал газету.

— Завод бастует, — сказала женщина, загораживая дорогу всей группе.

— Вы не пойдете на работу, — хмуро прибавил старик, становясь позади нее.

Это развеселило штрейкбрехеров. Кто-то протянул руку к женщине.

— Девочка с огоньком. Ха-ха!

Все дальнейшие события развернулись с кинематографической быстротой. Одним прыжком Год оказался подле пикета.

— Гертруда, в сторону! — крикнул он.

В следующее мгновение штрейкбрехеры уже летели вверх тормашками в разные стороны, отброшенные могучей энергией «эмасферы».

— Невредимка! Драпай, ребята! — крикнул кто-то из них.

В этот момент раздалась оглушительная пулеметная стрельба. Полиция, засев на балконе соседнего дома, пробовала силу своих пуль на Невредимке.

МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ

Результаты пулеметной стрельбы по Году оказались плачевными прежде всего для переодетых солдат-штрейкбрехеров, не успевших оправиться от оглушительных ударов «эмасферы». Один из них был ранен рикошетной пулей, в другого угодили осколки отброшенной «эмасферой» бомбы.

Гертруда и старик оказались припертыми к железным воротам завода. Стоило Году уйти со своей защитной сферой, и оба пикетчика были бы убиты пулями полицейских.

Год оглянулся. Кто-то изнутри отпирал ворота. Несомненно, Гертруду и старика хотели взять с тыла. Стрельба с балкона прекратилась, полиция, видимо, выжидала.

Это был отчаянный шаг, но иного выхода Год не видел. Он выключил «эмасферу» и крикнул пикетчикам:

— Сюда, ко мне!

В одно мгновение Гертруда и старик перебрались под защиту «эмасферы», прильнув к спине Года.

— Эй, вы там, за воротами! — крикнул Год. — Это говорю я, доктор Год, Невредимка! Убирайтесь, пока целы!

Возня за воротами прекратилась.

— Эй вы, снайперы на балконе! — крикнул он, обернувшись к пулеметчикам. — Я похороню вас под обломками дома, если вы не оставите меня в покое!

«А что, если они наберутся духу и выпустят по нас еще одну очередь?» — мелькнуло у него в голове.

Но нет, вот они втаскивают пулемет в квартиру, вот захлопнулась дверь. Ни одного человека на улице. Великолепно!..

Только тогда, когда Год привел Гертруду и старика рабочего к такси Эгнаса Чармена, он сказал:

— Мы дешево отделались, друзья. Могло быть хуже.

Эгнас взглянул на кожаный футляр «эмасферы», висевший у Года на груди.

— Авария?

— Да. Вибратор перестал действовать еще там, у завода, когда Гертруда и старик стали за моей спиной.

ПИСЬМО ДИКТАТОРА

Год разорвал конверт и пробежал глазами небольшую записку. Эгнас и Гертруда подозрительно поглядывали на пакет с правительственной печатью.

— Я получил письмо от генерал-капитана Санхорто, — сказал Год с едва заметной улыбкой. — Вот что он пишет мне.

«...Жду доктора Санто Года сегодня вечером к себе для делового разговора за чашкой кофе...»

Друзья совещались недолго. Все было ясно. Санхорто хочет переманить к себе Года с его изобретением. То, что «эмасфера» не действует, ему, очевидно, и в голову не приходит. Хотя Гертруда и отговаривала Года, он все же решил отправиться к Санхорто. Доктор хотел потребовать амнистии политических заключенных и восстановления свободы печати и слова, как предварительных условий для переговоров о продаже государству своего изобретения. Это была рискованная затея — Год отправлялся прямо в волчью пасть с бездействующей «эмасферой».

Год снял трубку телефона.

— Говорит доктор Год, — сказал он, когда убедился, что Санхорто у телефона. — Я принимаю ваше приглашение. Но я могу явиться только под защитой своего аппарата. Поэтому благоволиите принять меня под открытым небом и предупредите всех, кто будет присутствовать при переговорах, что приближаться ко мне более чем на четыре метра опасно.

СВИДАНИЕ С ГЕНЕРАЛОМ САНХОРТО

Год вошел в широко распахнутые стальные ворота и оглянулся. Перед ним был просторный двор, посыпанный гравием. В глубине двора стоял сумрачный железобетонный дом Санхорто. Вокруг — ни души. Два офицера, вооруженные с ног до головы, вышли из дома и направились навстречу Году. Они остановились на почтительном расстоянии, и один из них сказал ледяным тоном:

— Его высокопревосходительство генерал сейчас примет вас...

Внезапно Год услышал позади себя шум мотоцикла и оглянулся. В коляске мотоцикла сидел маленький сморщенный старичок с обезьяньей физиономией, одетый в военную форму. Он с опаской разглядывал Года издали, не вылезая из коляски.

— Доктор Год? — спросил он.

— Да, генерал. Я воспользовался вашим приглашением, — с достоинством ответил Год.

«Смешно. Он залез в мотоцикл, чтобы удрать от меня в любой момент. О, если бы он знал!..»

— Доктор Год! — визгливо крикнул старичок генерал, под-

прыгнув в коляске. — Правительство и родина нуждаются в вашей помощи!

Диктатор говорил торопливо и нервно. Ему очень нужна «эмасфера» Года. Он хочет с ее помощью усмирить восстание в колониях, а затем навести порядок в соседних странах, где хозяйничают коммунисты. Он простит Году его преступления, он хорошо заплатит Году, наконец, он наградит Года государственной медалью «Золотого шакала»...

— Дальнейшие переговоры излишни, — сказал Год. — Я ошибался, воображая, что вы захотите использовать мое изобретение на благо людям. Я сам распоряжусь своей «эмасферой».

— В чем вы видите это благо? — спросил Санхорто.

— В том, чтобы бороться за свободу и культуру.

— Ах, так! Вы хотите при помощи своего аппарата совершить революцию в моей стране?

Аудиенция превращалась в обыкновенный полицейский допрос.

— Вы наивны, генерал, — сказал Год, презрительно улыбнувшись. — Революция в моей стране произойдет независимо от того, буду ли я участвовать в ней со своей «эмасферой» или нет. Это я понял внезапно вот сейчас, когда внимательно разглядывал вас, генерал.

Год сделал шаг вперед, намереваясь уйти.

— Не подходите! — завизжал диктатор и с силой пнул своего мотоциклиста.

Мотоцикл сорвался с места, унося Санхорто в открытые ворота.

Год иронически поглядел ему вслед и двинулся к выходу.

НЕВРЕДИМКА ХОДИТ ПО ГОРОДУ

После случая с пикетом забастовщиков и свидания с генералом Санхорто Год убедился, что фашисты окончательно поверили в его неуязвимость.

Шепотом из уст в уста передавался рассказ о позорном бегстве генерала на мотоцикле. Газеты иначе не называли Года, как Невредимка. Полиция перестала его трогать после того, как молодой доктор опубликовал свою угрозу пройти сквозь стены всех правительственных зданий и разрушить их до основания, если его и его друзей не оставят в покое.

Молодой доктор как заколдованный ходил по улицам Зурбайля на виду у полиции, заботясь, видимо, лишь о том, чтобы

никто не пострадал от ударов его невидимой сферы. Ходил он обычно по мостовой, предупреждая поднимая руку и восклицая:

— Станьте в сторону!

— Осторожно! Уберите ребенка...

И народ провожал его восхищенными взглядами. Многие мужчины поднимали шляпы и кланялись ему, когда не было вблизи полицейских. Женщины показывали его детям.

— Вот, деточка, — говорили они, — это доктор Год. Невредимка. Он лучший друг народа...

И никто, кроме Эгнаса и Гертруды, не знал, что Год ходил с пустым футляром на груди и что он проводит бессонные ночи, стараясь оживить свою угасшую чудесную «эмасферу»...

ОНИ ВСЕ ЗНАЮТ

— Короче!..

Начальник тайной полиции смотрел на агента № 115 с нетерпением.

— Эта дача стоит в лесу, ваше превосходительство. Я подслушал разговор хозяев. Они уверены, что его аппарат не действует. Он целыми ночами возится со своей шкатулкой.

— Ты в этом убежден?

— Так точно, ваше превосходительство. Однажды я шел за ним и видел, как кошка перебежала ему дорогу. У самых ног. И ничего...

Начальник тайной полиции снял трубку телефона:

— Генерал у себя?.. Это я... Мне нужно быть у него по особому важному делу.

...Агент № 115 набрел в коридоре управления тайной полиции на агента № 116.

— Неужели это все правда? — спросил агент № 116.

— Что? — подозрительно спросил агент № 115.

— Насчет Невредимки?

— А ты откуда знаешь?

— Начальник поручил мне проверить.

— Я никогда не ошибался, — с достоинством ответил агент № 115.

В тот же вечер Гертруда получила записку:

«Они все знают. Нападение готовится ночью. Примите меры. № 116».

Гертруда сожгла записку и побежала к Эгнасу Чармену.

ЧТО ИМЕННО ПОНЯЛ ДОКТОР ГОД

Полицейские остановили машину метрах в двухстах и пошли цепью на освещенную прожектором дачу. В этот момент Гертруда пустила ракету. Прожектор и ракета превратили ночь в день.

— Пли! — скомандовал Эгнас.

Это был великолепный залп: рабочие парни, присев за оградой, стреляли не хуже военных снайперов. Несколько полицейских уткнулись носом в траву, остальные успели уползти за деревья. Дальше последовала беспорядочная стрельба, во время которой Эгнас послал Гертруду в дом к Году.

— Санто, — сказала девушка, — мы отбили первое нападение. Но их машина удрала в город. Они ждут подкрепления. Эгнас просит вас уходить с пятью вооруженными рабочими.

— Задержите их еще на полчаса, и тогда я сам вам помогу! — крикнул Год, лихорадочно собирая части «эмасферы».

Танки вынырнули из темноты, освещенные ракетой. Их орудия молчали. Может быть, они хотели предложить сдаться? Но вдруг из дома выбежал взлохмаченный человек без пиджака. Это был Год. Он мчался к танкам, придерживая на груди свою «эмасферу». Через минуту дружинники услышали чудовищный грохот и лязг стали.

— За мной! — крикнул Эгнас и бросился вперед.

Они стояли среди разбитых и опрокинутых танков.

— Странно, — сказал Год.

— Что тебе кажется странным, Санто? — спросил Чармен.

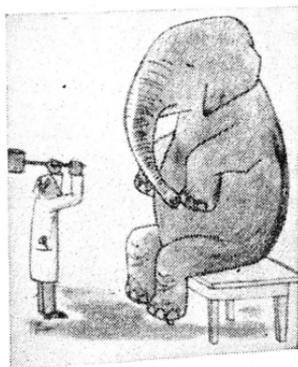
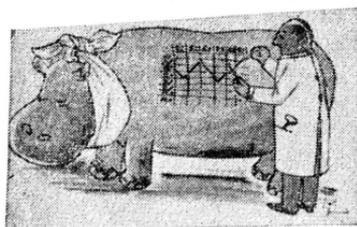
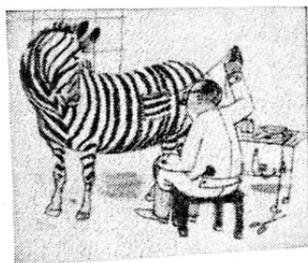
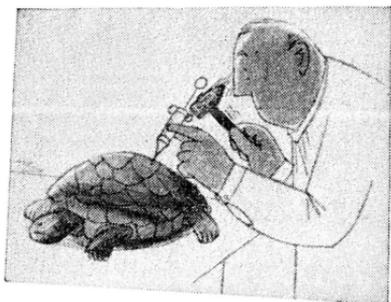
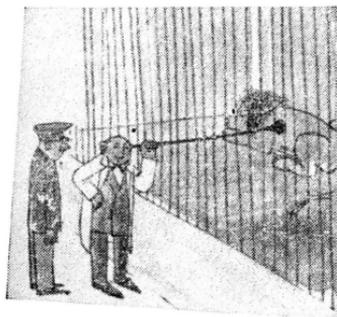
— Странная судьба моего изобретения, Эгнас. Ведь я не думал, что оно окажется грозным военным оружием... Кстати, Гертруда, вы помните наш с вами разговор в день катастрофы на улице Святого духа?

— Помню, — отозвалась из темноты девушка.

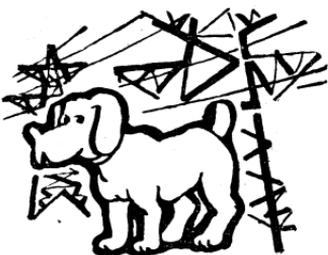
— Вы сказали, что понимаете меня, но я пойму вас и Эгнаса позднее... Мне кажется, я вас понял... Я понял, что мы живем в такое время, когда решается судьба свободы и культуры во всем мире. И в эти исторические дни не только моя «эмасфера», но даже обыкновенные ножницы не могут оставаться нейтральным предметом домашнего обихода.

НА ПРИЕМЕ У АЙБОЛИТА

Велёлая
СТРАНИЧКА

ПРОКЛЯТЫЙ ПЕС

РАССКАЗ-ШУТКА

Рисунки А. Рогова

Огромный, светлый зал лаборатории напоминал склад или техническую выставку перед открытием. Столы и некрашенные полки были уставлены черными сундуками с массой ручек и никелированных винтов; царил тот восхитительный беспорядок, который присущ только «проблемным» лабораториям. Между приборами белели листы с надписями: «Не трогать, включено!», «Коля, ДГЦ перегорел» и даже «Люблю Верочку» — подпись, впрочем, подложная. Кое-где ютились скромные сувениры лаборантов — портрет Гагарина, засохший букетик ландышей, реклама крымских курортов.

А в тесном кабинете разговаривали Автоном Георгиевич и Макар Иванович.

— Мы уже целую неделю могли бы ставить опыты, если бы удалось создать устойчивую систему регулирования, — сказал мрачный, худой и корректный Автоном Георгиевич и добавил: — Но ее нет...

— Неустойчив регулятор! Может быть, данная система из шестисот нелинейных уравнений вообще не имеет точки устойчивости. А?.. — отозвался тучный, веселый и шумливый Макар Иванович.

— Я думаю, имеет, — Автоном Георгиевич пожевал губами. — Но доказать не могу, и тут-то зарыта собака...

— Половинка собаки, — Макар Иванович рассеянно снял очки. — Хвост бубликом и задние ноги. Доказать, что устойчивость существует, — еще не значит найти параметры... О! Ну, конечно, собака!.. Устойчивость есть, и я берусь это доказать.

В волнении Макар Иванович погладил ладонью лысину, надев очки и снял опять. Автоном Георгиевич выжидал.

— Я видел эту схему, — уверенно заявил Макар Иванович. — В лаборатории академика Барнеса. Это была схема цепей нервного регулирования в спинномозговом канале собаки. Совпадает до деталей.

— По какому же критерию она устойчива? По Найквисту?

— По собачьему, — озлился Макар Иванович. — Вы видели, чтобы у здоровой собаки дрожали лапы? Какие еще нужны критерии!

— Да, это верно, — Автоном Георгиевич прикрыл глаза. — И, я думаю, тут можно пойти дальше. Если природа подобрала собаке устойчивые параметры, их можно измерить и построить электронную модель. Вы что-то хотите добавить?

— Я... Нет! — смутился Макар Иванович и снова надел очки.

— Макар Иванович!

— Что?

— Вы струсили, уважаемый... Вы хотите сказать, что можно... да-да, можно и не ждать, пока будет построена модель. А начать опыты раньше. Вынуть готовый регулятор из первого же пса...

Но Макар Иванович уже снял телефонную трубку.

— Верочка? Составьте бумагу на имя академика Барнеса. Пусть командирует хирурга, двух физиологов, а также необходимое оборудование. И десяток собак. Срочно. В связи с постановкой важнейшего эксперимента.

И добавил весело:

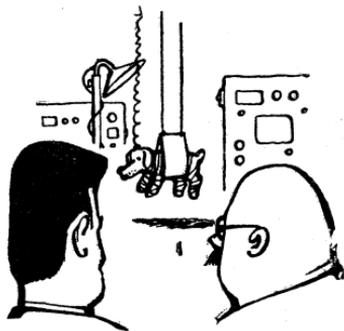
— Если не выйдет, всех собак будут вешать на нас!

Пса неизвестной породы звали Султаном.

Под этой кличкой он числился в ведомостях академической псарни, но отзывался и на любое другое имя, если его произносили ласково или, наоборот, достаточно сурово. Это было беспринципное, неряшливое и жадное существо. Жизнь его долго протекала у скудных помок под улюлюканье мальчишек. Только к двум годам он достиг — и то благодаря счастливому стечению обстоятельств — чистой клетки, трехразового питания и веселого общества, которое, правда, постоянно менялось. Одних собак уводили навсегда, другие — голодные, грязные — появлялись и постепенно приобретали вид и характер, подходящие к обществу собак науки.

Через день Султана запирали на два часа в светлой камере, где в самые неожиданные моменты вспыхивали лампы, трещали звонки и шевелились разные палки. Султан с охотой ввязывался в игру и старался догадаться, чего от него хотят. Он долго тыкался в разные углы, прыгал и толкал носом кормушку, пока не выяснялось, что надо нажимать на доску или лаять, чтобы выполнить очередную прихоть экспериментаторов. Тогда дно кормушки поворачивалось с восхитительным скрипом, и перед Султаном появлялись мягкие суповые кости с лохмами мяса...

Но скоро прежняя работа кончилась: его усадили в клетку и три дня везли в автобусе. По приезде незнакомые люди в белых халатах связали Султану лапы, ловко уложили на холодный стол и начали надевать тесную, неудобную маску. Султан никак не мог догадаться, что за этим последует и когда, наконец, ему дадут поесть. Чувствовал он себя неважно. Внезапно распахнулась дверь и в комнату влетел толстый человек в обычном пиджаке. Лицо его было измученным.

— Отставить! — крикнул он. — Хватит губить собак. К черту всю вашу препарацию! Отдельно от собаки нервные стволы не работают.

— Может, попробуем новый питательный раствор, Макар Иванович? — спросил один из людей в белом. — Очень близок по составу...

— Довольно составов! Будем вводить концы прямо в живую собаку. Пусть она сама питает и содержит в порядке свой регулятор. У нее там достаточно запасных каналов, может часть уступить нам.

Маску надвинули поглубже, что-то резко-приятное ударило Султану в нос. Он пытался вырваться, но тело уже плохо слушалось его, и пес заснул.

Султан хорошо перенес операцию. Теперь он все время висел на мягких лямках в станке, опутанном проводами, посреди большого, светлого зала, похожего на склад. Было скучно и неудобно. Султан жалостно глядел, как мимо носили черные ящики со стеклянными окнами — осциллографы, самописцы, — и норовил лизнуть чью-нибудь руку. Кроме того, он испытывал странное смутное ощущение, будто у него выросла еще одна, очень большая, тяжелая лапа. Едва он пытался шевелить ею, как все люди кидались к своим ящикам, припадали к стеклам, махали руками, записывали, кричали и ссорились. Постепенно Султан забыл о новой лапе, стал забывать даже о своих природных четырех, прибинтованных к столикам станка, потому что шевелить ими было невозможно.

Кормили Султана так, как не кормили даже гончих собак французских королей, но самочувствие его ухудшалось. Одно дело — два часа в камере разгадывать звонки, и совсем другое — день и ночь неподвижно висеть среди лихорадочной суеты и крика большой лаборатории. В спине началась ломота, она растеклась по всему телу: Султан поник головой, уши опали, мутные желтые глаза глядели на людей без всякого интереса.

— Отек и депрессия, — сказал однажды человек в белом халате Автоному Георгиевичу. — Необходимы движения, прогулки. Иначе летальный исход в течение недели.

— Это исключено, — ответил Автоном Георгиевич, глядя в пол. — Эксперимент нельзя приостановить.

— Се ля ви, такова жизнь и ее потребности, — меланхолично заметил врач. — Вашему «регулятору» нужны прогулки. И личная жизнь. Вы могли бы носить за ним кабель?..

— Я готов носить за ним кабель, хотя и я кандидат наук, — мирно ответил Автоном Георгиевич. — Но вы ручаетесь, что пес не станет бегать вокруг столба? Не погонится за котом, не свалится в яму и не оборвет при этом один из пятнадцати проводов? А тогда все начинай сначала. Где гарантии?

У врача гарантий не было.

— Снимите пса и ведите в операционную, — посоветовал Автоном Георгиевич. — Вшейте ему под кожу вот эту штучку. Тут из микромодулей мой мальчики смонтировали радиопередатчик и приемник на пятнадцать каналов. Батареи будут снаружи. Пусть бегаёт Султан и благодарит свою собачью судьбу. Кабеля не будет.

До чего же наивен был Султан, считая обстановку академической пары идеалом собачьего существования!

На новом месте его освободили от всяких обязательных занятий. Только раз в неделю с величайшей осторожностью над ним несколько минут колдовали техники — меняли батареи. За ним ухаживали псары с ветеринарным образованием. Для прогулок ему был предоставлен участок парка, обнесенный высоким забором, чтобы он не мог удрать. А пища! Нет выражений для того, чтобы передать ее необыкновенную сладость и питательность.

Раньше у Султана была слабость: вкусный кусок заставлял начисто забывать те остатки чувства долга и собственного достоинства, которыми его наделили поколения предков — верных, самоотверженных собак. За кусок колбасы он не раз продавал случайных хозяев, был поносим, бит и изгоняем. А ведь в колбасе, если принюхаться, есть что-то резкое, и теперь он смотрел на нее равнодушно, почти как на завалившуюся в пыли корку.

А главное — никаких наказаний! Однажды, играя, он разорвал брючину служителю и, поджав хвост, ожидал неминуемой порки. Но служителя просто перевели на другую работу, а пса напоили слабым раствором брома.

Постепенно он стал толстым, наглым и сварливым. Любимое его развлечение состояло в том, чтобы незаметно подкрасться к служителю и, сделав вид, что тот нечаянно попался на пути, ударить плечом, а затем куснуть. Когда один псарь стал ходить в брезентовых брюках, заправленных в высокие кирзовые сапоги, оскорбленный Султан ушел в угол, лег на пенопластовую подстилку и ворчал до тех пор, пока перепуганный парень не ушел. И хотя он потом являлся в мягких фланелевых штанах, Султан настоял, чтобы он не приходил вовсе.

Однажды ему нанесли визит начальник лаборатории и его заместитель. Макар Иванович подошел к пенопластовой подстилке, на которой нежился Султан, и ухватил его за ошейник.

Пес даже затрясся от злости. Только что у него в голове начали складываться неясные, но очень приятные планы, как провести время до обеда, и вдруг его — понимаете, его,

самого Султана! — хватают за ошейник. Он ощерился, уверенный, что Макар Иванович горько раскается в своем невежестве, но — нет уж, извините! — будет поздно: он не потерпит ноги Макара Ивановича в своих владениях. И так как твердая рука не разжималась, пес извернулся и цапнул ее чуть повыше кисти.

Макар Иванович отпустил ошейник и медленно выпрямился. Султан отвернул голову к стене, не желая принимать от грубияна никаких извинений.

Присутствующие поняли, что сейчас случится непоправимое. Макар Иванович побледнел, губы скривились, и, глядя поверх пса, он отвел ногу назад... Удар был бы страшен. Но Автоном Георгиевич бросился вперед и встал между псом и Макаром Ивановичем.

— Ты с ума сошел! — крикнул Автоном Георгиевич.

Наступило тяжелое молчание.

— К черту! — раздельно и твердо выговорил Макар Иванович.

— Прости, но...

— Заявление в отдел кадров... Ухожу сегодня. К черту!

— Иди. Видишь — гордость в нем заиграла! Дело бросишь? Занесся... Думаешь, мне легко возиться с этой мразью?

Макар Иванович ушел. За ним, качая головой, проследовал Автоном Георгиевич.

Под монотонный шум осеннего дождя Автоном Георгиевич привычно подкручивал винт зеркального дифференциатора. Перелом между участком кривой линии на пленке и ее отражением в зеркале исчез. Если и сейчас табличное значение сойдется с измерением по осциллограмме, новый электронный регулятор можно включить, а пса выключить.

0,27456! А в таблице? 0,27455. Сошлось!

— Переключайте каналы на автоматику! — крикнул он лаборантам и приник к зеленоватому окну осциллографа.

— Есть!

Дернулась, сбившись с такта, быстрая светящаяся паутинка и тут же вернулась на свое место. Все в порядке.

Макар Иванович просиял. Автоном Георгиевич расправил морщины на лбу. Как был, без шляпы прошагал на собачью ферму, не обходя пузырящихся луж.

На проклятого пса опять накатил очередной приступ хамства. Он валялся на подстилке и лениво взлаивал. Три человека суетились возле него. Один совал бром, другой — кусок говядины в сухарях, а третий следил за антенной: вертяться, Султан мог повредить передатчик.

— Готово! — крикнул с порога Автоном Георгиевич.

Сразу все трое потеряли всякий интерес к выходкам собаки и, облегченно вздохнув, исчезли.

Пес почувал неладное. Он лег на пузо, вытянул лапы, поднял жирную морду кверху. Когда Автоном Георгиевич подошел вплотную, пес отскочил, показав клыки. Его тусклые желтые глаза вспыхнули и погасли, он вразвалку поплелся к двери, минутно оглядываясь.

И тут нервы Автонома Георгиевича не выдержали.

— Гоните его! Гоните! — захлебываясь, закричал он. — Вон!..

Короткий визг за дверью подтвердил, что Автонома Георгиевича услышали.

Только потом спохватились, что пес улетел вместе с передатчиком...

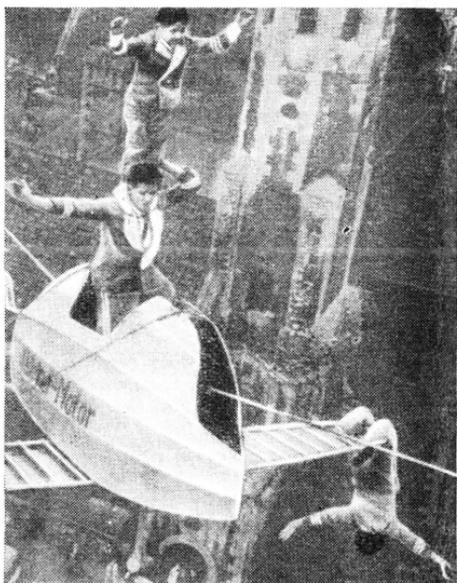
— Ну ладно, — решил Макар Иванович. — По радиосигналам его и найдем. Только я раньше, чем через три дня, не могу его видеть! Как хотите!..

Ультразвук- пылесос

Тонны пыли носятся в воздухе над промышленным городом. Она «съедает» кислород, вызывает многие заболевания...

Недавно польские ученые сконструировали прибор, собирающий пыль. Если оборудовать трубы такими приборами, подающими ультразвуковые сигналы, то получаемые при этом вибрации соединят, сгустят частицы пыли. Потом их задержат специальные фильтры.

Ультразвуки, словно гигантский пылесос, очистят воздух и избавят жителей индустриальных городов от их вечного врага.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

На это представление вход бесплатный. Семья акробата Трабера безвозмездно демонстрирует свое искусство в буквальном смысле над головами жителей западногерманского города Брауншвейга.

На высоте 80 метров небольшой, хитроумно устроенный самолет движется по натянутому тросу, почти незаметному с земли. Для большего эффекта трос протянут на уровне башни старинного замка. Зрители сразу могут оценить головокружительную высоту «полета» и опасность, которой подвергаются акробаты, работающие без всякой страховки.

С завидным хладнокровием, возможно полностью не сознавая опасности, сыновья Трабера, совсем еще дети, проделывают в воздухе акробатические трюки. Одно неверное движение грозит смертью на камнях мостовой.

О чем думает Трабер, рискуя жизнью сыновей? Что это, безумие или погоня за рекламой, за которой мерещатся Траберу деньги и обеспеченная жизнь?

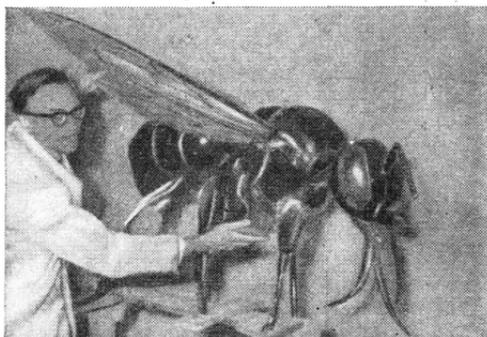
Челюсть — или жизнь

Загадочный преступник появился в канадском городе Риджуэй. Вечерами, скрыв лицо маской, он подстерегал на улицах одиноких стариков и старушек и безжалостно вырывал у них изо рта искусственные челюсти.

Полиция установила, что под маской таинственного охотника за челюстями скрывается врач-дантист: преступника выдала профессиональная хватка. Арестованный объяснил, что врачебное дело

его прогорало из-за недостатка платежеспособных клиентов и он не мог найти другого применения своим знаниям.

БЕЗОБИДНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Громадные выпуклые глаза, лохматые лапы, хищно изогнутая челюсть — отталкивающе выглядит это чудовище в Музее естественной истории города Бремена.

Около него постоянно толпятся энтомологи, студенты, фермеры. Их интересуют

все детали анатомического строения странного насекомого.

Свирепое с виду чудовище — всего-навсего увеличенная в 100 раз модель обыкновенной пчелы. Она сделана немецким скульптором Тричем в помощь энтомологам.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ. Цена свободы	2
К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ. Жизнь в эфире	38
М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ. На Зеленом перевале	44
Г. ГОЛУБЕВ. До скорой встречи!	62
Н. КОРОТЕЕВ. Первый кавалер Славы	69
Чудеса XX века	80
МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР. Чужаки	85
Ю. ШИШИНА. Человек — человеку	101
Лицом к лицу с опасностью	114
Снимки рассказывают	118
ГЮНТЕР ПРОДЕЛЬ. Банда Диллингера	120
Б. ДВОРСОН. Заметки о детективной литературе	133
Г. ГРЕБНЕВ. «Невредимка»	141
Веселая страничка	152
Л. ТЕПЛОВ. Проклятый пес	153
Всемирный калейдоскоп	158

«Искатель» — приложение к журналу ЦК ВЛКСМ «Вокруг света» — выходит шесть раз в год. Цена 20 копеек. Подписка на «Искатель» не проводится, приобрести его можно в киосках «Союзпечати».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Это было в трудный для нашей страны 1918 год. Огонь гражданской войны докатился и до отдаленного, казалось, всеми забытого Кий-острова.

Незванные гости прибыли на Соловецкие острова на эскадренном миноносце ее королевского величества «Индефетигебл». Английские интервенты решили устроить на Кий-острове военную базу, чтобы, заперев выход из Онежской губы, угрожать побережью.

Как сообщить нашим о коварных планах врага?

О героическом поступке молодого рыбака вы узнаете из приключенческого рассказа Ю. Васильева «Брод», который будет напечатан в следующем номере «Искателя».

Рисунок к рассказу (см. третью обложку) сделан художником А. Вольским.

НА 4-й ОБЛОЖКЕ:

Трудно взбираться по крутой спине ледника. Трещины, скользкий, коварный снег, лавины... И все же альпинист упорно, шаг за шагом поднимается к вершине.

Фото Ладислава Ситенского (Чехословакия).

Редакционная коллегия: Б. А. БАЛАШОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ

Художник-оформитель В. НЕМУХИН

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова
Адрес редакции: Москва, А-30, Суццевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38

А03831 Подп. к печ. 20/1 1962 г. Бумага 80×108^{1/2}. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2245.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суццевская, 21.

Цена 20 коп.

